

Евгений Лотош

Корректор

Книга четверая. Река
меж зеленых холмов

Евгений Валерьевич Лотош
Корректор. Книга четвертая.
Река меж зеленых холмов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28070209

SelfPub; 2017

Аннотация

Сила не бывает хорошей. Сила не бывает плохой. Все зависит от того, как ее владелец сумеет ей распорядиться. Стать полубогом-Демиургом – достойная награда за проявленные стойкость и отвагу... но что дальше? Только сказки кончаются на превращении Золушки в прекрасную принцессу. В реальности же приходится просыпаться наутро после подвига и идти в ванную – умываться и чистить зубы. И готовить завтрак. И поднимать в школу заспанных детей. И снова идти на работу: торговать в магазине, сражаться с чудовищами, строить дом, играть в политику или просто спасти мир.

Природа плакала.

Мелкий зимний дождь водяной пылью сыпал с серого, затянутого угрюмыми обложными облаками неба. С черных веток, на которых местами чудом сохранились сгнившие скелетики листьев, под порывами ветра летели холодные мутные капли, стучащие в оконное стекло и по жестяному подоконнику, словно зауспокойные барабаны, и в щель приоткрытого окна врвались сырые порывы уличного ветра. Зима царила на улице, и такая же зима прочно угнездилась в душе Нобары.

Урна с прахом жены стояла перед ним на столе. Вот и все. Вот и все. Все. Тридцать восемь лет они провели бок о бок. Тридцать восемь долгих лет, иногда солнечных и счастливых, иногда холодных и суровых, как нынешняя зима. Тридцать восемь лет, промелькнувших как одно мгновение. Кажалось, только вчера он встретил Суйгин, такую молодую и цветущую, застенчивую и пахнущую новой весной, словно бутон еще не распутившейся розы. Он был старше ее на восемь лет, и когда назвал ее своей женой, беспокоился, что умрет раньше, оставив ее коротать вдовый век. Но вышло иначе. Она умерла задолго до срока, в шестьдесят три, оставив его доживать свою жалкую и уже никому не нужную жизнь. Последнюю свою куклу он сделал семь лет назад, поклявшись, что больше никогда не возьмет в руки резец и

сверло, и лишь некоторые коллекционеры еще помнят его имя. Теперь ушел из жизни последний человек, для которого он что-то значил, и мир забыл про него полностью.

Модный гений, чьи уникальные поделки расхватывали богачи и коллекционеры, уже несколько десятилетий назад вышел в тираж. Когда врач объяснил ему, что у них с Суйгин не могут родиться дети, он с головой ушел в работу. Куклы заменили ему детей, которых не смогла дать жена, но бывшая страсть давно перегорела. Из творца, вкладывавшего душу в каждое творение, он превратился в ремесленника. Из создателя шедевров – в кустаря – конкурента индустрии игрушек, держащегося только за счет былой славы. О, безусловно, его куклы всегда получались великолепными – даже сейчас он чувствовал в груди колючую искру гордости за свой отточенный профессионализм – но не шедеврами, как ранние его работы.

И, в конце концов, они оставались всего лишь куклами.

Суйгин страдала молча. Она винила себя за бесплодность. Винила, наверное, до последних дней. Но она никогда не показывала ему свою слабость, и если бы он не знал ее так хорошо, то мог бы и не догадаться. Она предлагала ему взять ребенка из детдома, но он каждый раз отказывался. Чужой ребенок есть чужой ребенок, пусть даже живет с тобой под одной крышей. Наверное, тем самым он заставлял Суйгин страдать еще больше, но думать о том поздно, поздно, поздно...

Что заставляло его с головой уходить в работу, бежать от мира, закрываясь в своей мастерской? Гордость – или гордыня? Теперь уже все равно. Ушел человек, женщина, единственная во всем мире что-то значившая для него, и теперь впереди осталась лишь серая пустота последнего бессмысленного дня.

Старик отвернулся от урны с пеплом и тяжело пошаркал к старому секретеру с полировкой, покрытой частой сеткой мелких царапин. Открыв крышку, он достал лист старомодной бумаги. Он не признавал ни компьютеров с терминалами, ни даже писчий пластик. Впрочем, ему вообще нечего и незачем писать, и древняя пачка пожелтевшей от времени бумаги так и пылилась бессмысленно на полке много лет – до вчерашнего вечера. Он взял лист и перечитал набросанное карандашом. Строчки тянулись по нему вкривь и вкось, упорно не желая идти прямо, но почерк даже сейчас у него оставался каллиграфически разборчивым. Все верно. Нужно отнести документ нотариусу, а потом и позаботиться о том, чтобы его нашли. Детский дом, которому он завещал остатки своего невеликого имущества, он выбрал наобум. Какая разница? Главное, что деньги, оставшиеся после уплаты долгов, помогут детям. Наверное, все-таки следовало бы взять приемного ребенка. Сейчас он бы мог верить, что жизнь имела хоть какой-то смысл. Но поздно жалеть. Осталось лишь добраться до нотариуса, а потом вернуться домой и достать из шкафа на кухне пузырек с оставшимся от Суйгин снотвор-

ным. Таблеток, что там лежат, ему вполне хватит, чтобы заснуть окончательно и бесповоротно.

– Суйгин была хорошим человеком.

Выронив лист, Нобара обернулся настолько резко, насколько позволяло ему изношенное старческое тело – и почувствовал, как внезапно затряслись пальцы. В дверном проеме стояла темная фигура. Силуэт. Резкая черная тень на фоне полумрака с ровно горящими белыми огнями там, где полагалось находиться глазницам. Кто... что это такое? Призрак? Невозможно...

– Суйгин была хорошим человеком, – повторила тень. Она пошевелилась и шагнула в комнату – и все равно осталась бесплотной тенью даже в свете льющегося из окна тусклого зимнего света, дырой в никуда. Глаза же ее, казалось, разгорелись еще ярче. – Но всего лишь человеком. А люди умирают, мастер Нобара, хотя с этим так тяжело смириться.

– Кто ты? – дрожащим шепотом спросил старик. – Кто ты? Как ты сюда попал?

– Не все ли равно, кто я, мастер Нобара? – откликнулась тень. – Ведь ты все равно решил умереть. Неужели ты боишься какого-то призрака даже на пороге смерти?

– Я не боюсь призраков и духов. Я никогда не верил в них. И не намерен верить сейчас. Ты грабитель? У меня почти нечего взять, все деньги на счету в банке. Хозяйственные деньги здесь, я покажу, только уходи...

– Я не грабитель, мастер. Я не человек, верно, но я не же-

лаю тебе зла. Наоборот.

Тень скользнула вперед. Движение бесплотной руки – и рядом с урной на столе из ниоткуда возникла черная прямоугольная коробка с двумя полушариями по бокам. Вделанный в ее крышку голубой кристалл слабо светился.

– Когда-то твоя слава гремела среди ценителей, мастер. Тебя знали и уважали. Но ты ушел из мира и забыт. Я хочу, чтобы ты вернулся к своему ремеслу. Я не предлагаю тебе вернуть былую популярность, ты даже не сможешь выставить свои новые творения на публичное обозрение. Но ты станешь тем, кто поможет сделать мир чуточку лучше.

– Зачем? И как? Я просто старик, – Нобара медленно наклонился и подобрал с пола завещание, потом нащупал стул и сел. Дрожь в пальцах постепенно проходила. – Многие молодые мастера давно превзошли меня. Десятки фабрик штампуют яркие блестящие игрушки, которые так нравятся детям. Что толку, если я вырежу еще десяток-другой деревяшек?

– Много толку. У тебя нет и уже никогда не будет детей. Но я принес тебе подарок – Колыбель. Положи в нее куклу, и она оживет. Она обретет разум и чувства – те, что вложишь в нее ты. Нужно лишь взяться за полушария и думать о том, каким бы ты хотел видеть своего ребенка. Долго думать – период, два. Полгода. И не только думать – ты должен вложить всю свою душу, чтобы получилась не глупая игрушка, а что-то настоящее.

– Ты смеешься надо мной, – горько проговорил старик. – Зачем? Что я сделал тебе, незнакомец, что ты отравляешь мои последние дни своей издевкой?

– Я не смеюсь, мастер Нобара. Все сказанное – чистая правда. Но помни – ты стар. Ты не сможешь сделать много живых кукол. Каждая заберет с собой кусочек твоей души, и когда вся она кончится, ты умрешь. Я не знаю, на сколько тебя хватит – на две, три или пять игрушек. Решать тебе. Просто положи куклу в Колыбель и думай, каким бы ты хотел видеть своего ребенка. Условие единственное: она должна быть сделана тобой. Неважно из чего – из дерева, гипса, пластика, глины, хоть из бумаги. Но тобой. Теперь прощай. Возможно, мы еще увидимся.

Тень отступила назад, ее очертания задрожали и размазались. Горящие глаза вспыхнули в последний раз – и погасли. Нобара снова остался один.

Какое-то время он молча сидел на стуле, глядя в пустоту. Потом поднялся и дошаркал до стола. Он протянул руку и коснулся урны с прахом.

– Суйгин... – прошептал он.

Он осторожно, словно до раскаленной, дотронулся до коробки. Дерево. Просто дерево, небрежно отшлифованное и плохо лакированное. Он приподнял крышку и заглянул внутрь. Ничего, кроме стенок, обитых складчатым синим бархатом или чем-то похожим.

Что же явилось ему только что? Призрак? Кто еще мог

попасть к нему домой сквозь запертые двери? Но он всегда оставался убежденным безбожником и не намеревался становиться суеверным на закате дней. Кроме того, призраки обычно не носят с собой деревянные коробки и не оставляют их в подарок мертвым.

Он опустил крышку и осторожно дотронулся подушечками пальцев до одного из полушарий. На ощупь – что-то вроде кожи, мягкой, слегка продавливающейся при касании и, кажется, немного теплой. Что, если он стал жертвой чьей-то злой шутки? Он вышел в крохотную прихожую своего маленького домика, прямо в домашних тапочках шагнул на грязный низкий пол и подергал дверь. Заперта. И цепочка накинута. Он по очереди заглянул в каждую из четырех оставшихся комнат, включая там свет. Везде окна снаружи закрыты тяжелыми ставнями, запирающимися изнутри надежными болтами. Он захлопнул их в день смерти Суйгин и с тех пор не открывал. А больше в дом проникнуть неоткуда.

Призрак? Призраков не существует, что бы ни рассказывали суеверные старухи своим внукам и правнукам. Но кем бы ни оказался странный визитер, он явно не являлся человеком. Может, какой-нибудь хренов инопланетянин, или что там нынче показывают в скверных фантастических фильмах. Шутка инопланетянина? Зачем? Какой ему смысл издеваться над наполовину выжившим из ума стариком?

Он вернулся в комнату и остановился перед столом. Он долго смотрел на странный подарок, потом перевел взгляд

на секретер. На его верхней крышке, бездумно плясая в никуда, сидела кукла. Старая, грубо вырезанная из дерева, с негнушимися руками и ногами, в ветхом тряпичном балахоне и с криво приклеенными глазами из разноцветных пластмассовых пуговиц. Сколько же ему было? Да, как раз вскоре после четырнадцатого дня рождения. Пятьдесят семь лет назад. Бокува. Самая первая сделанная самостоятельно кукла, всю его жизнь остававшаяся для него талисманом. Единственная, что сохранилась у него. Он часто разговаривал с ней, иногда мысленно, а когда-то даже и вслух. Он часто воображал, как бы воспитывал ее, стань она настоящей девочкой, его живой дочерью. Как учил бы ее читать и писать, проверял бы домашнее задание, вместе с Суйгин водил ее в зоопарк и парк развлечений, вытирал слезы из-за разбитых коленок и противных мальчишек, дергающих за косички... Кукла. Почему он не согласился взять ребенка из детдома?

Он тяжело дошагал до секретера и взял Бокува в руки.

– Прости меня, Суйгин, – прошептал он, баюкая куклу.

«Джао, контакт. Камилл в канале».

«Джао в канале. Что скажешь плохого?»

«Да уж скажу. Джа, ты представляешь себе, сколько сил я в эту штуку вложил? И кому ты ее отдал?»

«Камилл, во-первых, она стояла тебе максимум полудня работы. Планетарного полудня, прошу заметить, не галактического. Во-вторых, ты не спрашивал у меня раньше, что я хочу с ней сделать. Я спросил, сможешь ли, и ты согласился.

Все. Я не обещал, что оправлю Колыбель в золото и стану молиться на нее трижды в день».

«Вообще-то я пребывал в твердой уверенности, что ты ее попросил для своей ненаглядной семейки, которую дрессируешь в Масарии. Не стыдно врать?»

«Врать? Я ни разу ни словом не обмолвился, что делаю ее для, как ты выражаешься, своей ненаглядной семейки».

«Но эн-сигнатуры, которые ты передал...»

«Ну и что? Камилл, еще раз: ты лучший из всех доступных сейчас специалистов в данной области, и я крайне признателен тебе за помощь. Но ты не ставил условий по использованию Колыбели, а я ничего тебе не обещал. Какие у тебя претензии?»

«Хм... да никаких, в общем-то. Кроме того, что ты сначала покопался в ней своими кривыми руками, а потом всучил ее полоумному дряхлому старикашке, который не сегодня-завтра близко познакомится с крематорием. Я вообще не понимаю твою идею, и мне уже жалко времени, которое я потратил на Колыбель».

«Не жалея. В свое время все разъяснится. Я ведь, кажется, обещал тебе, что твои искины замечательно впишутся в мои планы? Обещание до сих пор в силе».

«Обнадежил, спасибо. Я ведь всю жизнь мечтал подарить тебе все свои игрушки! Кстати, что ты там ему говорил про кусочки души? Я ничего подобного не закладывал. Ты, что ли, напортачил, когда с ней возился? Вроде бы дарить био-

формам смертельные подарки не в твоём стиле».

«А, всего лишь необходимый мистический антураж. Ничего такого, разумеется. Просто мне нужно, чтобы он очень серьёзно относился к каждой кукле».

«И кто-то тут ещё пытается рассуждать про состояние моей психики!.. И все-таки, Джа, что за очередную глупость ты замышляешь? Не хочешь поделиться? А то невысказанные тайны тяжко лежат на сердце...»

«У меня сердце без малого миллион лет отсутствует. Считай, что мне просто хочется поставить долгосрочный эксперимент из области прикладной философии. Суть ты обязательно узнаешь, если только я не провалюсь. Тогда, уж извини, я сделаю умное лицо и что-нибудь навру с три короба».

«И все-таки, Джа, мог бы и поделиться. Ты же меня до сих пор сумасшедшим считаешь, ага? А вдруг я настолько сумасшедший, что мне твоя идея понравится?»

«Ты не сумасшедший, а совершенно безответственен и со сдвигом по фазе, и тебя все время нужно возвращать на путь истинный. Скажи спасибо, что я не дал тебе запереться на Текире, как ты намеревался. Вот тогда бы ты в одиночестве точно свихнулся, и быстро. Но за последние пару терций ты изменился в лучшую сторону. Наверное, компания Мио и Майи на тебя хорошо влияет. Ещё вопросы есть?»

«Все-таки ушел от ответа! Ладно, я тебе еще припомню. Конец связи».

«Отбой».

А старый кукольник сидел за столом, неотрывно глядя на урну с пеплом жены, и его ладони бережно охватывали полушария Колыбели. И голубой кристалл, вмонтированный ее крышку, бросал на его лицо мерцающие отблески мягкого умиротворяющего света.

20.05.858, перидень. Сураграш, горный гребет Шураллах

– Восходящий поток магмы идет в мантии верстах в восьмистах южнее точки, где мы сейчас сидим, – Миованна ткнула пальцем в указанном направлении. Ее проекция имела вид женщины лет сорока с небольшим, в узких очках со стальной оправой, забранными в пучок на затылке волосами и в строгом брючном костюме. Она непринужденно висела в воздухе, ни на что не опираясь. – Карты планетарного строения в общем доступе Текирской рабочей группы, доступ у вас у всех туда есть, так что можешь поизучать на досуге. Если что непонятно, спрашивай. Ты вообще с геологией как, дружишь?

– Читал популярные книжки в школе да обязательный вводный спецкурс в университете сдал, ничего больше, – откликнулся Палек. Он сидел на краю скалы над разверзшейся внизу пропастью. С западной стороны южная вершина бывшего вулкана Аллахамана, возвышавшаяся на пять с лишним верст, представляла собой почти вертикально обрубленную голую поверхность, и Палек время от времени бросал

вниз камешки, наблюдая своим новым зрением их процесс полета до самых лесистых низин. – Сама понимаешь, Мио, я в университете совсем не на горном факультете учился. Кое-что из прочитанного еще помню, но глубокого понимания не жди. Это принципиально?

– Не слишком. Следует лишь помнить, что сейсмическая нестабильность участков коры под Сураграфом за прошедшие два века задавлена почти полностью. Однако «почти» и «совсем» – две разные вещи. Я не могу мгновенно заморозить здесь всю активность – пойдет отдача в другие участки. В частности, резко увеличится число толчков под Тролличьими островами, и берега Срединного океана снова начнут еженедельно хлестать цунами. Система слишком тонкая – переменных слишком много, реакция на изменения проявляется не сразу, с задержками в периоды, а то и планетарные годы, так что баланс подбирать трудно. Я к тому, что в течение ближайшей терции или двух, а то и дольше, вас будет потряхивать, пусть и редко и несильно.

– Терция – сто лет, да?

– Около восьмидесяти планетарных лет Текиры. Плюс-минус.

– Никак запомнить не могу, – пожаловался Палек. – Терции, секунды – вроде привычные названия, а в голове путаются. Придумали же вы системочку летоисчисления...

– Ну, извини. Мерить космогонические процессы планетарными годами как-то не слишком удобно. Галактический

год – и то слишком коротко, когда о конструировании миров речь идет. На самом деле все просто. Метрический год – один оборот Солнечной системы вокруг центра масс Млечного Пути, примерно двести пятьдесят миллионов земных лет. Текирских чуть меньше, но не суть. Далее последовательно на двенадцать делишь – месяц, день, час, минута, секунда, терция, минитерция. У тебя сложности потому, что еще не привык к стандартным каналам общения. Там символы метрических и планетарных единиц четко различаются, никакой путаницы.

– Тебе хорошо говорить, у тебя искин в башке сидит, все автоматически пересчитывает, – буркнул Палек. – А у меня – нет. Мне подсказывать некому.

– Во-первых, не в голове. Исходные человеческий и машинный разумы в нас переплетены так, что их друг от друга не отделить. Так что я вся целиком одновременно и человек, и искин. По-моему, вполне удобно. Не знаю, чего вдруг Джа вас решил иначе конструировать, но все претензии к нему. Может, еще и перерешит, когда убедится в неудачности идеи. А головы у меня вообще нет, как и у тебя теперь, кстати. Вообще отвыкай отождествлять себя со своей проекцией, ни к чему хорошему такое не приводит. Во-вторых, не ворчи. Ты же не думаешь, что в состоянии мгновенно изучить все, что мы накапливали почти пять миллионов лет? Привыкнешь и научишься, и пары секунд не пройдет. Метрических, я имею в виду.

– К тому времени все самое вкусное съедят, – Палек построил унылую физиономию, но тут же не выдержал и рассмеялся. – Не обращай внимания, Мио. Просто я все еще не могу толком осознать... перемену статуса. Язык себя Демиургом не поворачивается называть, а уж метрическими секундами мыслить и подавно не получается. Давай-ка вернемся назад. То есть ты хочешь сказать, что дороги, если мы начнем их прокладывать, необходимо рассчитывать на сейсмические толчки?

– Да. А в горных и пригорных районах вроде вашей Мумы – и на лавины с селями и оползнями.

– Что не может не радовать... – Палек закусил губу и принялся задумчиво ковырять мерзлую скалу. Гранит под его пальцами крошился и сыпался как песок. – Интересно, во сколько раз это версту удорожит?

– Ты сначала пойми, куда и зачем намереваешься свои магистральи прокладывать, – посоветовала Миованна. – Прикинь на пару с Семеном, какие регионы и как могут развиваться, откуда и куда пойдет грузопоток, провесь главные трассы, а уж потом оптимизируй по стоимости. Карты, как я уже сказала, тебе доступны, основные инструменты геоанализа – тоже. Возможно, за счет подбора оптимальных путей найдешь способы сократить издержки. Впрочем, с этим не ко мне. Я ведь тоже не инженер-дорожник и даже не экономист. Мои интересы в Игре никогда выше средневековых обществ не поднимались, и в индустриальной экономике Кон-

структуру разбираться незачем.

– Догадываюсь, – Палек отломил кусок камня размером с детскую голову, удивленно посмотрел на него и сбросил в пропасть. – Спасибо, Мио, у меня вопросов не осталось.

– Да всегда пожалуйста. Если захочешь геологией или тектоникой вплотную заняться, свистни. Вводный курс я тебе прочитаю, а дальше ты у нас мальчик умный, разберешься. Только, пожалуйста, давай общаться дальше по стандартным каналам, без колебаний воздуха. Хотя бы в виртуальности, если без визуализации пока обойтись не можешь. Понимаю, что тебе пока непривычно, но так масса времени и сил экономится.

– Договорились. Конец связи.

– Отбой.

Проекция Миованны на мгновение мигнула и растаяла. Палек рассеянно покачал ногой над пропастью, уронил в нее сандалию, остановил ее парой сотен саженей ниже и поднял обратно.

– Ну и на кой сдалась мне ваша божественность? – уныло спросил он, натягивая ее на босую ногу. – Как все просто без нее было...

– Можно подумать, Лица, тебя кто-то заставляет ей пользоваться, – раздался за спиной ехидный голос Яны. – Отключи своей проекции все возможности сверх человеческих и живи себе желтым земляным червячком. Можешь и половину мозгов заодно отключить – все равно ими не пользуешься.

Палек лениво запрокинул голову назад и посмотрел на нее.

– Между прочим, ваша толпа нарушает мою благочестивую медитацию, – сообщил он. – Я, может, себе сознание очищаю, к просветлению стремлюсь, а тут сгущаются из воздуха всякие...

– Потом очистишь, о блистательный камисама, – неторопливо сгустившийся из воздуха Семен непринужденно присел на скалу. – У меня выдался свободный часок, так что я решил, что нам пора поболтать за жизнь и определить жизненные ориентиры. Рассаживайтесь кружком, молодая поросль, поболтаем.

– Великий шаман Панариши, как всегда, краток и сразу приступает к делу, – Цукка села на корточки рядом с опустившейся на пятки Кариной. – Мати, ты у нас большой и сильный, скажи ему, чтобы с дамами вежливо обращался. Может, он тебя испугается.

– Дор у нас самый большой и сильный, он пусть пугает, – Саматта недоуменно посмотрел на зажатую в руке автоматическую винтовку. – А ее-то я как прихватил? Совершенно точно из рук выпустил.

– Подсистема перемещения смещает все, что, как она определяет, в данный момент принадлежит к зоне прямого владения проекции, – пояснил Семен. – Не обязательно держать объект рукой, есть и другие отношения принадлежности. Одежду, например, вы не держите, но система смещает

и ее. Отправить назад сумеешь?

– Сумею, – кивнул Саматта. Винтовка медленно поднялась перед ним в воздух, потом ее поглотил длинный черный кокон, мгновенно стянувшийся в тонкую линию и пропавший. – Дома, в Масарии, у Дзи охранная система с тем же интерфейсом работает, один в один. Только там не смещает, а уничтожает. Ну ладно, какова повестка нынешней встречи?

– За жизнь поговорить, – Панариши поерзал, устраиваясь поудобнее. – Ну что, молодежь, освоились немного со своей новой формой? В себя пришли? Лика, тебя даже не спрашиваю – вижу, ты уже до средств управления проекцией на низком уровне добрался...

– погоди, – перебил его Палек. – Раз уж мы все здесь собрались, почему Каси нет? Она чем хуже?

«Палек, контакт. Канса в канале. Лика, не волнуйся, я слушаю. Рис мне транслирует».

– А, ну если так... – пробурчал Палек. – Между прочим, могла бы и меня попросить. А Би где? Тоже слушает?

– Ты что, не знаешь? – удивился Семен. – Он в Кураллах утром переместился. Там ему лабораторию пообещали, у него новые идеи насчет того, как связь организовать – надежную и полностью на текирских технологиях... во всяком случае, не отличимую от современной промышленной технологии. Какие-то там сложные схемы горюдит, гиперсвязь в промышленные коммуникационные чипы незаметно встраивает. Сейчас наверняка возится с наноманипулятором или

в какой-нибудь страшной программе схемы рисует. Кара, как у тебя ощущения?

– Я в порядке, – Карина задумчиво посмотрела на него. – Почти. Состояние странное, но я притерпелась. Только вспомогательные системы на нервы действуют, особенно система мониторинга.

– Они необходимы, и система мониторинга – в первую очередь. Не забывайте, что видеозапись ваших нечеловеческих способностей можно сделать чем угодно, хоть камерой пелефона. И если она ненароком попадет в Сеть... Ребята, я говорил с каждым из вас по отдельности, но все же задам вопрос еще раз всем вместе: вы осознали, почему нельзя допустить утечку информации о существовании Демиургов в общество? Лика, тебя вопрос в особенности касается. Осознаешь?

– Рис, ты зануда еще похуже Дзи, – Палек взмыл в воздух и вытянулся горизонтально, заложив руки за голову. – Разумеется, я не собираюсь показывать такие фокусы на публике.

– На публике – полбеда, – Семен ехидно усмехнулся. – А тот факт, что сейчас эту местность активно снимает катонийский спутник «Космос-18» с оптикой, различающей предметы в пять сантиметров в диаметре, тебя никак не настораживает?

– Спутник? – насторожился Дентор. – Какой спутник?

– Военный. Шпионский, если хочешь, – любезно пояснил Семен. – И у вас у всех система оповещения о том настоя-

чиво сигналил – ага? И у вас у всех она наверняка заглушена до уровня, когда предупреждение воспринимается только при явной концентрации сознания. Если бы я не закрыл гору маскирующей сетью, в Министерство обороны Катонии уже ушли бы очень интересные снимки небольшой компании людей, развлекающейся на свежем разреженном воздухе на неприступном пике на высоте в пять верст – в легкой одежде и при температуре минус двадцать три. Лица, правда, не разглядели бы, но кто еще в здешних краях фигурирует в досье «Камигами»? Намек на будущее: интенсивность сигнализации для живых и электронных наблюдателей может регулироваться отдельно. И радиусы игнорируемых зон – тоже. Я понимаю, что неприятно, когда в спине все время чешется и колет, но пора бы уже и привыкать потихоньку. Или переназначьте датчики на другое ощущение, несложно.

– Действительно, сигналил... – Дентор задрал голову и посмотрел в зенит. – Как тут зрение регулировать, опять забыл... а, вижу. Снимает, зараза. Ну ладно, учтем на будущее.

– Да уж сделайте любезность.

– Между прочим, господин ты наш Семен, – Палек покровительственно улыбнулся, – не все такие олухи, как ты думаешь. Я тоже занавески над горой задернул, прежде чем Мио сюда звать.

– Действительно, некоторые не олухи, а просто поверхностные самонадеянные пустозвоны, – подмигнул ему лжешаман. – Или типичные технари по стилю мышления, на-

чинающие читать инструкции, только если что-то внезапно взрывается. Лица, техника «задергивания занавесок» рассчитана только и исключительно на биоформы с их характерными особенностями высшей нервной деятельности. А у небιологических наблюдателей, в том числе у искинов анализа изображений, знаешь ли, психики не наблюдается, так что «занавесками» от них не скроешься. От них можно защититься только прямым воздействием, в частности «маскировочной сетью», которая, в свою очередь, совершенно прозрачна для биоформ.

– Врешь! – не поверил Палек. – Я же читал... вот... – Он задумался. – Действительно, на электронику не действует, – наконец признал он. – Не обратил внимания. Ладно, уел, признаю. Я тормоз, о Великий Раскрашенный В Полосочку Учитель Панариши!

– Если не нравится в полосочку, могу пятнышками. Ребята, повторяю еще раз: если мы хотим добиться стабилизации обстановки на планете, публика не должна ничего знать о Демиургах. В противном случае мы получим такой расцвет религиозных культов и связанных с ними войн и охоты на ведьм, что вся двухсотлетняя работа Старших пойдет псу под хвост. Получим то же самое, что и после Пробуждения Звезд, с поправкой на подводные атомные ракетносцы. А видеозапись с самого обычного пелефона, утекшую в Сеть, втихую вычистить практически невозможно. Поэтому очень прошу всех – на первых порах будьте очень аккуратны.

Очень. Лучше, – он покосился на Палека, – если вы вообще не станете трогать настройки по умолчанию своих основных проекций и продолжите изображать обычных людей. Если хочется поупражняться, что, кстати, весьма приветствуется, слепите новую проекцию, которая никогда не показывается на людях, и измывайтесь над ней.

– А там очень сложно? – деловито поинтересовалась Цукка. – Я с компьютерами как-то не очень...

– Если ты думаешь, что Старшие Демииурги в массе своей отличаются высоким интеллектом, я тебя разочарую. Они хотя и симбионты людей с искинами, эмоционально доминирует все-таки человеческая компонента – за отсутствием эмоций у искина. А человек от природы глуп, туп, нелюбопытен и очень не любит учиться. Вы еще не изучали списочный состав Старших? Не обратили внимания, что наукой в подавляющем большинстве занимаются только первое и минус первое поколения? Наши Джа и Майя – едва ли не единственные исключения. Так что основная система управления проекциями настроена на уровень средней домохозяйки. Все элементарно: раздел базовых возможностей – управление проекциями – библиотека шаблонов. Кукол в детстве в платя одевала? Там немногим сложнее. Можно создавать по стандартным шаблонам или же лепить по-своему. Лику потом спроси, он уже во всем разобрался, я смотрю.

– Ага, я крупный авторитет, – важно подтвердил Палека. – Стану брать по маеру за консультацию, и уже лет через тыся-

чу разбогатею. Рис, ты нас собрал, чтобы про осторожность напомнить?

– Лица, кончай хамить, – Яна попыталась пихнуть его кулаком в бок, промахнулась, оступилась и едва удержалась на ногах. – Рис, не обращай на него внимания, он с детства старших не уважает и кошельки по карманам тырит.

– Кошельки-то при чем! – возмутился Палек. – Сто лет их не...

– Ша, малявки! – внушительно сказал Саматта. – Потом доругаетесь. Рис, давай дальше, а то этой парочке только позвошь сцепиться!

– Я собрал вас для того, чтобы обговорить планы на будущее. Неделя – не такой большой срок, но первый шок у вас уже прошел. Пора определяться, чем вы займетесь дальше. Если вы все-таки решили пока сохранить прежнюю жизнь, то пора к ней возвращаться. Если же хотите мне помочь, то скажите прямо сейчас. Я не могу в одиночку контролировать весь Сураграш, и мне отчаянно нужны помощники, которым я могу доверять безоговорочно. Я не настаиваю – если откажетесь вы, начну потихоньку будить остальную молодежь. В первой очереди восемнадцать кандидатур, и кто-нибудь обязательно согласится. Если не можете ответить сейчас, подумайте еще сутки. Но завтра крайний срок. Пришли в движение процессы, которые следует брать под контроль с самого начала, и один я не справлюсь.

– Я для себя давно все решила, – спокойно сказала Кари-

на. – Рис, у тебя разве были сомнения?

– Нет. Но тебя слишком многое привязывает к прежней жизни. Я до сих пор не уверен, что ты вот так сразу сможешь порвать старые связи. Ты решилась окончательно?

– Да. Нужно только закончить несколько важных дел. У меня несколько операций намечены были, которые никто, кроме меня, не проведет. В том числе запущенный рак печени, с которым я из-за истории с похищением и так непростительно затянула. Пациент пока жив, я проверила, но еще пара недель промедления – и он умрет.

– Хорошо. Цу?

– Рис, я все-таки пока не могу. Мне нужно завершить проработку темы. От меня зависят люди, и я не могу просто так их бросить. Думаю, осенью я освобожусь и смогу вплотную заняться местными делами. Но вряд ли раньше.

– Хорошо. Мати?

– В твоём распоряжении. Лекции по истории и без меня найдется кому читать, а больше мне дома делать особенно нечего.

– Дор?

– Аналогично. Меня достало из года в год командовать спецотрядом. Жаль ребят бросать, но переживу. Может, еще и сманю кого сюда. Заодно молодость вспомню.

– Лика?

– Миованна меня обрадовала – дороги здесь строить можно. И мосты тоже. А я с детства хотел в мостостроители по-

даться. И Каси не возражает здесь обосноваться. Я остаюсь.

– Яни, с учетом вчерашнего разговора тебя даже не спрашиваю.

– Ага. Я уже начала сканировать Сураграш в поисках детей с пробуждающимся эффектором. Пока намечаются три случая пробуждения в ближайший период-другой, и наверняка они не единственные. У меня есть мысли, как переломить ситуацию с убийствами. В общем, здесь я нужнее, чем в Масарии.

– Понятно. В таком случае для всех вас – даже для тебя, Цу, в Катонии – найдутся занятия. Сразу, однако, следует обговорить вот что. Всем нам в ближайшие годы потребуется общаться с самыми разными личностями в самых разных местах, отстоящих друг от друга на многие тысячи верст. Мы, конечно, можем перемещаться в любую точку мгновенно – но нам позарез необходимо соблюдать правдоподобие. Никто не должен знать о вашей новой природе. Повторяю – никто. В нашем распоряжении есть два десятка легких самолетов и вертолетов, захваченных у Дракона, есть и установки для производства биотоплива, и даже запасы авиационного керосина. Все перемещения проекций просьба осуществлять с помощью авиации. Для простоты взаимодействия о свободной технике запрашивайте меня, я укажу, что именно можно использовать в данный момент. Да, медленно и нудно, но необходимо. Использовать фантомы-имитаторы следует только в крайнем случае.

– Погоди. Как тогда быть с нашей вчерашней операцией? – поднял указательный палец Саматта. – Чем ты врезал по тому лагерю? Я так и не разобрался, но чем-то явно выходящим за рамки обычного.

– Нейроэффектор, настроенный на сплошную обработку области пространства. Вызывает беспричинное чувство панического ужаса. В сочетании с так понравившимися тебе визуальными эффектами крайне полезен для бескровного рассеивания противника. Вполне примитивно, Яни с помощью выданного Джа резонатора такое и раньше умела делать. Но, Мати, не забывай – я шамана специально для того и изображаю, чтобы иметь возможность фокусы показывать. Пока воздействие не выходит за рамки общего культурного фона, все в порядке. Я хочу сказать, что местное население искренне верит в шаманство, силу духов и тому подобное, так что для него мои якобы паранормальные способности – в порядке вещей. Они лишь добавляют мне небольшую каплю авторитета. Стороннему же аналитику из просвещенного общества можно подsunуть рациональные варианты объяснений. Самый простой – полуграмотные аборигены выдумают и раздувают всякую чушь. Или: я не так прост, как кажусь, и каким-то образом имею доступ к передовым военным разработкам, наподобие инфразвуковых генераторов. Точно по той же схеме что-то может сойти с рук и Каре. Яни в какой-то степени может примазаться как широко разрекламированный девиант. Но за остальными шаманских и прочих особых

способностей не замечено, так что следует быть очень аккуратным.

– То есть если мне придется выбирать между стрельбой и чудесами, я должен выбрать стрельбу? – уточнил Саматта. – И что тогда насчет запрета на убийство?

– Мати, – Семен глянул на него бездонными черными глазами, – я не запрещал тебе убивать. Я вообще не могу ничего вам запретить и ни к чему вас принудить. Вы – Демургы, пусть и не научившиеся еще пользоваться своими возможностями. И вы все зрелые личности, прекрасно умеющие думать своей головой. Сейчас я вынужденно выступаю в роли вашего наставника, но я не в состоянии водить вас за руку всю вашу жизнь. Недалек тот день, когда вы окажетесь сами по себе. Я лишь настоятельно рекомендую по возможности обходиться без убийств, пока вы не найдете в себе новый баланс отношения к жизни и смерти. Человеческую жизнь очень легко оборвать, но невозможно восстановить, и лучше не начинать новую жизнь с поступков, о которых потом станете жалеть. Большинство наших противников – все не отъявленные мерзавцы, которых неведомо как земля носит. Они обычные люди, волей судьбы оказавшиеся не на той стороне, зачастую – вполне неплохие люди. Того же Дуррана для примера возьмите. Дайте им шанс прожить жизнь заново, и они могут найти в ней иной путь. В мире вообще мало людей убежденно добрых и убежденно злых. Обычно есть лишь обстоятельства.

– А если в процессе соблюдения правдоподобия погибнет кто-то из наших? От шальной пули, например?

– Все бойцы знали, на что идут, когда вступали в отряды сопротивления. Они добровольно приняли правила игры – включая возможность своей гибели. Такова жизнь, Мати, и даже Демиурги не в состоянии тащить на себе весь мир. Люди умирают, и с этим ничего не поделаешь. А как минимизировать количество смертей из-за наших действий – выбор вариантов за вами.

– Философ... – пробормотал Дентор.

– Философ, – согласился Семен. – Поживешь с мое, еще и не таким станешь. Но что касается военных операций, то вам и в самом деле очень скоро придется проводить их самостоятельно. Вы в них ничуть не хуже меня разбираетесь, скорее, даже лучше, а мне нужно в политику играть. А я даже две проекции одновременно с большим трудом держу. Я не зря инфразвуковые генераторы упомянул – от Дракона нам досталось три штуки таких, два катонийских и один княжеский. Придется вам таскать их с собой вместе с генераторами для подзарядки. Пользоваться незачем, Яни покажет, как нейроэффектором правильно работать, но для поддержки легенды надо. Теперь такой вопрос: как вы думаете, что именно является нашей основной задачей в данный момент времени?

– Дракончиков добить? – жизнерадостно предложил Палек. – А давайте по ним нейроэффектором сразу по всем ша-

рахнем! Они разбегутся, и у нас настанет светлое будущее.

– Во-первых, всем кушать надо, и боевики Дракона – не исключение. Если они разбегутся из своих лагерей, то превратятся в обычных бандитов, грабящих ради еды. Таких беглецов и без того хватает. Нам нужно не только их рассеять, но и ассимилировать в местном населении, чтобы за старое не взялись. Тех, кто заслужил, нужно судить, по возможности справедливо, остальных потихоньку станем вербовать в новую регулярную армию.

– В армию? – поразился Дентор. – Бандитов?

– Если тебе угодно так сформулировать. Дор, у нас серьезные проблемы с обученными солдатами. Ты же сам понимаешь, что с пятью тысячами бывших партизан, что у нас имеются на весь десятиллионный Сураграш, мы даже полицию в городах толком сформировать не сможем. А армия нам потребуется, потому что без нее никто из соседей с нами просто разговаривать не станет. И взять ее неоткуда – сделать солдата из земледельца сложно и требует массу времени, сил и денег. У нас – ни того, ни другого. Как я уже сказал, значительная часть солдат Дракона оказались на той стороне просто потому, что в здешних краях никто не может предложить ничего более достойного. Даже если оставить Дуррана в стороне, половина моих партизан так или иначе перевербована из рядов Дракона. С того момента, как я начал вести здесь операции, за каждым боевиком следил специально выделенный фантом. По их данным к разряду

отъявленных мерзавцев можно отнести от силы процентов пятнадцать. Искины Камилла помогут с анализом записей и выявлением настоящих преступников. Такой план действий тебя устраивает?

– Не слишком, – Дентор скептически скривил рот. – Бандит – он и есть бандит, пусть даже особо не свирепствовал. В нашу армию... Не знаю. Разве что перемешать с преданными людьми и муштровывать до потери сознания.

– Вот вы на пару с Мати и займетесь планом их перевоспитания, – обаятельно улыбнулся ему бывший Серый Князь. – Инициатива наказуема, верно? Во-вторых, добить Дракона – второстепенная задача. Северные кланы мы вообще трогать пока не станем, да и остатки южных – тоже. Главное для нас сейчас – заявить о себе как о легитимном правительстве. Мы должны добиться международного признания. Нам нужны деньги – огромные деньги. На строительство инфраструктуры – дорог простых, дорог железных, электростанций и линий электропередач, любимых Ликой мостов. Деньги на создание необходимых государственных учреждений, системы здравоохранения и хотя бы начального образования, на оплату специалистов из других стран, которых нам придется приглашать на первых порах... А у нас финансов нет. Моих старых золотых схронов вроде того, что под Муммой, надолго не хватит. Джа передал мне контроль за своим биржевым искином в Катонии, которого он использовал для добывания сумм на операционные расходы, но целое государство

он профинансировать не сможет. Карманная мелочь, не более. Единственная возможность раздобыть деньги на первых порах – торговать сырьем. Шураллах очень богат полезными ископаемыми, но их некому добывать и за отсутствием дорог очень сложно транспортировать. Мы можем привлечь иностранные корпорации, но те, что согласятся играть по правилам, не станут иметь дело с кучкой повстанцев. Им нужны хоть какие-то гарантии законности операций, а их может предоставить только признанная власть. И на достижение признания со стороны хотя бы Четырех Княжеств и Катонии мы и должны направить все свои силы.

– А Граш? – поинтересовалась Цукка.

– С Грашем все куда сложнее. Вы должны понимать, что в нем нет центральной власти в том же смысле, что и в Княжествах с Катонией. Формальные законы там имеются, но на деле все определяется сложной системой взаимоотношений племен и кланов. Власть в Граше базируется на личном авторитете лидеров, четко оформленные управляющие структуры существуют только там, где необходимо общаться с иностранцами. Власть Великого Скотовода, по большому счету, распространяется только на Грашград и его ближайшие окрестности. В остальных частях страны все построено на полуфеодальных структурах со своими авторитетами, у каждого из которых благосклонности придется добиваться отдельно. Даже наместники и Смотрящие ГВС на деле назначаются из доминирующих кланов и слабо ему подчиняют-

ся. В Граше даже мне тяжело ориентироваться, хотя у меня за плечами три века опыта времен Игры и еще десять лет – наблюдений в новейшем времени. Проблематично там в политику играть, слишком много корыстных интересов приходится балансировать.

– А территорию у нас оттяпать грашцы под шумок не захотят? – сощурился Дентор. – Ведь так удобно – ничейная земля, защищать ее некому...

– Не исключено, – согласился Семен. – Но и не слишком вероятно. Потенциально спорных территорий хватает, но все, что по-настоящему интересовало феодалов, уже под их контролем. С Драконом они сферы влияния делили достаточно эффективно. Дракон интересовался только маякой, на сухих солнечных равнинах растущей плохо, а лордам нужны только пахотные земли и пастбища, которых в джунглях мало. Без ясного понимания ситуации лезть на чужую территорию, рискуя конфликтом с непонятно насколько сильным противником, ни гуланы, ни тарсаки не рискнут. Дураки в тамошних раскладах не выживают в том числе физически, а умные наобум действовать не станут. Нет, риск военной интервенции со стороны Граша невелик – чего не скажешь про Княжества. Вот тамошние генералы вполне могут посчитать момент благоприятным – а на севере Сураграша есть богатейшие природными ископаемыми области, на которые в ЧК давно облизываются самые разные корпорации и отдельные личности. Чукамба, Тироллах, Феста, Мунал-

лах... А мы вряд ли сумеем их удержать.

– Шураллах, Муналлах, Тироллах, Кураллах... – проворчал Дентор. – Сплошные «лахи».

– На кленге «лаху» означает «место», «область», – пояснил Панариши. – Очень распространенный корень в здешних названиях, только финальное «у» обычно редуцируется. Кстати, девочки и мальчики, языками, кленгом, поллахом и тарси в первую очередь, вы тоже займитесь вплотную: универсальный транслятор дает знание, но не понимание, а тонкие нюансы речи при общении очень важны. Так вот, чтобы закрепить за нами побольше этих самых лаху, нам и нужно начинать действовать прямо сейчас. Кара, для начала основной удар придется держать тебе, сама понимаешь. У тебя в наших краях самый высокий публичный авторитет. После возвращения из Катонии тебе придется как следует помотаться по стране, чтобы показаться людям. Ты – тот символ, который сможет их объединить, а при неудачных действиях – расколоть. Также тебе придется заняться и международной дипломатией...

– Рис, ты же знаешь – я не дипломат даже в первом приближении, – Карина качнула головой. – Я врач.

– А я, когда меня Джа в Хранители рекрутировал, машиностроительный только-только закончил. Думаешь, там дипломатия в список факультативов входила? Разберешься. С моими подсказками на первых порах, разумеется. Остальным тоже политикой придется заняться вплотную. Цу, нач-

нем с тебя. Поскольку вы с Карой все еще считаетесь похищенными, для начала вам обоим придется вернуться в Катонию. Следует показаться публике и донести до нее суть происходящего в Сураграше. И еще там есть люди, которых следует погладить по шерстке за участие в вашей судьбе. Придется потратить неделю-другую на скрытую рекламу нашего правительства в виде интервью, выступлений и тому подобного политеса. По ходу дела Кара порешает свои дела и отправится назад, а ты, Цу, на некоторое время превратишься в нашего официального посла. Ольга как раз намеревается вернуться домой, вот вместе с ней в Граш и поезжайте. У нас есть восьмиместный курьерский вертолет, завтра я вызову его сюда.

– Ракетчиков Дракона мы уже не боимся? – поинтересовался Саматта.

– Боимся. Поэтому тебе отдельное задание – прочистить трассы полетов. Вам с Дором пора осваивать тактические сканеры, вот заодно и попрактикуетесь. Кара и Цу, вертолет доставит вас вместе с Ольгой на грашскую военную базу Тёто неподалеку от границы – я загримирую вас под тарсачек, и у меня есть неофициальные контакты с ее командиром, так что проблем не возникнет. Только говорить постарайтесь поменьше, пусть Ольга общается, ей я легенду уже проработал. Завтра днем с Тёто на базу возле Туса вылетает транспортный вертолет Караванной Охраны, он вас возьмет. От базы до города полчаса на машине, как добраться – разберетесь

сами. Итого к вечеру вы в Тусе. Ночуете в гостинице, утром оттуда до Грашграда на поезде три часа. Можно и не ночевать, но для легенды правдоподобнее, а нужные учреждения все равно ночью не работают. В Грашграде вы расстанетесь с Ольгой и явитесь в катонийское посольство, а там пусть они сами думают, как отправлять вас через океан. По прибытию в Катонию вам следует разыграть следующий минимальный список представлений...

23.05.858, древодень. Катония, город Крестоцин, аэропорт «Горный щит»

– Что здесь делает такая толпа? – тихо спросил у напарника Бэцуни, спускаясь по лестнице из верхнего зала ожидания. – Никогда в жизни не видел столько журналюг сразу в одном месте. Или я ничего не понимаю в технике, или там девять спутниковых камер. Или десять, не знаю насчет того типа в оранжевой рубашке.

– Ты утреннюю летучку проспал, что ли? – удивился Дзэни, поправляя нагрудную эмблему службы безопасности аэропорта. – Там же все рассказывали... а, точно, ты на десять минут опоздал.

– Ага. Колесо проколоть умудрился с утра пораньше, пришлось на запаску на обочине менять, – нахмурился Бэцуни. – Что-то случилось?

– Давно тебе говорю: потраться на бескамерные, куда

удобнее. Случилось, конечно. Сенсация мирового масштаба. Помнишь, бандиты с Западного материка пару периодов назад двоих похитили? Карину Мураций и Цукку Касарий? На свою голову украли, как выяснилось. Дамочки там взбунтовали местное население, военный переворот устроили и сегодня прилетают дневным рейсом из Грашграда. Нас специально из тамошнего посольства предупредили. Самолет уже сел, судя по табло, они скоро появятся. Не знаю, кто именно сообщил прессе, но язык я бы ему оборвал. Ты посмотри, что делают! Они же весь выход в зал загородили!

– Пойдем разгоним?

– Ага, разгонишь их, как же! – скривился Дзэни. – Потом попадешь в сюжет о грубости охраны, начнут полоскать на всю вселенную... Без меня, пожалуйста.

– Умеешь ты смотреть на мир темными глазами, – проворчал Бэцуни. – А если шеф за бездействие фитиль вставит?

– Вот пусть он сначала прикажет, а потом я пойду меры принимать. По крайней мере, не я крайним окажусь. Хотя... – охранник призадумался. – Наверное, сообщить ему лишний раз не помешает.

Он остановился на последней лестничной площадке, дважды стукнул указательным пальцем по сидящей в ухе пуговке рации и негромко забормотал себе под нос. Бэцуни с тоской посмотрел на волнующуюся толпу журналистов. Они столпились в сажени от раздвижных дверей из зала получения багажа, и ручеек выходящих пассажиров разделялся на две

части, огибая. Разгонять их все-таки придется, что бы Дзэ ни говорил. Или хотя бы отодвигать в сторону. Тогда и в самом деле попадешь в какой-нибудь пакостный сюжет...

Дзэни перестал бормотать и какое-то время слушал. Потом вздохнул.

– Понял, конец связи, – буркнул он. – Пошли, Цун, работать. Как всегда: беспорядков не допускать, порядок, наоборот, обеспечить, препятствий не чинить. Ребята уже подтягиваются, сейчас начнем кантовать помаленьку... Ох, блин, не успели!

Казалось, выход в зал прибытия засиял, словно небольшое солнце: загорелось сразу два десятка разлапистых ламп бесцветной подсветки, торчащих за спинами телеоператоров подобно гигантским ромашкам. Бэцуни присмотрелся. Между раздвинувшимися зеркальными створками стояли две женщины – одна маленькая, хрупкая и плоскогрудая, похожая на мальчишку, в шортах и майке, и вторая, красавица с густой гривой черных волос и в платье необычного покроя. Бэцуни много раз видел грашских туристов – да и своих, закупившихся экзотической одеждой в грашградских магазинах – но такое платье ему еще не попадалось. Женщины замерли, вероятно, от неожиданности. Потом они переглянулись, синхронно пожали плечами, и красотка что-то сказала журналистам, указав рукой в сторону лестницы, на которой стояли охранники – точнее, на небольшое пустое пространство чуть в стороне от нижнего пролета. Затем женщины повер-

нулись и пошли в указанном направлении, и небольшая толпа послушно потекла вслед за ними.

– А она молодец, – облегченно проговорил Дзэни. – Увела их с дороги. Похоже, разгонять никого не придется. Заодно послушаем, о чем говорят.

– Послушаем, – кивнул Бэцуни, наблюдая, как толпа приближается к лестнице. – Кто из них госпожа Карина? Высокая?

– Нет, маленькая. Да ты что? Ни разу ее по телевизору не видел?

– Вот делать мне больше нечего, кроме как всякую чушь смотреть!

– Зря. Она наш человек. Почетный член городской полиции Крестоцина и небесный хирург. Нескольким ребятам жизнь спасла в совершенно безнадежных случаях. Я с одним сам знаком, Токка его зовут. Токка Ясасий. В Третьем округе в спецотряде работает. Брали банковских налетчиков, и он получил очередь в упор. Бронежилет прошило насквозь, сердце зацепило, легкое в клочья порвало. В больницу привезли уже в состоянии клинической смерти. Она как раз дежурила той ночью. Душу пинками обратно в тело загнала, иначе не скажешь. Потом к нему другие хирурги толпами на экскурсию ходили, и никто понять не мог, как она ему сердце запустить умудрилась.

– Что, прямо толпами? – не поверил Бэцуни.

– Ну, может и не толпами, Токка приврать любит. Но хо-

дили, тут я ему верю. Он шрамы показывал – в таких местах, что аж смотреть страшно. Вообще она в Первом округе вроде священного амулета, на нее только что не молятся. А может, и в самом деле молятся, не знаю. Вон, смотри, почетный эскорт.

К репортерам спорым шагом приближалась группа из десятка людей в форме патрульных и двух троллей и орка в штатском. Однако репортеры уже взяли женщин в оборот, окружив непроницаемым кольцом, и полицейские отошли чуть в сторону, ожидая завершения импровизированной пресс-конференции. Бэцуни перегнулся через перила лестничной площадки и принялся слушать.

– Мы готовы отвечать на ваши вопросы, – донесся до него звонкий голос Карины Мураций. – Но недолго. Нас ожидают. Кто первый?

– Телеканал «Весь мир»! – немедленно выкрикнул мужчина в первом ряду. – Госпожа Карина, госпожа Цукка, расскажите, каким образом вам удалось вырваться от бандитов? За вас заплатили выкуп? В каком размере? Откуда взяли средства?

– Нас не выкупали, – сообщила мелкая. – Вышло так, что мы совершенно случайно оказались в центре событий, которые привели к уничтожению Дракона и народному восстанию на контролируемых им территориях. Дракона больше не существует, и нас освободили повстанцы. Теперь в Сураграше формируется новое государство, а плантации маяки

активно уничтожаются.

– Добавлю, – хорошо поставленным преподавательским голосом добавила черноволосая красавица, – что госпожа Карина слишком скромна. Благодаря своим мужеству и упорству, а также особым способностям и квалификации хирурга она стала символом перемен в Сураграше и фактическим катализатором восстания. Она лично в поединке убила главу одного из бандитских кланов, хотя и сама чуть не погибла. Народ Сураграша наградил ее титулом «Кисаки», что означает наивысшее доверие.

– То есть госпожа Карина возглавила восстание? – уточнил корреспондент. – Но известно, что женщины на Западе угнетены и находятся на положении едва ли не домашних животных. Каким образом... хм, «народ Сураграша» принял в качестве лидера женщину, да еще и иностранку?

– Женщины там – отнюдь не домашние животные, – покачала головой Карина. – Это широко распространенное заблуждение. В Сураграше есть странные, а зачастую и нелепые, на наш взгляд, обычаи, касающиеся женщин, например наглухо закутывать им головы. Но они не животные. За оскорбление женщины ее муж или родственники могут даже убить, и за изнасилование тоже полагается очень неприятная смерть. Впрочем, вопрос справедлив. Я не могу сказать, почему именно с таким энтузиазмом приняли именно меня, но, возможно, люди просто устали ждать перемен. А тут я подвернулась под руку.

– Держите в уме, что Карина спасла жителей двух деревень от оползней, вызванных землетрясением, а также самоотверженно, без передышки лечила всех, кто в том нуждался, – прокомментировала Цукка. – Не говоря уже о том, что бросила вызов Дракону, на что много десятилетий не отваживался ни один мужчина.

– Каким образом госпожа Карина спасла жителей? – немедленно вклинился еще один журналист.

– Я девиант, как всем, вероятно, известно, – нехотя сообщила Карина. – Колебания естественного магнитного поля, предшествующие землетрясению, каким-то образом вошли в резонанс с моим эффектором. Я проснулась от неприятных ощущений и успела предупредить жителей до того, как сошли оползни. Только не спрашивайте, почему мой эффектор так необычно отреагировал, я понятия не имею.

– Госпожа Карина, каким образом ты сошлась в поединке с предводителем бандитского клана? – высоким резким голосом спросила яркая блондинка в короткой юбке и белой кофте. Юбка совершенно не гармонировала с ее полными ногами. – Тебя ведь взяли в заложницы? Ты использовала свои способности, чтобы освободиться? И как вы дрались, что ты сумела победить? Голыми руками?

– Шай ах-Велеконг почему-то решил, что именно я являюсь главной причиной восстания. У Дракона имеются... имелись извращенные понятия о чести, которые вынудили его вызвать меня на поединок на мечях. Вероятно, он на-

деялся на легкую победу. Не надейся на красивую историю о схватке, госпожа, я не умею работать с тоскалой. Но я девиант. Он располосовал мне бок, а я успела ударить его манипулятором. Все закончилось за пару секунд. Его люди сдались без боя, и на том история Оранжевого клана, в общем-то, и завершилась. Прошу не развивать эту тему – она мне очень неприятна. Я врач и крайне сожалею, что мне пришлось стать убийцей, пусть даже мне не оставили иного выхода.

– Значит, ты вырвалась на свободу только благодаря удачно случившемуся восстанию? – вновь вступил корреспондент «Всего мира». – Неужели наши доблестные спецслужбы не сумели ничего сделать для граждан нашей страны? Или они просто не захотели?

– Ответ номер один, – быстро откликнулась Цукка. – Нас невозможно было спасти. Бандиты предупредили, что если мы сбежим из деревни, в которой нас держали, всех ее жителей убьют. Как мы выяснили после освобождения, такое уже случалось. При нас зверски казнили ни в чем не повинного человека, только чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений. Мы не могли вернуться домой, пока существовал Дракон, какие бы силы ни посылали нам на выручку, хоть целую армию. Восстание и уничтожение Дракона оказалось для нас единственным способом спастись. Ответ номер два заключается в том, что нас все-таки пытались выручить. Наши родственники и друзья сформировали спасательную

команду и отправились нам на помощь. Мой муж Саматта и его друг Дентор Пасур – опытные солдаты, умеющие воевать в джунглях, и они, разумеется, не смогли остаться в стороне. Пользуясь случаем, я хочу выразить глубокую признательность Службе общественной безопасности, оказавшей спасателям существенную помощь. Также нам известно, что в нашей судьбе принимали участие многие люди, включая лично Президента нашей страны и господина Исэйку Додотару, главного директора Фонда поддержки талантов. Также я хочу поблагодарить Службу внешней разведки Четырех Княжеств, которая несмотря на непростые отношения между нашими странами также очень помогла нашим родственникам. Фактически наше спасение из плена являлось совместным международным проектом, и я надеюсь, что сотрудничество наших стран на том не закончится.

– Что вы собираетесь делать дальше? – прорезался еще один корреспондент. – Вы вернетесь к своей прежней работе? И где ваши друзья и родственники – они не вернулись вместе с вами?

– К сожалению, – отрицательно качнула головой Карина, – я не смогу вернуться к своей работе. Как уже упоминалось, для народа Сураграша я стала чем-то вроде символа перемен. Бандитских кланов наркоторговцев больше не существует, и свобода, которую обрел Сураграш, требует действий. Повстанцы намерены построить в Сураграше новое демократическое государство, и мы решили, что должны

оказать им всю помощь, какую только сможем. Мои друзья и родственники остались на Западном континенте. Я проведу несколько неотложных операций, после чего снова отправлюсь обратно, на сей раз насовсем. Цукка, – она повернулась к своей спутнице, – останется в Катонии в качестве полномочного представителя нового правительства, можно сказать – в качестве посла. Мы ожидаем, что Катония в самое ближайшее время признает наше правительство, и мы сможем установить нормальные дипломатические отношения.

– То есть ты, госпожа, Карина, – переспросила блондинка, – сейчас являешься... кем? Президентом нового государства?

– Не совсем так. У нас есть только временный комитет, который в меру своих возможностей пытается строить новое государство. Нам потребуется много времени и сил, чтобы построить общество, в котором можно избирать Президента. Я же сейчас... ну, я же сказала – символ перемен. Просто широко известная личность, пользующаяся доверием людей. У нас есть специально подготовленные материалы для прессы, которые мы передадим вам немного позже, когда придем в себя после долгого путешествия. Там много объясняется из того, что произошло и происходит в Сураграше, а также приведена программа действий нового правительства. Сейчас я прошу прощения у всех присутствующих, но мы с Цуккой действительно очень устали. За прошедшие три дня мы преодолели десять часовых поясов на не самом комфортном

транспорте. Прошу не обижаться на краткость наших ответов, но мы с ней, – она извиняющаяся улыбнулась, – совсем не железные.

Толпа возбужденно загомонила, но Карина и Цукка, поклонившись, прошли мимо неохотно расступившихся журналистов – Бэцуни показалось, что кое-кто из них сдвинулся в сторону совсем не по своей воле – и тут же оказались в плотном кольце полицейских. Карина сходу прилипла обниматься к огромному троллю, превосходившему ее ростом в два раза – ее макушка едва доставала ему до живота. Троль сгреб ее в охапку, поднял в воздух и закружил вокруг себя, а она звонко засмеялась и принялась шутливо отбиваться, шлепая ладошками ему по макушке.

– Ну отстань, Панас! – донесся до Бэцуни ее голос. – Народ же смотрит!

В конце концов тролль поставил ее на пол, и вся группа двинулась к выходу. Часть журналистов бросилась за ними, не особенно, впрочем, приближаясь – полицейские зыркали на них весьма недружелюбно. Остальные же рассыпались по залу, направляясь к лифтам на подземные стоянки и выходам к посадочным пунктам такси.

– Представление окончено, – облегченно произнес Дзэни. – Все мирно обошлось, и это хорошо. Пойдем в буфет, возьмем кофе с пончиками.

– Тебе бы только пончики жрать, – отсутствующе пробормотал Бэцуни. – Слушай, Дзэ, ты что, не понимаешь, что

мы только что исторические события наблюдали? Нет, ну неужто она и в самом деле на мечах с кем-то там дралась? Она же такая мелкая, что и не подумаешь, что меч даже просто поднять сумеет... если не знать, что она девиант. Во да-ет...

– Не знаю, историческое событие или нет, а я жрать хо-чу, – отрезал напарник. – Кончай фантазировать, потом те-бе по дуровизору все расскажут от начала и до конца. И как угнетенные массы на восстание поднимала, и как лично ты-сячу бандитов в фарш порубила...

Он сладко потянулся и принялся спускаться по лестнице. Бэцуни последовал за ним. А все-таки, подумал он про себя, девчонка действительно молодец. Даром что щуплая.

Час спустя далеко-далеко от международного аэропорта Крестоцина, в своей резиденции в Оканаке Президент Катонии Сота Дайтора нажал кнопку на пульте и выключил теле-визор.

– Вот про СВР и Княжества она зря сказала, – недовольно пробурчал он.

– Брось, Сота, – хмыкнул Кавасин Гамагамасий. Советник Президента полулежал в кресле и задумчиво смаковал крас-ное вино. – Я бы на ее месте точно так же поступил. Сам подумай – скажи она только про СОБ, и тогда в Княжествах сразу поднялся бы вой – марионеточное правительство, ко-варный катонийский заговор... И наоборот. И промолчать она не могла, рано или поздно все равно где информация

утекла бы, или у нас, или в ЧК. А так и у нас, и там всякой шушере заткнуться придется. Ты лучше скажи, что делать собираешься? Выборы в Ассамблею уже на носу, а она национальной героиней еще до похищения стала. Про теперь уже и молчу, сейчас в прессе форменная истерика начнется. Ты эту карту не разыграешь – другие воспользуются. Заметил, как ловко она Исэйку ввернула? Наверняка не случайно. Похоже, у них какие-то завязки есть.

– Не учи бабушку кашлять, – фыркнул Президент. – Орден на им, разумеется, вручим и публичную встречу организуем. Вот только с признанием этим... Как бы не проколоться, поторопившись. Обязательно нужно что-то для себя поиметь. Может, военные базы под боком у ЧК, может, еще что. А?

– Выслушать ее тебе в любом случае придется. А реагировать... Никто же от тебя не ждет, что ты немедленно решение примешь. Поулыбаешься, поблагодаришь и попользуешься ей как следует. Девчонка в политику никогда не играла, она даже не поймет, что происходит. А признавать в любом случае Ассамблея должна, твое дело маленькое – подпись поставить.

– Тоже верно. Решено – сейчас напрямую референта, чтобы запустил процедуру награждения. Через недельку и организуем.

– Верно мыслишь. Но вот насчет выборов – я тут кое-какие материалы собрал, и картина для нас не очень веселая, – советник дотянулся до своей папки и включил ее. Над ней

замерцал куб дисплея. – Вот данные вчерашнего опроса по популярности партий...

24.05.858, златодень. Катония, университет города Кре-стоцина

– Значит, бросаешь меня одну на съедение неучливой молодежи? – Томара укоризненно покачала головой. – Ну и ну, Кара. Не ожидала от тебя такого несерьезного отношения к делу в самый разгар семестра. Все время у тебя какие-то отговорки: то похищение, то дела где-то в горах...

Карина улыбнулась ей. Томара, не выдержав, рассмеялась в ответ и в очередной раз заключила ее в объятия. В этот поздний час на кафедре оставались они одни, за окном сгушались долгие летние сумерки, и в коридорах гулко гуляло эхо одиноких далеких шагов.

– Я так рада, что с тобой все в порядке, – проговорила Томара. – И с тобой, и с Дором. Я ужасно за всех вас волновалась. Даже когда ты... нас... в общем, когда уже нечего было бояться. Наверное, беременность начинает сказываться.

– Нет, тетя Тома, – качнула головой Карина. – Теперь тебе никакие неприятности не грозят. В том числе – и из-за беременности. Эмбриональный кокон не дает негативного обратного воздействия даже на биологическое тело, а на тебя – и подавно.

– Ох, не надо, Кара, – Томара взялась за голову и даже от-

ступила на шаг, слегка повернувшись в сторону двери, словно для бегства. – Не надо. Дай мне просто привыкнуть. Я совсем не просила, чтобы меня сделали Демиургом. Меня и человеком остаться вполне бы устроило. Я... я думаю, а нельзя ли все отменить? Ну зачем...

– Надо, тетя Тома. Хотя бы ради дяди Дора. Но ведь никто не заставляет тебя создавать миры и зажигать солнца. Если хочешь оставаться человеком, оставайся. Твоя проекция от человеческого тела неотличима. Она даже стареть продолжит, как обычный человек. А за несколько лет привыкнешь к мысли, и все станет восприниматься совсем иначе.

– Ох, Кара! – Томара ласково погладила ее по полосам. – Пойми же – ты с детства с головой погружена в кашу с Демиургами, секретными досье, особыми способностями и прочими чудесами. А я за свои сорок три года ни с чем необыкновенным не сталкивалась, кроме тебя. Да и ты изо всех сил старалась изображать из себя обычную девицу. Я совсем иначе перемены воспринимаю, чем ты. Вдруг узнать, что ты больше не человек, а что-то бесплотное и неосязаемое, только сверху под человека покрашенное... Я пока стараюсь об этом не думать. Дор надо мной посмеивается, так хоть ты пожалей.

– Бедная тетя Тома! – Карина молитвенно сложила руки перед грудью. – Какая же ты несчастная! Мне так тебя жалко!

– И ты издеваешься, – констатировала Томара. – А еще лучшая ученица называется! Ты лучше скажи – с ребенком

все в порядке? Я... как-то боюсь трогать систему... как ее... кокон ваш искусственный. Вдруг сломаю что-нибудь.

– С ребенком все в порядке, все индикаторы в плюсовой или нейтральной зоне. А кокон не надо трогать. По умолчанию он только диагностику наружу выдает. Чтобы что-то изменить, специальные усилия нужно предпринять. Но кокон и сам великолепно справится, мне папа гарантировал. Тетя Тома, тебе даже не обязательно его в животе носить. Ты вполне можешь отделить его от тела. Поместим его в безопасное место, и пусть спокойно развивается. И тебе проще, и ему.

– Нет, Кара, нет, что ты! – Томара даже замахала руками. – Какая же я мать после такого? Нет уж, я его выношу, пусть и в каком-то коконе, а не в настоящей матке. Кара, ну пойми ты – у меня первая беременность в жизни. И, наверное, последняя, раз я больше не человек. И я хочу, чтобы все шло, как заведено. Мне не мешает.

– У тебя уже живот большой. Скоро станет мешать лекции читать. И у операционного стола не постоишь.

– Ну, когда начнет мешать, тогда и подумаем, – отрезала хирург. – А пока позволь мне все свое поносить с собой. Кара, ты твердо решила, что в Сураграш навсегда перебираешься?

– Да, тетя Тома. Я там нужнее, чем здесь.

– Ты и здесь нужна до зарезу. На тебя очередь уже чуть ли не на год вперед расписана. Так всех и бросишь?

– Придется. Ничего страшного, я смотрела список. Практически всех, кроме четверых, не так уж и сложно прооперировать обычными методами. А через год Вари доведет свой сканер до ума, и тогда я вообще перестану быть нужной.

– Кара, ты никогда не перестанешь быть нужной. И людям, и мне лично. Мне ужасно жалко, что ты нас оставляешь.

– Но почему, тетя Тома? – удивилась Карина. – Мы же в любой момент можем поговорить. Даже лично встретиться, как сейчас. Проекцию без труда можно сместить в любое место, да и в виртуальности ничего сложного нет. Я вовсе тебя не оставляю. И дядя Дор тоже.

– Ох, Кара... – Томара сердито стерла навернувшуюся в уголке глаза слезу. – Ничего ты не понимаешь! Поговорить – совсем другое, чем знать, что ты рядом. Кара, – она ностальгически улыбнулась, – я вспоминаю, как в первый раз тебя увидела. Молодая девчонка, от каждого шороха вздрагивающая, но отчаянно пытающаяся выглядеть взрослой и сильной. И в то же время – упрямая и неостановимая, словно пуля. Полная твердой решимости преуспеть в профессии и загладить старую вину... Помнишь, как ты от пирожного шарахнулась, которое мы тебе на день рождения купили?

– Помню, тетя Тома, – Карина улыбнулась ей в ответ. – Молодая дурочка, закомплексованная и ужасно боящаяся кого-нибудь подвести. Ну как же: папа – Демиург, лично за уши из болота вытаскивал и воспитывал, столько надежд возложил... Я даже думать боялась, что произойдет, если я

не справлюсь.

– Да ты и сейчас не слишком-то изменилась, – Томара шутливо хлопнула ее по затылку. – Все так же пытаешься выглядеть сильной и надежной, хотя внутри поджилки трясутся – а вдруг не получится?

– Тетя Тома, ты что, мысли читать научилась? – с подозрением посмотрела на нее Карина. – Ведь говорили же и папа, и Рис, что невозможно.

– Мысли я читать не умею, но вот по мордашке твоей и так все вижу. Кому другому голову морочь, не мне. Кстати, я вижу, что ты куда-то торопишься. Ладно уж, беги давай. Только в гости обязательно заглядывай. Ночью теперь спать не надо, так что масса свободного времени внезапно обнаружилась, можно и пообщаться.

– Да, вообще-то мне к Вари в лабораторию забежать нужно, – призналась Карина. – Тетя Тома, я действительно пойду. Не забудь господину Саю напомнить, чтобы он мое заявление подписал. Он все надеется, что я еще передумаю.

– Напомню, – согласилась Томара. – До встречи, Кара.

– До встречи, тетя Тома.

Пять минут спустя Карина, пройдя по улице – переход в здании физфака уже закрыли – спустилась в подвал, остановилась возле двери лаборатории вихревых полей и нажала кнопку интеркома.

– Кто там? – после некоторой паузы рявкнул с потолка знакомый голос. – Никого дома нет, идите и вы с миром.

– Вари, это я, Карина. Не ругайся и открывай.

– Докажи! – потребовал голос. – А то ходят тут всякие, а потом дизель-генераторы пропадают!

– Трех батончиков тебе в качестве доказательства хватит? – деловито поинтересовалась Карина. – Или и два сойдут, а третий я сама съесть могу? Смотри, оголодаю у тебя под дверью, если еще немного поддержишь...

– Так что же ты сразу не сказала, что вас там четверо! – завопил голос. – Ну-ка, входите все сразу!

Щелкнул замок, и дверь неторопливо поехала в сторону. Карина вошла в лабораторию и принялась пробираться сквозь знакомые лабиринты. Сегодня здесь оказалось людно – огромный, заставленный стеллажами со всяким барахлом зал, обычно полутемный, оказался ярко освещен, и из разных его частей доносились голоса и звуки: жужжали сервомоторы, негромко гудели трансформаторы, лязгал металл по металлу. Работа явно оживилась с тех пор, когда Карина в последний раз приходила сюда до похищения. Меньше двух периодов прошло – а казалось, что полжизни...

Когда она пробралась через лабиринты стеллажей, возле стендов Овари на нее набросилась целая толпа – с десятков человек и трое орков, все – старые добрые знакомые, с которыми она работала не первый год. Ее трясли, тормошили, хлопали по спине, дергали за уши, девушки визжали, мужчины что-то одобрительно гудели. В одном из молодых парней Карина распознала Катю – студента-девианта с расширенным

диапазоном зрения. Похоже, он тоже тут прижился, потому что поверх одежды носил белый лабораторный халат, а на указательном пальце – неряшливо намотанный эластичный бинт, скрывавший, вероятно, ссадину или порез от удара о какой-нибудь прибор. Некоторое время Карина, смеясь, отбивалась от окружающих, после чего Овари громко рявкнул, и кутерьма стихла.

– Гони плату за вход! – потребовал физик, требовательно протягивая руку. – Все три!

Карина послушно достала из кармана шортов размякшие ореховые батончики, и Овари немедленно разорвал на одной обертке.

– Шадиць! – потребовал он с набитым ртом, указывая на стул. – Рашшкажывай. Ш шамово нашала.

С изложением своих приключений Карина управилась за пять минут. Потом еще за пять минут. Потом еще раз... Подходили новые слушатели, знакомые, полужнакомые и совсем незнакомые, Ее трижды заставили повторить все в подробностях, а эпизод с эффектором, вошедшим в резонанс в магнитном поле планеты, настолько заинтересовал присутствующих, что народ тут же похватал бумагу с карандашами и сгруппировался вокруг нескольких терминалов, набрасывая тучи загадочных закорючек и яростно споря непонятно о чем. В конечном итоге Карину запихали под экспериментальный комбисканер и принялись зондировать в разных режимах. Памятуя о возможном гравитационном резо-

нансе, она попыталась сопротивляться, но с тем же успехом она могла бы бороться с ураганом. В конечном итоге ее внезапно скрутила и бросила со стула на пол жестокая судорога от наведенных извне электромагнитных колебаний – проекция добросовестно отработала имитацию поражения эф-фектора – что вызвало у всех присутствующих небывалый прилив энтузиазма.

Помочь ей подняться никто и не подумал, и, ругаясь про себя самыми страшными словами и с трудом подавляя позыв больно уронить рядышком с десятков экспериментаторов, она на четвереньках уползла в уголок и уселась там на пол, обхватив коленки руками и пытаясь отдышаться. Конечно, проекция отключила обратную связь, как только интенсивности ощущений превысили пороги – вот только пороги оказались слишком высокими. Она в очередной раз поклялась себе, что как только выдастся свободная минутка, сразу займется изучением фантомного программирования. Сколько можно, в конце концов, только на Лику полагаться!

Впрочем, ее отсутствие заметили быстро. Большинство уже плавно погрузилось в расчеты, разбредясь по своим рабочим местам, и когда Овари выковырял ее из угла, рядом оказались только четверо, включая Катю. Физик, казалось, за прошедшее время потолстел еще сильнее, хотя такое казалось невозможным.

– Ты чего какая-то смурная? – озабоченно осведомился он. – Пропала куда-то...

– Чтоб я еще хоть раз в ваших экспериментах участие приняла, изверги! – сердито заявила Карина. – Живодеры! Я, может, живой человек, а вы меня сканером под дых! Так меня даже в Институте Человека не мучили!

– Ну, извини, – пожал плечами Овари. – Зато теперь мы знаем, как сделать детектор землетрясений. Ну, или узнаем чуть погодя. Ты радоваться должна, что на алтарь науки немного здоровья пожертвовала. Я вот, например, каждый день жертвую – вместо того, чтобы в спортзал сходить, в лаборатории всякую гадость жру. Пошли, поработаем. Мы тут сканер до ума почти довели...

– Нет, Вари, – поспешно отказалась Карина. – Я ненадолго заскочила. Я очень скоро уезжаю обратно в Сураграш, у меня сейчас в больнице куча работы. По шестнадцать часов в сутки работаю, чтобы успеть самые тяжелые случаи разобрать. И в политику играть приходится – за два дня пять встреч, да с такими людьми, что не откажешься. Сидишь как дура, киваешь и вежливо улыбаешься, а они говорят, говорят, говорят ни о чем, сволочи... Поубивала бы. Я ненадолго в университет забежала, официально уволиться да к тебе заскочить, у меня через, – она посмотрела на часы, – полчаса очередная консультация, а мне еще до больницы добраться нужно. Вари, дай, на чем почеркаться.

– Вот так всегда, на самом интересном месте, – грустно сказал физик. – Только я к тебе привыкнуть успел, а ты раз, и сваливаешь непонятно куда. Вот, держи, – он сунул ей в

руку стило и ткнул пальцем в ближайший терминал. – Рисуй там. Или тебе на бумажке удобнее? А что черкать собралась?

– По поводу твоего сканера, – пояснила Карина. – Я знаю, почему у тебя резонанс возникает, когда ты разрешение пытаешься повесить.

Она поудобнее перехватила стило и принялась быстро набрасывать в дисплее матрицу преобразований – точнее, списывать ее со шпаргалки, хранящейся у нее во внешнем кольце памяти.

– Знаешь? – подозрительно спросил Овари. – Откуда? Ты же никогда гравитоникой не занималась. Даже по общей физике в универе, сама говорила, больше шестидесяти баллов за семестр не набирала.

– Нахвталась по вершкам да от знакомых. И Цу немного подсказала, – туманно ответила Карина. Она отнюдь не собиралась рассказывать, что накануне пристала сначала к Цукке, а когда та развела руками – к Веорону, чтобы найти решение проблемы. Конструктор, занимавшийся непонятно чем – собирал новую Сцену? – где-то очень далеко, долго бурчал насчет необходимости доходить до всего своим умом, особенно – для незрелых умом биоформ, но потом смило-стивился и выдал искомое решение. Сама Карина в том, что писала, понимала лишь цифры да арифметические знаки, и здесь крылась главная опасность: если Овари попытается задавать ей вопросы, она сразу и безнадежно поплывет. Поэтому от него надо сбежать как можно быстрее.

– Вот, – наконец сказала она, откладывая стило и снова заглядывая в шпаргалку. – Берешь свою основную волновую функцию, раскладываешь в ряд Карта и отображаешь на пространство Гремана с помощью этого преобразования. А там все очевидно, особенно если визуализировать. Вари, извини, мне пора бежать, дальше сам разбирайся. Я уже и так задержалась.

– А ну стой! – страшным голосом прошипел физик, запустив пальцы в лохматые волосы. – погоди, ведь получается... мы фактически из ряда выбрасываем все члены, дающие основной вклад в суммирующую функцию? То есть ты хочешь сказать, что резонанс дают второстепенные гармоники? Да чушь ведь! Они же на несколько порядков слабее и затухают...

– Вари, я опаздываю! – перебила его слегка испугавшаяся Карина. Он что, уже успел в уме все посчитать? – Дальше сам думай, что и на что влияет. Я побежала, прости.

Не давая никому опомниться, она помахала рукой и скользнула в проход между стеллажами. Быстро пробираясь между полками с опасно нависающим хламом, она обдумывала, не следует ли в следующий раз выбрать менее рискованный способ передачи сведений. Анонимное письмо, например. Если можно звонить, обманывая определители номера, наверняка есть какие-то способы и почту бесследно отправлять...

Уже выбравшись из лаборатории и шагая по пустынным

коридорам ночного университета, она внезапно подумала: а случится ли следующий раз? Имеет ли она моральное право передавать технологии Демиургов людям? А почему нет? Да, бесплатные подарки развращают. Но ведь сотню лет назад Демиурги и так тайно перетряхнули текирскую науку. Кто сейчас помнит, сколько сантиметров в суне или килограммов в камне? Даже сажень уцелела лишь по случайности, из-за укорененности в массовом сознании, и та подогна на под метрические единицы. Да, в том, что люди должны доходить до всего своим умом, есть смысл. Но один раз в несколько лет вряд ли нанесет кому-то серьезный ущерб. В конце концов, студент изучает открытое до него, не задумываясь, кто именно делал открытия – люди, Демиурги или еще кто-то...

Раздумывая, она поднялась из подвала в вестибюль и вышла на улицу, кивнув одинокому скучающему сторожу. Летние запахи рощи, в которой утопал университетский комплекс, нахлынули на нее могучей волной, и она беспричинно улыбнулась. Нет, все-таки она поступила правильно. Когда Овари доведет-таки свою установку до ума, в ее особых способностях нужда пропадет. Каждый хирург сможет выявлять проблемы ничуть не хуже ее самой, а в перспективе – еще и ликвидировать их с помощью микроманипуляторов, мало уступающих ее собственным. И тогда она перестанет испытывать постоянное чувство вины из-за того, что не может помочь всем в ней нуждающимся.

Она встряхнулась и перешла на неторопливый бег. Конечно, можно и сместиться сразу, но ей так хочется вспомнить, как выглядят улицы Крестоцина ночью! У нее остается тридцать три минуты, и как раз к сроку она успевает добраться в больницу. А чтобы сэкономить время на душе, прямо сейчас она отключит имитацию потовыделения...

01.06.858, земледень. Пригород Грашграда

Удар в живот, который Комора получил, еще не успев толком выбраться из автомобиля, на какое-то время заставил его потерять интерес ко всему в мире, кроме одного-единственного глотка свежего воздуха. Когда он пришел в себя, то понял, что его крепко прижимают лопатками к стене. Сильные руки двух здоровых амбалов держали его так, что он не мог даже пошевелиться.

– Здравствуй, момбацу сан Комора ах-Машиас, – еще один мужчина, тарсак, подошел к нему сбоку и неторопливо снял черные очки. Лицо его казалось знакомым. Очень знакомым. – Вот мы и встретились снова. Что же у тебя физиономия такая, словно ты меня и знать не хочешь?

Комора дернулся, но двое, прижавших его к стене, даже не шелохнулись. Опытные мордовороты, они свое дело знали. Закричать? Бесполезно. В этом районе даже полиция прибьет часа через два, а то и позже. Да и все равно его так или иначе прихватили бы рано или поздно.

– Так ты не узнаешь меня, Комора? – снова переспросил тарсак, и на сей раз гид узнал его до конца.

– Прада... – пробормотал он внезапно пересохшими губами, уставившись в землю в ожидании нового удара. – Я же платил, исправно платил. У меня только последний период выдался неудачным. Хрюшек мало... Я заплачу, честное слово! Передай...

– Возможно, только последний период. А возможно, два или три, – судя по голосу, сборщик долгов улыбнулся. – Два периода назад ты заплатил только половину. Период назад – треть. В последний раз не заплатил ничего. И перебрался ты в такие трущобы, что я лично, – он с отвращением оглядел унылые покосившиеся заборы, тянущиеся вдоль улицы, – с трудом заставил себя сюда приехать. Дела все хуже и хуже, мой друг?

– Временно... Только временно! Я все верну...

– Сомневаюсь, друг мой. Очень сомневаюсь. Вот кто бы мне объяснил, – сборщик патетически поднял руки к небу, – зачем люди играют в казино в долг, если потом не в состоянии расплатиться? Скажи, Комора, вот как ты думал расплачиваться? Неужто только с работы гидом? Или стукачам глазастых сейчас много платят? Как думаешь, мне стоит подписаться? Тогда и мне, может, что перепадет?

Комора тяжело задышал. Все гиды в Граше работают на ГВС. Ну, или восемь из десяти уж точно. И все о том осведомлены. Но если Прада заговорил о стукачестве вслух,

значит, намерен прижать его всерьез. Неужели его решили убить в назидание остальным?

– О, не волнуйся, мой друг, – участливо проговорил сборщик долгов, двумя пальцами вздернув подбородок гида и заставив того посмотреть себе в глаза. – Мы не станем тебя убивать... на сей раз. Мы всего лишь поучим тебя правильно вести дела. Мы даже не сломаем тебе ни ноги, ни руки, потому что тогда ты не сможешь работать и выплачивать долг. Всего лишь первое предупреждение. Но мой совет тебе, дружище – не дожидайся второго.

Прада коротко ударил его в живот, и Комора снова судорожно задергался. Сейчас его избыют до полусмерти – только бы не по лицу! С расквашенной физиономией ни одно турбюро не доверит ему клиентов...

– Эй, момбацу саны, а в ваших краях, что, принято одного втроем метелить?

Этот голос Комора узнал мгновенно. Роняя на землю ниточки слюны, он с трудом повернул голову. Невероятно! Что они здесь делают?

– Тебе что нужно, иностранец? – зло спросил Прада на общем. – Ты знаешь, что шляешься со своими бесстыжими девками далеко за пределами заповедника? Здесь полиция не появляется. Или твоим шлюшкам хочется, чтобы их толпой поймали? А может, и тебя заодно?

– Ты нахал, момбацу сан, – лениво сообщил ему русоволосый дылда Палек Итадзура, прислоняясь к стене и скре-

щивая руки на груди. – И вовсе ты не момбацу, а может, даже и не сан. Ты чего руки распускаешь, козел? Ну-ка, отпустите его быстренько.

– Ты, сопляк, хотя бы знаешь, с кем разговариваешь? – зарычал сборщик долгов. – Я...

– Ты бандит, – спокойно заявила Яна Баку, упираясь кулаками в бедра. – Бандит и убийца, я прекрасно вижу. Бандит самого низкого пошиба, без какого-либо понятия о вежливости. Да всем, наверное, очевидно, не только мне.

– Яни, что ты с ним разговариваешь? – недовольно осведомилась щуплая пигалица.... кажется, Канса Итадзура, если Комора правильно запомнил ее имя. – Оторви им головы, и все, трупы потом куда-нибудь схороним. Их все равно никто искать не станет. И так кучу времени потеряли, господин Комору разыскивая.

– Я тебя, сучка, сейчас... – похоже, терпение Прады испарилось, потому что он сунулся вперед, на ходу выхватывая из кармана тяжелый кастет. Сунулся только для того, чтобы внезапно взлететь в воздух, перевернуться вверх тормашками и заорать от неожиданности, беспорядочно размахивая руками и ногами. Комора почувствовал, что его глаза вот-вот вылезут из орбит, причем не только из-за двух ударов в солнечное сплетение. Вероятно, громилы Прады испытали что-то похожее, потому что их хватка заметно ослабла.

– А говорили, у мужиков-тарсаков уважение к женщинам в крови, – удивленно проговорил Палек. – С детства, типа,

в башку вбивают. Вот и верь теперь слухам! Или он все-таки не тарсак, а просто маскируется? А давайте его пополам разрежем и проверим, нет ли в нем инопланетного паразита, контролирующего сознание!

– Что... что... что!.. – завыл сборщик долгов. Неведомая сила вздернула его еще на пару саженей вверх, выше крыш домов, хорошенько встряхнула – из карманов посыпались монетки, из руки выпал и лязгнул по асфальту кастет – потом перевернула и резко опустила, почти уронила обратно. Не удержавшись на ногах, он упал навзничь, попытался вскочить – и не сумел, упав на спину плашмя. Похоже, та же самая сила прижимала его к земле, не позволяя подняться. Яна Баку шагнула к нему и присела рядом на корточки.

– Ты – бандит, дяденька, – ласково сказала она. – А я – девиант первой категории, которая очень бандитов не любит. Воспитали меня так, понимаешь? И я действительно могу оторвать головы и тебе, и твоим товарищам. Поверь, у меня руки прямо-таки чешутся. Веришь?

Сборщик долгов замычал и часто и мелко закивал головой.

– Замечательно. Тогда прикажи своим костоломам отпустить господина Комору, пока я еще сдерживаюсь.

Громилы выпустили гида, не дожидаясь приказа, и начали потихоньку отступать. На их лицах явно читались растерянность и желание оказаться как можно дальше отсюда. Комора присел на корточки, скорчившись и отгоняя тошноту.

– Замечательно. Я так понимаю, господин Комора должен тебе денег? Сколько?

– С-с-то п-пятьдесят ты-тысяч...

– Вербов? Полная сумма?

– Д-да...

– Примерно тридцать тысяч, если по курсу на маеры пересчитать, – Палек Итадзура задумчиво почесал кончик носа. – Каси, отдай этой бледной цуканоме десять.

– Десять? – Канса Итадзура с сомнением посмотрела на него. – А...

– Отдай, – кивнула Яна. – Пусть подавится.

Канса расстегнула сумочку на поясе и достала оттуда тонкую пачку купюр, протянув их вперед, в воздух. Пачка сама по себе перелетела по воздуху и нырнула за пазуху Праде.

– В вербы сам конвертируешь. Считаем, что пятьдесят тысяч долга господин Комора отдал, – констатировала Яна. – Запомни хорошенько и не пытайся получить их снова. Иначе я постараюсь найти тебя и еще раз поучить арифметике. Теперь катитесь отсюда все трое.

Очевидно, невидимая сила отпустила сборщика, потому что он, приподнявшись и отталкиваясь руками и ногами, споро пополз назад. Потом перевернулся на колени, вскочил и бросился к припаркованной неподалеку машине с открытым верхом. Его громилы последовали за ним. Пять секунд спустя взревел мотор, и машина резво умчалась вдаль по улице.

– Артистки, – констатировал Палек, сдержанно зевая и ногой отбрасывая кастет в сточную канаву. – Вам бы в театре играть. «Оторви им головы, а трупы куда-нибудь схороним!» Каси, я тебе говорил, что ты нечто с чем-то?

– Говорил, – рыжая шаловливо улыбнулась и прижалась к нему. – Но можешь сказать еще раз, я не обижусь.

Яна Баку склонилась над Коморой и помогла ему встать.

– Как ты себя чувствуешь, господин Комора? – спросила она участливо. – Очень плохо? Идти можешь самостоятельно?

– Спасибо, госпожа Яна, я в порядке, – прохрипел гид, выпрямляясь. – Не стоит волноваться. Зачем... зачем вы дали им денег?

– Ну, иначе они бы вернулись потом и, возможно, даже убили бы тебя, – пояснила Яна, отряхивая ему рубашку на спине. – А так мы дали им возможность сохранить перед хозяевами лицо и сделать вид, что все нормально. Но ты, наверное, гадаешь, зачем мы здесь оказались и как тебя нашли? Господин Комора, мы хотим извиниться перед тобой.

– Извиниться? – пробормотал гид плохо слушающимися губами. – За что?

– За то, как мы изводили тебя, пока ты работал у нас гидом. Я эмпат. Я знала, как ты себя чувствуешь. Нам очень жаль, что пришлось изображать из себя глупых капризных «хрюшек» и доводить тебя до белого каления своим поведением. Прости, но у нас не оставалось другого выхода. Поэтому

му мы хотим компенсировать тебе тогдашние неудобства, а также предложить работу. Мы можем поговорить где-нибудь в помещении? Здесь за нами наблюдает не меньше четырех посторонних, и я не хочу разговаривать при них.

– Можно пройти в дом, – кивнул гид. Дыхание у него мало-помалу восстанавливалось, но голова шла кругом. Он превосходно помнил эту компанию – правда, тогда их было пятеро – которая могла заслуженно получить титул самой доставучей группы года. «Круглые идиоты» для них казалось даже слишком мягким термином. Но сейчас... Сейчас они казались совершенно на себя не похожими. Значит, тогда они все-таки лишь изображали из себя идиотов с целью... С целью? Он даже не хочет задумываться. Так что правильно он сообщил о них куратору...

Внезапная вспышка страха пронзила его с головы до пят. Он доложил о них куратору. И если они шпионы, то наверняка захотят отомстить. Знают ли они? Откуда они могут знать? Но как они могли самостоятельно найти его в далеком грашградском пригороде?

– Не надо беспокоиться, господин Комора, – Яна участливо положила ему руку на плечо и заглянула в глаза. – Мы знаем, что ты работаешь на Глаза Великого Скотовода. И мы знаем, что именно ты сообщил им о нашей внезапной пропаже. Мы не держим зла и не намерены причинять тебе вред. Но прошу, давай все же пройдем в дом.

– Пойдемте, – буркнул Комора, отводя взгляд. Она деви-

ант. Если она захочет прикончить его, то ей без разницы – в доме или на улице.

Он добрел до своей машины, захлопнул водительскую дверь, включил сигнализацию и вернулся к калитке в высокой глиняной стене. Небольшую глинобитную халупу он снимал за сущие гроши – десять тысяч в период, чему был несказанно рад: самая захудалая однокомнатная квартира в самом Граше обошлась бы ему в три раза дороже как минимум. Однако сейчас ему стало стыдно за крошечный двор, заваленный хозяйской рухлядью, обшарпанные грязные стены дома, за единственную комнату с минимумом мебели... В который раз он поклялся, что перестанет играть и наконец-то заживет нормальной жизнью – поклялся, в глубине души зная, что в очередной раз обещание не сдержит.

– Присаживайтесь, – он показал гостям на кровать и единственный стул. – Прошу прощения, не могу предложить ничего более комфортного.

– Спасибо, господин Комора, – поблагодарила Яна, изящно усаживаясь прямо на земляной пол, скрестив ноги. – У нас в Катонии, в общем-то, принято сидеть на полу, так что ничего страшного. Лица, куда на кровать в грязных шортах нацелился! На полу посидишь.

– Я такой чистый, что почти стерильный, – заявил парень. На кровать, впрочем, он садиться на стал, присев на краешек стола. Канса, поколебавшись, опустилась на единственный стул.

– Господин Комора, я еще раз извиняюсь за наше поведение период назад, – проговорила Яна. – Нам пришлось обманывать тебя и власти Граша, поскольку не оставалось иного выхода. Мы приехали в страну под вымышленными фамилиями. На самом деле моя фамилия не Баку, а у Лики и Каси – не Итадзура. Лика – мой брат, и наша с ним настоящая фамилия Мураций. Яна Мураций, Палек Мураций и его жена Канса Марацука. Рады знакомству, просим благосклонности, господин Комора.

– Э... да, очень приятно, – пробормотал Комора, голова которого снова пошла кругом. Под вымышленными фамилиями? Разве это не преступление? Зачем они ему рассказывают?

– Мы въехали в страну не для туристических целей. Полтора периода назад мою сестру, Карину Мураций, а также нашу бывшую опекуншу, Цукку Касарий, похитили в Крестоцине люди Оранжевого клана Дракона. Похитили и вывезли в Сураграш. История долгая, но суть в том, что мы спешили им на помощь, а наши настоящие фамилии... слишком известны. Мы не могли рисковать долгими задержками. История благополучно разрешилась, и нам больше нет нужды скрываться. Мы решили наверстать упущенное и снова посетить Грашград, чтобы на сей раз осмотреть его как следует. И нам опять нужен гид, на сей раз – по-настоящему. согласишься ли ты нас сопровождать, господин Комора? Ты ведь сейчас не занят. И мы будем очень послушными и благодар-

ными «хрюшками», обещаю.

Комора молча смотрел на нее, сторбившись и засунув руки в карманы. Девица, сидевшая перед ним на полу в бесстыдной позе, совершенно не походила на ту, которую он запомнил. Вместо истеричной капризной бабенки, тиранящей и его, и своего мужа (мужа ли?), и вообще всех окружающих и не помнящей, что говорила минуту назад, перед ним сидела уверенная в себе спокойная молодая женщина. Ни следа визгливых ноток в голосе, ни капли высокомерного полубрезгливого выражения на лице. И даже вместо налета нездоровой рыхлости ее тело, неприлично обтянутое сейчас тонкой белой майкой (хоть в чем-то она не изменилась!), обрело уверенную стать плотно сложенной, но следящей за собой женщины. Слишком широкие, на его вкус, плечи, слишком полные ноги – но не дряблый жир, как почему-то казалось раньше, нет. Тренированные мускулы. Ее серые глаза внимательно наблюдали за ним, и ему почему-то показалось, что она понимает его лучше, чем он сам.

Первая категория, ну надо же! Он смутно догадывался, что она девиант, но что такая сильная?..

Они знают, что он работает на ГВС. И, тем не менее, пришли к нему, чтобы нанять на работу. Значит, они не боятся властей. Почему?

Откуда они вообще столько о нем знают?

– Так как, господин Комора? – переспросила Яна. – Оплата обычная, и новых подарков тебе мы делать не собираемся.

Но, по крайней мере, ты сможешь неплохо заработать за ту неделю, а то и дольше, что мы тут проболтаемся. Возможно, много больше – нам придется общаться с людьми, устроить встречу с которыми не так-то просто. И никакие бандиты тебя в нашем присутствии и пальцем тронуть не смогут. Ты согласен?

– Да, госпожа Яна, я согласен, – кивнул гид. – Подарков я и не жду. Десять тысяч маеров, которые ты отдала Праде – хм... считаем, что ты оплатила мои услуги на две недели вперед. На полный день.

– Десять тысяч маеров являлись компенсацией за доставленные тебе неприятности, господин Комора, – сообщила Канса. – Прости, у нас не так много своих денег, и больше мы не можем себе позволить...

– Да и по три с лишним тысячи маеров за день нервотрепки – нехилый заработок, – подмигнул Палек. – Мне лично столько никогда не платили.

– ...так что за твои услуги мы платим поденно, – закончила Канса, метнув на него недовольный взгляд. – Обычную ставку. И тебе на руки, наличными, а не в агентство. А если мой муж снова начнет тебя доставать, только скажи – я ему все уши оборву.

– Тяжело одинокому мужику в женской компании, – Палек состроил унылую физиономию. – Они между собой сговариваются и против тебя объединяются. Каси, ты и так мне пол-уха уже оборвала. А я без ушей некрасивым стану, и те-

бя все подружки презирать начнут за такого мужа. Тебе оно надо?

– Не обращай внимания, господин Комора, – перебила Яна уже открывшую рот Кансу. – Лика период назад был единственным, кому почти не пришлось изображать кого-то другого. Но мы его контролируем. Ты уже пришел в себя? Если да, то нам нужно заехать в Палату гостей. Мы должны оставить сообщение... одной особе. А потом мы немного погуляем по городу, но сегодня не очень долго. Нужно устроиться в гостиницу, и мы тебя отпустим. Нормально?

– Как скажешь, госпожа, – согласился Комора, голова которого все еще шла кругом от валившихся на голову чудес. – Давайте поедем в город. Вы на машине?

– Мы... не беспокойся. Мы вполне поместимся в твоей машине.

Яна поднялась с пола и принялась отряхивать шорты.

– А завтра, – мечтательно проговорила она, – мы пойдем-таки на экскурсию во дворец Великого Скотовода!

02.06.858, деньдень. Граш, граница области Мураташ

Человеческая фигура с заложенными за спину руками стояла на вершине пологого холма. Ветер развевал гриву жестких смоляных волос, хлестал метелками перистого ковыля по ногам в коротких кожаных штанах, трепал расстегнутую на груди безрукавку. По степи быстро бежали тени

облаков, и два гнедых коня паслись у подножия холма.

– Ты так стоишь уже почти полчаса, – не выдержал Саматта, выплевывая изо рта изжеванную травинку. – Рис, ты вообще здесь? И где наши встречающие? Только время попусту теряем...

– Извини, – Семен повернулся к нему. – Старые воспоминания. Ностальгия. Когда меня еще звали Тилосом, неподалеку отсюда я впервые встретил Тарону. Я пытался восстановить в памяти ландшафт. Тогда на Текире действовали законы физики Игры, и климат на континенте был весьма эклектичен. К югу отсюда начинались песчаные Великие Пустыни. Тарсаки пасли свои табуны к северу, но иногда забредали и сюда. Двенадцатилетняя девчонка сбежала в барханы и тренировалась там стрелять из самодельного лука. Ей всю левую руку до крови иссекло тетивой, но она упорно продолжала тренироваться. Упорная и упрямая, она чем-то походила на Кару. Не внешностью, нет. Но внутренней целеустремленностью. Тогда мы подружились.

Он опустился на землю, сорвал метелку ковыля и принялся рассеянно трепать ее в пальцах.

– Мне тогда было почти три с половиной века, если считать с момента биологического рождения. Глубокий старик в красивом, сильном и гибком, нестареющем теле киборга... Я знал, как управлять женщинами и полагал себя неуязвимым к женским чарам – и жестоко ошибся. Знаешь, я ее предал. Использовал ее любовь для того, чтобы манипулировать ей.

Чтобы сорвать тарсачьи племена с обжитых мест и бросить войной на Север до того, как их вынудят атаковать наступающие с юга пустыни. Для того, чтобы столкнуть с гуланами и не допустить уничтожения северных княжеств. А потом я заставил ее убить меня – и после непрощенного пробуждения узнал, что прошло больше двух веков, и Тарона давно мертва. Убита предательским ударом в спину в поединке чести. И я даже не могу ей сказать...

Он замолчал.

– Ты любил ее? – спросил Саматта.

Бывший Серый Князь помолчал.

– Не знаю, – наконец откликнулся он. – Я не знаю. Возможно. Я всегда с нетерпением ожидал встреч с ней наедине, и нам было хорошо вместе. Я с большим трудом заставлял себя уходить. Любовь ли это? Мати, я не знаю. Я вообще не уверен, что могу любить. И что имею на это право.

– А что не так с правами? – отставной спецназовец поднял бровь. – Кто тебе запретил?

– Жизнь. Мати, ты вообще представляешь, что такое для бессмертного любить смертную женщину? Знать, что через десять, пятнадцать или двадцать лет она увянет, а через тридцать или сорок – умрет, а ты продолжишь жить как ни в чем не бывало? А дети? Ты не позволишь ей иметь ребенка от любимого мужчины, даже если она захочет? А она почти наверняка захочет. Каково знать, что ты переживешь своих потомков? Каково ТЕБЕ, Мати, знать, что ты переживешь

собственную дочь? Внуков? Правнуков?

Саматта вздрогнул и медленно повернул голову к товарищу.

– Ты еще не задумывался? – печально спросил тот. – Ну, извини. Рано или поздно все равно бы до тебя дошло. Карина, Яна, Палек – сироты без родителей, без родственных связей. Одиночки в нашем мире. Их отношения с окружающими не выходят за рамки любви и дружбы, кровной связи ни с кем они не чувствуют. Почему Джао выбрал их кандидатами в новое поколение, я понимаю. А почему тебя и Цукку, знаешь?

– Нет. Я уже думал, но ответа не нашел.

– Все потому же. На самом деле ваши воспитанники нашли в вас родителей. Я вижу ваши отношения. Я наблюдал за вашей семьей в последние годы. Они слишком тяжело перенесли бы вашу смерть, зная, что никогда не умрут сами. Точно так же, как ты тяжело переживешь смерть дочери.

– Всего лишь из-за детей? – сухо спросил Саматта.

– Нет. В основном из-за детей. Но Джа умеет выбирать себе соратников и очень редко ошибается. У этого манипулятора, старого сукина сына, отменный нюх на людей. Я пока что плохо тебя знаю, Мати, но, думаю, ты его надежды в новом качестве оправдаешь. И я думаю – очень надеюсь – что он предусмотрел какое-то решение проблемы родственников. Иначе... мне страшно даже подумать, что способен натворить на Текире обезумевший от горя утраты Демиург,

даже действующий исходя из благих намерений.

Саматта помолчал.

– Я давно не ребенок, Рис, – наконец откликнулся он. – Я дрался на грязной необъявленной войне, закончившейся позорным бегством. Я терял товарищей и в яростной драке, и от глупой шальной пули, пущенной кем-то наугад, и от тропических болезней, от которых полевые врачи не знали лекарств. Я убивал и рисковал умереть сам. Я знаю цену жизни и смерти. И я знаю цену любви. Наверное, я пока что еще не осознал как следует перемену... своей сущности, но думаю, что короткая жизнь с настоящей любовью все же лучше, чем серая унылая вечность. Если бы пятнадцать лет назад Дзи предложил мне стать Демиургом в обмен на отказ от Цу, я бы точно послал его подальше. И все-таки – ты любил Тарону?

– По человеческим меркам я древний старик, Мати, – медленно произнес Семен. – У меня было много женщин, но я ни разу не позволял своим чувствам зайти за определенную грань. Я всегда держал эмоциональную дистанцию, ничего им не обещая, и заботился, чтобы они не питали никаких долгосрочных надежд. Тарона... Неважно. Я использовал ее в своих целях, а она прекрасно это понимала и делала все, чтобы угадать любые мои желания, даже невысказанные. И из-за того погибла в конце концов задолго до срока. Вот чего я себе простить не могу до сих пор.

– Это случилось двести с лишним лет назад.

– Нет, чуть больше десяти лет назад, Мати. Для меня, во

всяком случае. Два с лишним века, которые я провел в целебном сне, ничего для меня не значат. Но хватит. Что-то я не вовремя поддался сентиментальности. Они приближаются, готовься.

– Где? – встрепенулся Саматта. – Я не чувствую ни одной машины в окрестностях.

– Вон оттуда. Полторы версты, но они перемещаются между холмами, их пока не видно. Насчет же машин... Мати, ты думаешь, я усадил тебя на лошадь только для того, чтобы продемонстрировать, как добавлять новые навыки проекции? Гуланы и тарсаки и сегодня используют лошадей наравне с автомобилями. Для Повелителя Ветра или Матери клана конь – такой же символ древних традиций, какой для Дракона – меч. Настрой биосканер на фильтрацию по массе – скажем, больше центнера. Можно еще и по типу нервной деятельности, но сейчас излишне. А дальше – быстрое сканирование прилегающей территории.

– Ага, нашел. Шестеро на лошадях, один девиант, с низкой категорией, но эмпат. Девица, разумеется. И оружие. Чувствует мое сердце, переговоры обещают пройти... в интересном ключе, – пробормотал Саматта. – Рис, раз мы находимся на территории тарсаков, почему разговариваем с гуланами?

– Здесь давно не тарсачья территория. После того, как Тарона разбила и рассеяла объединенные гуланские племена, тарсакам самим пришлось очень несладко. Экология про-

должала деградировать, Демиурги еще не успели остановить процессы опустынивания, так что тарсаки вынужденно перемещались с уцелевшими гуланами. С тех пор нет четких границ территорий, как до войны. Повелитель Ветра, с которым мы встречаемся – одна из наиболее влиятельных персон в Мураташе, да и в Граше тоже, и нам позарез нужно заполучить его на свою сторону. У тебя, кстати, проекция переведена в режим буферного контроля? Совершенно незачем эмпату твои настоящие эмоции читать.

– Вроде переведена.

– «Вроде»? Вообще-то буферный контроль либо включен, либо нет.

– Включен.

– Хорошо. Но учти, что буфер нивелирует только допороговые всплески эмоций и моторику. Постоянный уровень он пропускает до проекции неизменным, так что и эмпат, и опытный психолог сумеют в твоём общем настрое разобраться. Контролируй себя и ни в коем случае не поддавайся на провокации, если такие случатся. Все время помни, что они согласились на переговоры официально, а потому ни за что не нападут первыми.

– А нельзя совсем отключить широковещательную трансляцию эмоций всем желающим?

– Совсем – нельзя. Эмпат сразу почувствует, что ты не человек. Но можно перевести проекцию в полуавтономный режим, после чего она начинает жить в соответствии с запро-

граммированными шаблонами реакций. Прямой контроль проекции точкой концентрации сознания отключается, и ты начинаешь рулить ей, как оператор управляет роботом – отдаешь команду нажатием кнопки, а уж он сам ее как-то выполняет. Но у тебя нужных шаблонов пока нет, и чужие тебе не подойдут – все очень индивидуально. Заняться их созданием необходимо, но не сейчас. Вон, кстати, показались из-за холма.

– Вижу. Слушай, а нельзя как-то покороче изъясняться? «Запрограммированные шаблоны реакций», «точка концентрации сознания»...

– Звук – не предусмотрено, и изобретать жаргон смысла нет. Привыкай к прямому общению, там ключевые понятия выражены одиночными символами, всё коротко и предельно ясно. Символьный язык разрабатывался земными искинами именно для того, чтобы максимально ускорить процесс общения между собой и тогдашними людьми. Давай, пора подниматься и всем своим видом демонстрировать, насколько стальные у нас яйца и прочие части тела. Еще раз прошу: контролируй себя и не поддавайся на провокации. Если не понимаешь, как реагировать, просто молчи с максимально высокомерным видом.

– Дора нужно было взять вместо меня. У него вид куда внушительнее.

– Дор, в отличие от тебя, не историк и о Граше знает куда меньше, чем следует. Не беспокойся, придет и его время.

Лже-шаман снова поднялся на ноги одним текучим плавным движением, выпрямился, расправив плечи, заложил руки за спину и принялся наблюдать за приближающейся кавалькадой. Саматта встал вслед за ним и начал неторопливо отряхивать свой камуфляжный комбинезон. Семен настаивал, чтобы они отправились на встречу безоружными, и хотя Саматта все же прихватил привычный армейский «ТаМа-3», без штурмовой винтовки он чувствовал себя голым и беззащитным: старые солдатские привычки и рефлексy возвращались на удивление быстро. Ну ничего. Он для пробы расправил манипуляторы, сменившие старые шокеры, и пошевелил ими вокруг себя. Невидимые щупальца слушались с трудом. И как только Кара и Яни ими управляются? Но ответить оплеуху ими он сможет, и это главное. Семен оглянулся и подмигнул ему, и Саматта испытал некоторое облегчение. В конце концов, его единственное предназначение сегодня – продемонстрировать свою хмурую небритую рожу Большой Шишке.

Конная кавалькада, хотя и трусящая неспешной рысью, быстро приближалась. Саматта молча наблюдал за конниками. Впереди ехал массивный мужчина лет сорока с угольно-черной кожей, слишком темной даже для гуланов. Короткие кожаные штаны, такие же, как на Панариши, слишком плотная для стоящей жары кожаная куртка с обрезанными рукавами – с усиленной пластинчатой подкладкой, способной остановить пистолетную пулю в упор – могучие мускулы

обнаженных плеч и шеи, широкое плоское лицо с мясистым приплюснутым носом и узким разрезом глаз, высокий лоб, обрамленный жесткими курчавыми волосами, с повязанной поверх алой лентой... Саматта не разбирался ни в лошадях, ни в способах езды на них, но то, что он видел дома в Манеже, а также то, чему Семен научил его, предполагали прямую посадку в седле с опорой ног на стремяна. Но у лидера стремяна болтались свободно по бокам коня, а сам он сидел не в седле, а на узорной попоне, поджав под себя пятки и обхватывая бока коня только бедрами. Такая посадка наверняка была страшно неудобна и неустойчива, но гулан, казалось, чувствовал себя легко и непринужденно.

– Обрати внимание, как он сидит, – прокомментировал Семен. – Такая поза позволяет выполнять настоящие акробатические трюки, а также мгновенно спешиваться, если коня завалили. Настоящим умением классической гуланской джигитовки сегодня владеют немногие, но оно высоко ценится среди знатоков.

– То есть в цирке он бы полные залы собирал? – саркастически уточнил Саматта.

– А он наверняка и собирает. Традиционные состязания во время кулхаев проводят до сих пор, и даже Повелители Ветра не считают зазорным в них участвовать. А уж там на родину собирается тьма, десятки тысяч.

– Понятно... – пробормотал Саматта. О кулхаях, чем-то средним между ярмарками и межплеменными переговора-

ми, на которых решались самые разные вопросы – от военных до территориальных и торговых – он знал, но всегда полагал их атрибутом далекого прошлого. Что их проводят до сих пор, оказалось для него неожиданной новостью. Он сделал себе зарубку на память – освежить свои знания о современном Граше как можно быстрее, после чего перевел фокус взгляда на сопровождающих Повелителя Ветра.

Четверо мужчин особого интереса не представляли. Типичные гуланы, и по лицам, и по цвету кожи, и по одежде всадников – заурядной, но практичной, насколько вообще лошадиный способ перемещения может быть практичным в современном мире. У одного в сумке на крупе коня болтался спутниковый коммуникатор, и все оказались вооружены тяжелыми штурмовыми винтовками с подствольными гранатометами. Вот тебе и мирная встреча... Хорошо бы Рис оказался прав, и силу в ход пускать не пришлось. Впрочем, возможно, они просто страхуются на случай нападения в пути – все-таки здесь граница с Сураграфем, где бродят бывшие солдаты Дракона, озлобленные и растерянные, но от того не менее опасные.

Девушку-девианта Саматта оставил напоследок. Он чувствовал определенную неловкость, рассматривая ее. Огромный, висящий бесформенными складками балахон, укрывавший ее от макушки до пяток и оставлявший открытыми только глаза, явно предназначался для укрытия от посторонних, а фокусированный взгляд Демиурга показывал челове-

ка насквозь – в буквальном смысле вместе со всеми потрохами. Саматта мысленно извинился перед ней за невежливость и непрошенное вторжение, но изучить ее было необходимо во избежание неприятных сюрпризов.

Девиант оказалась совсем молодой девчушкой-гуланой, почти не оформленной девочкой, лет тринадцати или четырнадцати. Ее эффлектор никак не тянул на категорию выше четвертой, но обладал развитой способностью к эмпатии. В интерпретации сканера поле нейросенсора струилось и переливалось вокруг девушки искристой приплюснутой сферой примерно в десять саженей в диаметре – при том, что у Яны не достигало и пяти. На руке у девочки обнаружился браслет непонятного назначения со слабеньким вмонтированным радиопередатчиком. А на шее... Саматта испытал короткий, но с трудом подавленный прилив бешенства, когда понял, что узорчатый серебряный обруч вокруг шеи на деле является неактивным импульсным блокиратором, а под массивной рубиновой брошью в передней его части рядом с батареей кроется заряд взрывчатки. Он быстро взглянул на остальных членов отряда – точно, у одного из сопровождающих на запястье браслет дистанционного управления, раз в секунду обменивающийся с ошейником кодированными пульсациями. И наверняка у него инструкции убить девчонку, если та вдруг выйдет из-под контроля. Мерзавцы... как они могут поступать с детьми таким образом?!

Он заставил себя успокоиться и изгнал из мыслей всякий

намек на злость. Он, конечно, не мастер Пути, но и тѣку-со неплохо учит, как достигать чистого незамутненного спокойствия, позволяющего в любой момент нанести врагу внезапный сокрушительный удар. Он снова одернул себя. Люди, которые к ним приближаются, не враги. Он не может относиться к ним как ко врагам – иначе эта девочка распознает недруга в нем самом, не понимая, чем на самом деле вызвано его отношение. И тогда переговоры пойдут насмарку. Спокойно. Прямо сейчас ей ничего не грозит. Да и вообще ошейник, скорее всего, перестраховка. Но перестраховка показательная...

Кавалькада остановилась у подножия холма рядом с лошадьми Панариши и Саматты, и люди спешили. Несмотря на свою массивность Повелитель Ветра соскользнул на землю легко и непринужденно, словно и не весил под центнер. Двигался он почти грациозно, словно танцор. Наверняка очень опасный боец в рукопашной схватке. В сопровождении девочки-эмпата и одного из мужчин – того, что с контролем-браслетом – он направился вверх по склону. Минувя чужих жеребцов, он на несколько мгновений замер перед ними, и Саматта явно почувствовал исходящие от него изумление и восхищение. Чем? Даже на его дилетантский взгляд их с Семеном лошади выглядели заметно красивее низкорослых лохматых лошадок гуланов – но неужели настолько красивее, что способны удивить опытного лошадника?

Третий мужчина остался с лошадьми, остальные двое

неторопливо побежали в разные стороны вокруг холма – занимать наблюдательные позиции.

– Я Тархан ах-Камитар, Повелитель Ветра Западных степей, – произнес гулан на поллахе, останавливаясь в пяти шагах от Семена с Саматтой. – Вы искали встречи со мной. Я пришел.

Он непринужденно сел на землю, скрестив ноги, и его спутник повторил движение. Девочка опустилась на пятки слева и позади них и неподвижно застыла, сложив руки на коленях и опустив голову. Под широкими рукавами балахона ее правая ладонь обхватила левое запястье, а пальцы легли на кнопки на браслете с передатчиком. Шевеление указательного пальца – и радиоимпульс отозвался двойным щелчком во вставленном в ухо Повелителя Ветра наушнике коммуникатора. Ага, вот, значит, как она сообщает ему о наших эмоциях...

Саматта сморгнул, переключаясь с фокусированного зрения на обычное. В конце концов, и дальше изучать ее под микроскопом в самом деле невежливо и не оправдывается никакой предосторожностью. Если гуланы попытаются напасть, он сумеет мягко их нейтрализовать, чего вполне достаточно.

– Чистой тебе воды, Повелитель Ветра, – отозвался Семен на том же языке, слегка склоняя голову. – Я Панариши, главнокомандующий вооруженными силами Сураграша. Мой спутник – оой-генерал Саматта Касарий, мой первый

заместитель и начальник Генерального штаба.

Саматта с трудом удержался от того, чтобы не вздохнуть от удивления. С каких пор он оказался оой-генералом? Он сел на пятки вслед за Панариши, расслабился и в меру своих актерских возможностей изобразил совершенно бесстрастную физиономию.

– Значит, главнокомандующий вооруженными силами Сураграша? – медленно проговорил гулан. – Мне рассказывали про тебя совсем другое, шаман...

«Употреблена фамильярно-покровительственная форма местоимения, не имеющая аналогов в общем языке», – прошелестел на границе сознания комментарий универсального транслятора.

– ...что ты всего лишь бродишь по Сураграшу, трусливо прячась от солдат Дракона. Что вся твоя «власть» строится на нелепых сказках, которые ты рассказываешь неграмотным земледельцам на плантациях маяки. Что ты указываешь лишь некоторым полевым командирам, да и то лишь до тех пор, пока им выгодно тебе подчиняться. Меня обманули, сан Панариши?

– Вероятно, момбацу сан Тархан, – лениво откликнулся Семен. – Ведь ты здесь. Значит, ты не веришь тем людям, а веришь другим, которые говорят совсем иное. Ты мудр, потому что поверить глупцу или предателю означает умереть. Мне тоже рассказывали про тебя разное, что я предпочел не услышать. Например, что твои люди по твоему личному

указанию обеспечивали транзит крупных партий дистиллята маяки через земли ваших кланов и далее в порты на восточном побережье. И что они якобы убили нескольких Глаз Великого Скотовода, заподозривших неладное. А Глаза те, если слушать вздорных болтунов, принадлежали к Северным коленам, как и Первая Смотрящая, да не испытают жажды табуны ее народа. Представь только, что момбацу сама Кимица ах-Тамилла услышала бы такую чушь и хотя бы на мгновение ей поверила!

– Ты не менее мудр, чем я, момбацу сан Панариши, – кивнул гулан, и Саматта на мгновение заметил злой блеск в его глазах. На сей раз он и без комментария транслятора заметил, что Повелитель Ветра употребил подчеркнуто-вежливую форму местоимения. – Вот почему я тоже не поверил словам глупцов, нашептывавших мне в уши ядовитые речи. Цахарра Минтан, передавший твой зов, отозвался о тебе в превосходных выражениях, и, по первому впечатлению, я вижу, что он не ошибся. Я готов слушать тебя, главнокомандующий. Зачем ты призвал меня?

– Затем, что ты заслуженно пользуешься уважением по всему Мураташу. Мир меняется, и теперь Мураташ из далекой захолустной области превращается в провинцию на официальной, – он подчеркнул голосом, – границе Сураграша. Мы становимся соседями, момбацу сан Тархан, и соседями добрыми, если мне позволено надеяться. Прими заверения в моем искреннем уважении и позволь в ответ завоевать твое,

Повелитель Ветра.

– Уважение поселилось в моем сердце с того момента, как я увидел твои глаза, – откликнулся Тархан. – Итак, о чем ты хотел со мной говорить, момбацу сан Панариши?

Следующие полтора часа Саматта все больше и больше чувствовал себя полным идиотом. Семен и Тархан обменивались цветистыми фразами, способными дать фору самому изысканному катонийскому этикету и, похоже, переводимыми транслятором весьма приблизительно. Они упоминали огромное количество имен – прежде, чем сбиться, Саматта насчитал сорок семь – и рассуждали о событиях, происходивших неизвестно где и неизвестно когда. То есть Саматта, разумеется, пытался следить за ходом беседы, добросовестно вызывая краткую справку по каждому упомянутому имени (не менее половины в базе знаний отсутствовали), но вскоре его голова пошла кругом, и он принялся пропускать беседу сквозь себя, не вдумываясь. Запись он включил, а время для анализа настанет позже. Он лишь старался оставаться синхронизированным с течением разговора, проникаясь манерой грубой лести, завуалированных угроз, тонких полунамеков и недоговоренностей. Семен определенно старался получить хоть какие-то гарантии нейтралитета кланов гуланских родов, на которые Тархан имел неоспоримое влияние, а также хотел чего-то, связанного с Великим Скотоводом. Взамен он предлагал вещи, среди которых Саматта сумел понять только намеки на некоторые территориальные

уступки, а также на направление торговых потоков и связанный с ними сбор пошлин.

– Но я вижу, что твой генерал, момбацу сан Панариши, утомлен нашей беседой, – внезапно произнес гулан на общем, переводя взгляд на Саматту. – Нехорошо заставлять человека слушать скучные слова на чужом языке, да еще и в чужой незнакомой стране. Нам следовало бы встречаться не здесь, в голой степи, а в гостях у моего клана. Мы бы устроили великий пир, а заодно бы рассказали ему о наших привычках и обычаях, чтобы он смог полюбить чужую страну, в которую его забросила судьба. Наши женщины искусны и в приготовлении пищи, и в... других удовольствиях, которые наверняка не чужды гостю из просвещенной Катонии.

Его тон казался подчеркнуто дружелюбным, но на мгновение включенная эмпатия показала в гулане изрядную толику издевки и злорадства, смешанных с презрительным превосходством.

– Я с большим интересом слушал вашу беседу, момбацу сан Тархан, и получил от нее изрядное удовольствие, – проговорил он на поллахе подчеркнуто вежливым тоном, с удовольствием наблюдая нарастающее в гулане удивление. Он отчаянно надеялся, что транслятор передает хотя бы половину смысловых оттенков, которые он вкладывал в свою речь. – К моему огромному сожалению, я не имею чести знать примерно половину тех людей, о которых шла речь, но надеюсь, что судьба сведет меня с ними в самое ближайшее время.

Разумеется, я могу лишь преклоняться перед древней мудростью твоего народа и надеюсь почерпнуть от нее хотя бы малую толику. И не только перед мудростью. Знаки у тебя на плече говорят, что ты восемь раз выходил победителем в таранхэе, и я бы с удовольствием поучился у тебя благородному умению конной стрельбы из лука, которую пока что не сумел освоить. Уверен, такой выдающийся боец сумел бы преподать мне хороший урок.

– Ты говоришь на нашем языке, чужеземец, и осведомлен о наших обычаях, – Тархан снова перешел на поллах, и озадаченные нотки в его голосе почти сразу же сменились уважительными. – Прости мое непонимание, но как на такое способен воин из далекой Катонии?

– Я не всегда был солдатом, – пожал плечами Саматта. – Уволившись из катонийской армии, до недавнего времени я преподавал историю в университете. В том числе – историю Граша.

– Значит, ты понимаешь нас куда лучше, чем я думал, – гулан задумчиво сощурил глаза. – Ты хороший противник, момбацу сан Саматта. Я недооценил тебя, и рад, что не на поле боя. Никогда не думал, что изнеженный высокомерный Восток все еще способен рождать людей вроде тебя.

– Мы мало чем отличаемся друг от друга, момбацу сан Тархан. У нас у всех две руки, две ноги и одна голова. Мы говорим, едим и пьем, рожаем и воспитываем детей, среди нас есть трусы и храбрецы, умные и дураки. Мы такие же,

как вы. Разве что давно не надеваем бомбы на шеи своим детям, – не удержался он от колкости в последний момент.

– Бомбы детям? – несколько секунд гулан непонимающе рассматривал его, потом внезапно уголки его рта поползли вниз и в стороны, а верхняя губа вздернулась, обнажая крупные, чуть желтоватые зубы. Он неторопливо обернулся влево, и сидящий за его плечом мужчина слегка отпрянул назад.

– Наваха, – скрежещущим голосом проговорил Повелитель Ветра, – я правильно понял иностранца, что ты опять нацепил на Миззу ошейник?

– Сан Тархан, я же не включил... – торопливо проговорил второй мужчина.

– Молчать! – резко оборвал его Тархан. Одним слитным движением он поднялся на ноги, разворачиваясь к своему спутнику, и страшно ударил его коленом в голову. В последний момент тот попытался уклониться, но не сумел – и с залитым кровью лицом опрокинулся на спину. Его нос, очевидно, оказался сломан, и от боли и шока он даже не мог застонать, только бессильно хватал ртом воздух. Тархан с силой пнул его в бок, еще и еще...

– Дядя! – девочка вскинулась, срывая капюшон. – Пожалуйста, не надо!

У гуланы оказалось симпатичное лицо, довольно светлое для женщины ее племени. Курчавящиеся длинные волосы свободной волной ниспадали на плечи, а светло-серые глаза поблескивали испугом. Тархан опустил занесенную для уда-

ра ногу и развернулся к ней.

– Мизза, почему ты не сказала мне? – зло спросил он, и на сей раз – Саматта проверил – его эмоции оказались совершенно искренними. – Я убью этого ублюдка кобылы и суслика! Я же ясно тебе объяснил, что не желаю ничего знать о бабских страхах, которыми заразились некоторые мужчины.

– Но я же могу оказаться опасной, дядя, – проговорила девушка, опуская голову. – Если я внезапно сойду с ума...

– Девианты не сходят с ума, момбацу сама Мизза, – сумрачно сказал ей Саматта. – По крайней мере, внезапно. У меня есть две приемные дочери-синомэ, давно повзрослевшие, и обе гораздо сильнее тебя, так что я знаю, о чем говорю. В ваших краях вообще слишком много идиотских выдумок о людях с особыми способностями. Ты нормальный человек, не сомневайся.

Тархан странно глянул на него, но промолчал. Семен скрестил на груди руки, из-под прикрытых ресниц наблюдая за сценой.

– Ты... не лжешь, момбацу сан, – неуверенно откликнулась девушка. – Ты веришь в то, что говоришь...

– Я не верю, я знаю. Момбацу сан Тархан, может, ты все-таки снимешь со своей племянницы эту дрянь?

Гулан, судя по его виду, проглотил едкий ответ. Он опустился перед девушкой на колени и раздернул у нее на шее балахон, так что стал виден серебристый обруч. Ни слова не говоря, он ухватился за него пальцами. На его руках вздулись

внушительные мускулы, и ошейник с легким хрустом развалился надвое. Саматта слегка опешил: голыми руками порвать полусантиметровой толщины стальной прут – насколько же силен этот мужик? Впрочем, возможно, просто не выдержали замки. Тархан отбросил обломки в сторону и поднялся, отряхивая руки.

– Откуда ты узнал об ошейнике, чужак? – грубо спросил он. На время с него слетела вся показная цивилизованность, и перед Саматтой стоял дикарь – разгневанный и могучий, не терпящий никаких препятствий и противоречий. – Говори!

– Ты недооценил меня не только в части знания ваших обычаев, вождь, – ровным тоном откликнулся Саматта, расслабляясь и прикрывая глаза. – Низжайше извиняюсь, но на твой вопрос я не отвечу.

Ноздри гулана яростно раздулись, но он сдержался.

– Ветер призывает меня, – сухо сказал он и снова пнул в бок незадачливого помощника, на сей раз несильно. – Поднимайся, Наваха, как следует с тобой я разберусь потом. Момбацу сан Панариши, в следующий раз можешь прийти ко мне домой. Ты тоже, момбацу сан Саматта. Обещаю вам воду и гостеприимство. Вы хотели сказать мне что-то еще?

– Только одно, – Семен поднялся таким же гибким слитным движением, что и Тархан. – Кони, что пасутся у подножия – твои. Я привел их тебе в подарок.

– Вот как? Ты знаешь, что можно подарить такому человеку, как я...

– Знаю. Именно человеку. Не твоему клану, не твоему роду, а тебе лично. Эти кони выведены с применением генной инженерии. Они быстры и выносливы, могут в день покрыть пятьдесят верст, неся на себе двоих взрослых мужчин.

– Я принимаю твой подарок, – кивнул гулан. – Мне нечем отдариться, но я не забуду. Я оставлю тебе своих коней, момбацу сан Панариши, чтобы ты мог вернуться домой.

– Не стоит, – лениво Семен помахал в воздухе рукой. – Неподалеку нас ожидает джип, на нем мы и вернемся. Есть только одна небольшая проблема – жеребцы стерильны. Они не дадут потомства. Но если мы станем добрыми соседями, ты получишь и других лошадей – ничуть не хуже этих, но при том плодовитых.

– Думаешь, ты подцепил меня на крючок? – внезапно усмехнулся гулан. – И что я за лошадей продам свою душу? Ты ошибаешься, шаман.

– Не думаю. Но дружба всегда крепче, когда получаешь за нее достойную награду, верно, момбацу сан Тархан? – подмигнул ему Семен. – И кони – лишь малая часть выгоды, которую ты можешь получить. А теперь не смею больше задерживать.

– Чистой тебе воды в пустыне, – откликнулся гулан. Он переливчато свистнул – охранники у подножия холма встрепнулись и потрусили к лошадям – повернулся и размашистым шагом пошел вниз с холма. Незадачливый Наваха, прижимая локоть к боку, пошатываясь и утирая кровь с лица,

поплелся за ним.

Девушка, бросив на Саматту неуверенный взгляд, тоже было повернулась, но Саматта остановил ее, коснувшись плеча.

– Сама Мизза, – сказал он. – И все-таки не забывай мои слова. Ты – человек, ничуть не хуже остальных. Тебе не грозит опасность внезапно сойти с ума. Это чушь, придуманная неумными людьми. Твои способности – дар, а не проклятие. Используй их с умом, во благо, а не во зло, и все закончится хорошо. Ведь все всегда заканчивается хорошо, верно? – он слегка улыбнулся ей.

Девушка оглянулась на приостановившегося Тархана, потом снова взглянула на Саматту.

– Я запомню, момбацу сан, – прошептала она, после чего повернулась и со всех ног, насколько ей позволял балахон, бросилась вниз по склону.

– Для некоторых особо одаренных историков напоминаю, – фыркнул Семен, – что у гуланов с женщиной чужак может заговорить только с разрешения отца, мужа или иного близкого родственника. А за прикосновение вообще могут убить на месте. Так что ты, блистательный господин Саматта, невежа и грубиян, которого спасает только статус глупого иностранца. Но удачный у тебя вышел экспромт, ничего не скажешь. Я не сообразил на его родственных чувствах сыграть.

– Сыграть на чувствах? – Саматта недоуменно посмотрел

на него. – Ты о чем?

– Ты хочешь сказать, что наобум палил? Ну и ну... – Семен покачал головой. – Мати, ты что, не чувствовал его отношения к девочке?

– Я... – Саматта облизал губы. – Нет, не чувствовал. А должен был?

– Да у тебя эмпатия отключена, что ли? Мужик страшно нервничал, что притащил ее сюда, в неизвестность, без надлежащей охраны. Возможно, он ее вообще в первый раз на серьезное дело взял. Я думал, что ты сам все прекрасно видишь.

– Рис, я не могу все время шпионить за людьми. Так невежливо. Если бы кто-то у меня в голове копался во время разговора, я бы точно обиделся. Иногда я смотрел на эмоции, но только мельком.

– Мати, – Семен в упор взглянул на него черными глазами, – ты странно рассуждаешь. Я понимаю, что катонийские понятия о вежливости у тебя в подкорке сидят, но не забывай и о мере своей нынешней ответственности. Ты просто не можешь себе позволить работать в белых перчатках. Какие вежливость и деликатность, ты вообще о чем? Не ты ли совсем недавно интересовался, как избежать смертей по нашей вине? Твоя неверная интерпретация реакции собеседника в ходе переговоров может привести к войне и к тысячам смертей. По-твоему, это адекватная цена за соблюдение этикета?

– Прости, – покаянно откликнулся Саматта. – Не подумал.

– Прощать тебя не за что, просто прими к сведению. И учти, что вежливость – всего лишь правила, придуманные людьми, чтобы уживаться друг с другом с наименьшими проблемами. А у Демиурга методы совместной жизни с людьми совершенно иные. Целесообразность и последствия – вот что ты должен принимать во внимание в первую очередь. А если и это тебя не убеждает, то просто осознай, что Демиург, твердо намеревающийся ужиться в человеческом обществе, не ломая его, просто обязан вести себя по правилам, устанавливаемым другими. А наш добрый господин Тархан использованием эмпатии на переговорах не гнушается, как видишь.

Бывший Серый Князь замолчал, потер лоб и махнул рукой.

– Ну ладно, не стану нудеть. Сам все поймешь, не маленький. Главное, что наш большой сильный приятель в девочке души не чает, и ты заработал хорошее жирное очко в свою пользу. Да и насчет Таранхая неплохо вышло. Сделаем мы из тебя дипломата в самые кратчайшие сроки, точно тебе говорю.

Он посмотрел вниз, где Тархан внимательно осматривал одного из жеребцов.

– А нам пора отсюда топать. Наблюдателей здесь нет, так что предлагаю пробежаться ножками вон до того распадка, а там можно и в воздухе раствориться. Следы от шин я проложу на всякий случай. Если у тебя нет срочных вопросов,

я пока помолчу – у меня в канале висит Дор, которому не терпится выяснить, как все прошло. Двинулись, что ли...

Тот же день. Область Мураташ, город Камитар

Домой в Камитар они добрались, только когда солнце уже опускалось за дальние холмы. Мизза с трудом сползла с лошади – она еще ни разу в жизни не ездил верхом весь день, и у нее болели бедра и стертая слишком большим и неудобным седлом промежность. Встав на землю, она покачнулась и чуть не упала, но вовремя успела удержаться за стремя. Пусть она женщина, но своей слабости не покажет. Тем более – дяде.

Повелитель Ветра спрыгнул на землю рядом с ней, отцепил от седла поводья новых чудо-коней и передал их конюху.

– Приставить охрану и глаз не спускать, – приказал он. – Мизза, пойдем со мной.

– Да, дядя Тархан, – откликнулась девочка. Она откинула изрядно надоевший капюшон на спину, наслаждаясь прохладой вечернего воздуха, такой сладкой после целого дня, проведенного в душных тряпках. Вслед за дядей она поднялась по ступеням дома и через просторную прихожую прошла в комнату, залитую закатным светом. Ветер колыхал занавески, и от вида стоящей на столе еды у нее тихонько забурчало в животе. Она вдруг поняла, что ничего не ела весь день, и что злой голод впивается ей в живот холодными когтями.

Трое мужчин, негромко переговаривающихся за столом, как по команде замолкли и повернулись к Тархану.

– Вы задержались, – сказал Тахмурат. – Мы ждали вас еще часа два назад. Что-то случилось?

– Все в порядке, – Тархан опустил на лавку и впился зубами в сочный кусок вареного мяса, обмакнув его в подливку. – Шаман подарил мне двух коней, уверив, что они необычайно сильны и выносливы. Я проверял.

– И как? – поинтересовался Цахарра. – Не соврал?

– Если верить Миззе, он говорил одну лишь правду, – с набитым ртом проворчал Тархан. – А, Мизза?

– Да, сан Тархан, – робко проговорила девочка, прижимаясь к глинобитной стенке. Дядю она хотя и боялась, но любила. Остальных же Повелителей Ветра, включая отца – просто боялась. Дядя хотя бы испытывал к ней теплые чувства, как к своим дочерям, а другие всегда оставались внутри холодными и неприятными, зачастую – злыми и сердитыми, хотя и не подавали виду.

– Одну лишь правду не говорит никто, – нахмурился Мистан. – Твоя племянница слишком молода, чтобы как следует понимать взрослых. Проклятие позволяет ей видеть, но не понимать.

– Младший брат, – лицо Тархана помрачнело, а внутри плеснулась подавленная ярость, – я предупреждал, чтобы ты не говорил плохо про Миззу, пусть даже она твоя дочь. Ты меня, похоже, не услышал. Повторить так, чтобы до тебя до-

шло?

– Нет, старший брат, прости, – торопливо проговорил Мистан. – Я оговорился. Но Мизза и в самом деле слишком молода.

– Раньше она не ошибалась. Кстати, Наваха больше не держит мое стремя. Сегодня он без моего ведома и в нарушение моего прямого приказа опять нацепил на Миззу ошейник.

– Он хоть жив еще? – лениво поинтересовался Цахарра.

– Жив. А морду врач починит, – Тархан сунул в рот кусок лепешки и снова впился зубами в мясо.

– Так как все прошло? – осведомился Тахмурат. – Догово-
рились хоть о чем-то?

Какое-то время Повелитель Ветра молча работал челюстями.

– Мистан прав, – наконец неохотно сказал он. – Этот человек знает о нас много. Слишком много. Он может устроить нам серьезные проблемы, просто болтая языком в присутствии не тех людей. Не то чтобы я боялся Кимицу и ее Глаз, но ссориться с ними нам сейчас ни к чему.

– Откуда он столько знает, непонятно?

– Нет. Он ни разу не проговорился. Он умеет застилать суть дела словами ничуть не хуже любого гулана. Дорого бы я дал, Тахмурат, чтобы найти ответ на твой вопрос. Но еще больше дал бы, чтобы узнать – откуда он вообще такой появился? Подобные ему люди не вырастают из земли, как по-

ганки, за одну ночь.

– Возможно, следует поступить с ним так же, как и с поганками, – нахмурился Цахарра. – Пока он еще не вошел в полную силу...

– Ты дурак, Цахарра, – зло оборвал его Тархан. – Он пришел на встречу вдвоем со своим генералом. И оба были не вооружены.

– И что? – от младшего Повелителя Ветра тоже плеснуло злостью. – Вот и воспользовался бы случаем.

– Ты дурак, Цахарра, даже если забыть о моем обещании безопасности, – повторил Тархан, на сей раз спокойнее. – Он знает о нас куда больше, чем все остальные чужаки, вместе взятые. И, тем не менее, является без оружия и охраны. Значит, он уверен, что мы не рискнем на него напасть – например из-за того, что информацией владеет не только он. Или потому, что уверен в своем превосходстве. Ты не видел, как он двигался. Похоже, он страшный боец. Я бы не рискнул выйти против него – хоть врукопашную, хоть с оружием. И его «генерал»... Он бывший солдат масарийского спецназа. Не такой сильный и ловкий, но тоже опытный боец. Думаю, если бы я попытался их убить, не вернулся бы домой живым. Если встретишься с ним в укромном месте, можешь рискнуть сам. Только, во имя пупа Курата, постарайся, чтобы из-за твоей идиотской смерти не пострадал весь клан. А пока он жив – с ним нужно договариваться. Он действительно хочет установить с нами мир и даже готов заплатить за него нема-

лую цену.

– Какую именно? – насторожился Мистан.

– Территории. Он готов улаживать старые территориальные споры между кланами – и утверждает, что способен разрешить их ко всеобщему удовлетворению. И торговля – он намекал, что очень скоро появятся новые торговые пути, и для них потребуется прокладывать дороги. Возможно, железные дороги. А значит, появится работа для наших людей, новые рынки и новые пошлины. Значит, мы сможем привозить учителей из Грашграда и отдавать наших детей в университеты. Но о цене потом. Мизза!

– Да, дядя Тархан?

– Что ты чувствовала в человеке, с которым я разговаривал? В Панариши?

Мизза помялась.

– Он... не боялся, дядя Тархан. Совсем, – робко сказала она. – Ему было интересно с тобой говорить, и он... он чувствовал удовольствие от беседы. Как... как ты, когда лучше всех стреляешь из лука.

– Он таил в мыслях предательство?

– Нет, дядя Тархан. Я не почувствовала.

– Он верил в то, что предлагал? Во всё? Или иногда лгал?

– Да. Он не солгал ни разу.

– Понятно... – Тархан побарабанил пальцами по столу. –

А второй? Чужак с Востока? Что чувствовал он?

– Он... Он плохо понимал, о чем речь, и скучал. И еще в

нем был интерес – словно наблюдал за незнакомыми животными. И еще...

Она замялась.

– Говори, – приказал ей отец. – Говори и ничего не утаивай.

– Еще ему было жалко меня, – прошептала девочка, опуская голову. – И он злился. Наверное, из-за ошейника. В конце он сказал, что я... что я нормальный человек и не сойду с ума.

– Жалко тебя... – повторил за ней Тархан. – Да. Он явно разозлился, когда понял, что ты в ошейнике. Что-то он сказал насчет своих дочерей. Насчет того, что обе – синомэ гораздо сильнее Миззы. Вот, кстати, еще одно. Панариши мог узнать о нас многое благодаря шпионам. Или подкупу. В конце концов, известное хотя бы двоим знает и ветер. Но откуда Саматта узнал, что Мизза – синомэ? И об ее ошейнике, о котором не догадывался даже я? Нет, Цахарра, я не стану связываться с такими людьми, что бы мне за то ни предложили. По крайней мере, пока не пойму их как следует.

– Чужак с Востока... – задумчиво проговорил Мистан. – И генерал. Наемник? Он вряд ли опасен так же, как Панариши. В конце концов, что ему известно о наших путях?

– Он бывший солдат. И бывший учитель истории. Он знает о нас достаточно, чтобы читать знаки у меня на плечах. И он неплохо знает поллах – иногда странно строит фразы, не всегда верно использует интонации, говорит только веж-

ливым слогом, но все-таки говорит. Даже если он учил язык по книгам, он отнюдь не беспомощный младенец. Он далеко не так опасен, как его хозяин, но все равно опасен.

У Миззы снова забурчало в животе, и Повелитель Ветра обернулся к ней.

– Ты хорошо поработала сегодня, – сказал он, и в его голосе и в сердце проскользнули ласковые нотки. – Вот, держи, – он макнул большую лепешку в подливку, отпластал ножом толстый кусок мяса, плюхнул его на лепешку и протянул девочке. – Теперь иди домой и отдыхай.

– Спасибо, сан Тархан, – прошептала та, бросив неуверенный взгляд на отца.

– Иди, иди, – отмахнулся тот. – И скажи матерям, чтобы покормили тебя как следует.

Девочка кивнула и, сжимая лепешку, выскочила в дверь. На улице уже стояли густые сумерки, стремительно переходящие в ночь. Темными улочками, кое-где освещенными падающим из окон светом, на ходу жуя лепешку, она пробралась к своему дому. Она старалась идти безлюдными местами, не попадаясь на глаза людям, и ей это удавалось. Перед дверями, впрочем, ее все же заметили. Игравший с друзьями в бабки Сахмат, увидев ее в круге света от фонаря над дверью, выпрямился и фыркнул.

– А, чокнутая вернулась! – презрительно бросил он. – Что, не убил тебя сан Тархан по дороге? Ничего, убьет еще.

Его дружки загоготали. Несмотря на свои двенадцать лет

Сахмат превосходил ростом четырнадцатилетнюю Миззу на полголовы и был в полтора раза шире в плечах, так что верховодил и над мальчишками старше его на два-три года. Его компания Миззу побаивалась и не упускала случая устроить ей какую-нибудь гадость: сунуть ящерицу за шиворот, толкнуть в грязную лужу, отвесить увесистый щелбан... Сейчас девочка чувствовала, что в брате кипит и клокочет острая черная зависть к ней – еще бы, ведь именно ее, а не его взял с собой Тархан. В таком состоянии он вполне мог бы ударить ее и по-настоящему, а потому она, торопливо засунув в рот остатки мяса, боком вдоль ограды проскользнула к крыльцу и нырнула в дверь.

Она уже привыкла, что мальчишки ее бьют и толкают, а девочки, даже родные сестры, старательно избегают и противно шепчутся за спиной. Но сегодня вспыхнувшая в ней обида оказалась особенно острой. Возможно, потому, что в ее ушах все еще звучали слова чужеземца.

Ты ничуть не хуже остальных. Твои способности – дар, а не проклятие.

Ему легко говорить! Он большой и сильный, такой же большой и сильный, как дядя Тархан. Уж его-то точно никто не смеет задирать. А как может защититься она? Через год ей исполнится пятнадцать, и настанет пора сговаривать ее кому-нибудь в жены. Только вот наверняка никто не захочет ее взять. И тогда она навсегда останется одна, брошенная, никому не нужная. Из всех мужчин только дядя Тархан от-

носится к ней хорошо, так же хорошо, как к своим собственным дочерям. А все остальные ее боятся, не любят и даже ненавидят.

За что ее бояться и ненавидеть? Пусть она синомэ, но ведь она никому не сделала ничего плохого!

Лучше бы ее убили сразу, как остальных проклятых детей. Зачем дядя Тархан вступился за нее?

Из общей комнаты доносились громкие звуки работающего телевизора и возбужденные детские голоса, плескало радостью и возбуждением. Наверное, все сейчас собрались перед экраном и смотрят мультики. Но ей туда нельзя – даже если ее не поколотят, то демонстративно уйдут куда-нибудь, оставив ее в одиночестве. С трудом сдерживая слезы, она прокралась по длинному темному коридору и юркнула в свою комнату. Хорошо хоть никто не хочет с ней жить, так что она всегда может спрятаться в свою каморку, чтобы выплакаться в одиночестве.

И никто не знает, что у нее есть Бокува.

Кукла сидела на подоконнике и смотрела в окно на восходящий из-за горизонта Звездный Пруд. Она не пошевелилась, когда Мизза проскользнула в комнату, и только когда Мизза села рядом, повернула к ней голову.

– Тебя опять обидели? – прошелестела она своим тихим, на грани шепота, голосом. В темноте девочка не могла видеть цвет ее глаз, но она знала, что левый – зеленый, а правый – синий, и это знание странным образом успокаивало. – Ты

долго отсутствовала.

Девочка сердито швыркнула носом и потерла кулачком глаза.

– Сахмат дурак, – зло сказала она. – Я его самого когда-нибудь убью!

– Не получится. Ты женщина. Он мужчина. У вас, гуланов, женщины всегда подчиняются мужчинам. И он сильный. Ты побоишься.

– Тогда сбегу к тарсачкам! У них, говорят, наоборот – мужчины всегда подчиняются женщинам. И мне станут подчиняться!

– Этого ты хочешь? – кукла отвернулась и снова принялась глядеть на звезды. – Чтобы тебе подчинялись? Чтобы ты сама могла делать другим больно?

– Нет, – хмуро сказала девочка. – Я хочу, чтобы меня в покое оставили. Почему дядя Тархан меня любит, а остальные нет? И еще тот... Сатта... Сакатта... с которым сегодня встречались. Он тоже меня не ненавидит, хотя почему-то знает, кто я. Бокува, я действительно чокнутая? Я сойду с ума, да?

– Я мало что знаю о людях и о мире, – шелестящий в голове у девочки голос стал печальным. – Я не могу ответить, Мизза. Сакатта – или Саматта? Саматта Касарий?

– Да, Саматта Касарий. А ты его откуда знаешь?

– Не помню. Я где-то слышала его имя. Оно кажется знакомым. Возможно, оно приснилось мне в Колыбели. Или

услышалось где-то еще. Значит, он либо очень плохой, либо очень хороший. Какой он?

– Он... наверное, он хороший. Он сказал, что у меня не проклятие, а дар. И что я должна использовать его для добра, и тогда все закончится хорошо. Еще он сказал, что у него две дочери, и обе гораздо сильнее меня. У них, наверное, тоже проклятие... или дар. Вот бы с ними познакомиться! Я еще никогда не видела таких же, как я.

– Судьба плетет свои нити, не спрашивая наши желания. Возможно, и познакомишься. Я тоже хотела бы его увидеть. Когда поедешь на встречу с ним в следующий раз, возьми меня с собой. Но мне пора спать. Ты пойдешь со мной сегодня? Ты устала.

– Пойду! – быстро кивнула девочка. – В твоём сне хорошо, а одной мне снятся плохие вещи.

– Ты хочешь есть.

– Нет, я уже наелась. А ты хочешь? Я могу утащить что-нибудь на кухню.

– Я кукла, Мизза. Мне не нужна еда, я же тебе много раз говорила. Но если ты готова, то ложись.

Кукла медленно подняла руки в стороны и воспарила над кроватью. Ее деревянное тело слегка засветилось, наполняя тряпичный халтон изнутри зеленоватым сиянием, и Мизза послушно вытянулась на кровати поверх одеяла, закрыв глаза. И тут же ей в глаза ударил ослепительный после темноты солнечный свет. Она осторожно приоткрыла веки, заслонив-

шись ладошкой, села и осмотрелась вокруг.

Как и раньше, у нее за спиной степь тянулась далеко-далеко, до самого горизонта, а перед ней обрывалась в бесцветную пустоту, словно обрезанная гигантскими ножницами. Вечно полуденное, но ласковое солнце гладило волосы своими мягкими лучами, и волосы трепал ласковый ветер, напоенный весенними запахами. Бокува медленно шла вдоль обрыва. Здесь, в своем сне, она выглядела настоящим ребенком – смахивающей на мальчика девочкой лет десяти, с недлинной стрижкой, в коротких кожаных штанах для верховой езды и странной мешковатой рубашке с кружевами и длинными рукавами, перехваченными у запястий тугими манжетами. Сейчас она совсем не походила на куклу, и только глаза у нее по-прежнему оставались разноцветными – зеленым и красным. Пустота возле ее босых ступней клубилась, сгущалась, меняла цвет и очертания и превращалась в новые кусочки степи, тропинками убежавшими в бесцветную даль. Иногда тропинки казались прямыми как стрела, иногда прихотливо извивались, словно карабкаясь по крутым холмам и огибая невидимые валуны. Между тропинками пустота тоже сгущалась и превращалась в травянистую почву, иногда покрытую мелкими белыми цветами ринрина, но медленно, гораздо медленнее, чем на тропинках.

– Я сделала облака, – сказала Бокува звонким, совсем настоящим голосом. – Они тебе нравятся?

Мизза задрала голову и скептически посмотрела вверх,

приглядываясь.

– Они какие-то неправильные, – сказала она после тщательного изучения. – Неживые. Как... как нарисованные. Как старая паутина.

– А как надо? – с интересом переспросила Бокува.

– Ну... наверное, меняющимися. На что-то похожими. Дышащими. Не знаю, как сказать.

– Дышащими... – задумчиво проговорила кукла. – Меняющимися. Вот так меняющимися?

На глазах у Миззы облака начали расплываться и менять форму. Из перьев и речных бурунов они начали превращаться в забавные рожицы, зверьков, цветы и прочие фигурки. Зверьки принялись играть друг с другом в чехарду и догонялки. Девочка хихикнула.

– Сейчас они забавные, – сказала она. – Но совсем не как настоящие. А тебе ведь нужно обязательно, чтобы как настоящие, да?

– Да. Я должна построить настоящий мир. Не обязательно похожий на ваш, но настоящий. А я так мало видела, что не знаю, как его делать правильно. Мизза, хочешь сделать облака сама?

– Сама? – удивилась девочка. – А разве я могу?

– Конечно. Мы же во сне. В моем сне. Ты моя служанка, и поэтому можешь делать все, что я разрешу. А я разрешаю.

– Я не служанка, – надулась Мизза. – Я дочь Повелителя Ветра!

– Неважно. Важно, что нас свела судьба, и что теперь ты даешь мне свою силу. Ляг на спину и смотри в небо. Не думай ни о чем, просто позволь облакам плыть и плыть, как должны плыть настоящие облака.

Бокува подошла к девочке и нажала ей на плечи твердыми ладонками, принудив лечь навзничь. Затем легла рядом.

– Просто смотри вверх и позволь облакам плыть, – повторила она.

Мизза послушно принялась глядеть на небо. Она честно пыталась представить, как должны выглядеть настоящие облака, но получалось плохо. Теперь облака снова выглядели как обычная белесая рябь на голубом фоне, но в них все равно оставалось что-то неправильное, неуловимое, но противоестественное.

– Ты все делаешь неправильно, – наконец с досадой сказала кукла, поднимаясь. – Ты пытаешься рисовать, как рисуют карандашом. Не надо рисовать. Надо просто увидеть, как должен выглядеть мир. Мне нужно строить дальше, а ты тренируйся.

– Бокува, – спросила Мизза, – а зачем ты строишь мир во сне? Ты вспомнила?

– Я должна.

– Почему должна?

– Не знаю. Знаю, что должна строить.

– Зачем?

– Чтобы встретиться с сестрами.

– С сестрами? – Мизза приподнялась на локте. – У тебя есть сестры? Ты раньше не говорила.

– Есть. Я вспомнила. Я никогда их не видела, но знаю, что они существуют. Они тоже строят миры во сне. Однажды наши сны соединятся, и мы встретимся.

– И что случится тогда?

– Не знаю. Наверное, я их убью.

– Как – убьешь? – опешила девочка. – Зачем?

– Так суждено, – кукла обернулась и внимательно посмотрела на Миззу своими разноцветными глазами. – А что можно сделать еще? Я должна доказать, что строю лучше их.

– Но разве ты докажешь, что строишь лучше, если убьешь их? – неуверенно спросила девочка.

– А разве нет?

– Ну... чтобы доказать, что ты строишь лучше, нужно строить, а не разрушать... наверное. Но как вообще можно убивать сестер?

– Очень просто. Вот так, – Бокува вытянула вперед руки, и в них вспыхнули два длинных огненных клинка. Кукла свела вместе руки, и клинки жарко и желто прогудели, смыкаясь на манер гигантских ножниц перед глазами Миззы. – Ты ведь тоже хочешь убить своих сестер. И братьев, особенно Сахмата. Только у тебя нет оружия, и ты боишься. А я не боюсь.

– Я не хочу их убивать, – глухо сказала девочка. – Я просто... просто... я хочу, чтобы они перестали дразниться. И

ненавидеть меня тоже перестали.

– Мертвые люди не дразнятся. И ненавидеть тоже не могут. Значит, их надо убить, – Бокува развела руки, и огненные мечи пропали. – Видишь, все просто.

– Нет! – крикнула девочка, вскакивая на ноги и сжимая кулаки. – Я не хочу их убивать! Я не такая! А ты... ты... ты плохая! Ты говоришь неправильные вещи!

– Я – это ты, Мизза. А ты – это я, – девочка-кукла посмотрела Миззе в глаза долгим немигающим взглядом. – Ты моя служанка. Ты не только даешь мне свою силу, я еще и смотрю на мир твоими глазами. Я хочу встретить своих сестер и убить их. Значит, ты хочешь убить своих. Только боишься, и сил тебе не хватает. А теперь хватит болтать. Ложись и учись делать небо. Мне нужно строить мир.

Она отвернулась, плавно взмыла в воздух и неторопливо поплыла над бесцветной пустотой. Мизза села на поросший травой холмик, обхватила руками колени и облокотилась на них подбородком. Она не хочет убивать своих сестер. И даже Сахмата не хочет. Ну, разве что иногда, когда он строит особо злую пакость. Нет, Бокува говорит неправильно.

А что, если ее кукла и в самом деле встретит своих сестер? Что, если сестры тоже хотят ее убить? Тогда... тогда они начнут сражаться. И Бокува может погибнуть. И как ей, Миззе, жить дальше?

Когда две недели назад подаренная дядей Тарханом кукла заговорила у нее в голове, она чуть не обмочилась от стра-

ха. Она решила, что какой-то дух или даже демон, подручный Курата или Ю-Ка-Мина, пришел за ней, чтобы сожрать или даже сделать что-нибудь похуже. Потом она поняла, что все-таки сошла с ума, как ей все время говорили сестры и братья. Но уже через два дня она не представляла себе, как раньше жила без Бокува, без ее разноцветных глаз, без снов, в которых создавался мир... Знал ли дядя Тархан, что подарил ей, вернувшись из дальней поездки? Если и знал, то не обмолвился ни словом. Откуда он взял невзрачную, плохо выструганную деревянную фигурку с болтающимися руками и ногами, с глазами, сделанными из разноцветных пластмассовых пуговиц, волосами из нескольких приклеенных пучков ниток, и в халтоне, неряшливо сшитом из грубой серой тряпицы? Возможно, просто купил где-то на базаре у торговца, чтобы порадовать племянницу. По крайней мере, своим дочерям он привез – Мизза издалека видела, как те хвастались перед подругами – настоящую красивую куклу из самого Грашграда, на расстоянии почти не отличимую от маленькой девочки, умеющую говорить и даже ходить. Ее называют странным словом «чоки», и стоит она, наверное, огромную кучу вербов. Наверное, Миззе он купил только Бокува, потому что у него совсем не осталось денег. Неважно. Главное, что сейчас они вместе.

Но если Бокува погибнет, сражаясь с сестрами, то она опять останется одна. Совсем одна в большом злом мире.

«Я – это ты, Мизза. А ты – это я».

Нет!.. или да? Значит, Бокува хочет убить своих сестер, потому что она, Мизза, хочет убить своих? Но она не хочет...

Хочет. Хочет. Хочет. Иногда ей хочется вцепиться им в горло своими слабыми руками и не-руками, и душить до тех пор, пока те не умрут по-настоящему. Пока не перестанут обзывать ее «синомэ», думать про нее злые противные мысли и показывать язык ей в спину. Она пугалась такого чувства и пыталась прятать его глубоко-глубоко в сердце, чтобы оно случайно не вырвались наружу. Но, выходит, прятать его в сердце мало. Оно все равно слышно Бокува.

Решено. С сегодняшнего дня она перестанет не только плохо думать о сестрах, но и вообще прогонит злые мысли. Пусть себе делают что хотят и дразнятся как хотят. Она уже давно привыкла. А если мальчишки начнут драться, нужно придумать, как их напугать. В конце концов, она синомэ. А синомэ все боятся. Даже Сахмат боится, только пытается изображать из себя храбреца. Она напугает мальчишек, но плохо думать о них впредь не станет. В конце концов, нельзя же злиться на обрыв за то, что с него можно упасть и сломать себе шею. Нужно просто научиться осторожно с него спускаться.

Она снова легла на спину и бездумно смотрела в небо, пока сон не сморил ее.

Час спустя в комнату заглянула одна из жен Мистана. Мизза лежала прямо в верхней одежде на одеяле, прижимая к груди куклу. Ее глаза были закрыты, дыхание ровно, но гу-

бы изредка неслышно шевелились, словно она с кем-то говорила во сне. Мать неодобрительно покачала головой. Конечно, девочка умаялась – провести целый день на ногах тяжело даже для взрослого мужчины. Но все-таки она должна вести себя прилично, как и полагает молодой девушке из богатой влиятельной семьи. Вместо того она дичится и чурается братьев и сестер, днями напролет скрывается неизвестно где и все время вступает в стычки с другими детьми. С тех пор, как сан Тархан привез ей из города куклу – и откуда только откопал такое уродливое страшилище? – она совсем перестала выходить из своей комнаты. А теперь еще и спит не раздеваясь. Так ей никогда не выйти замуж!

Впрочем, кого она пытается обмануть? Мизза носит на себе уродливую печать проклятия. Никто и никогда не возьмет синомэ даже третьей или четвертой женой. Она так и обречена коротать свой век в одиночестве, изгоем. Наверное, было бы лучше, если бы ее убили сразу, когда проснулось проклятие. Конечно, со стороны Тархана очень мудро сохранить при себе живой определитель лжи. Но каково же самой девочке мучиться своим уродством до старости?

Она снова покачала головой и плотно прикрыла за собой дверь.

06.06.858, вододень. Катония, город Оканака

– ...достоинные дочери нашей страны, они не сломались

в плену наркоторговцев и сумели нанести бандитским шайкам сокрушительный удар в условиях, в которых оказались бессильными вооруженные силы могучих государств. Мир и процветание, которые рано или поздно придут к народам Сураграша, во многом будут являться и их заслугой. А потому государственные награды, которые я с великой радостью им вручаю, целиком и полностью заслужены ими. Госпожа Карина, госпожа Цукка, носите их с гордостью.

Президент Катонии первым захлопал, и заполняющие актывый зал приглашенные подхватили аплодисменты. Карина принудила себя улыбнуться и помахать рукой, краем глаза заметив, как просияла Цукка. Словно ей премию по физике дали, чесслово! Вот кто в семье, оказывается, прирожденный публичный политик...

Блистательный господин Сота Дайтора отечески приобрел Карину и Цукку за плечи, и зал с новой силой запылал вспышками фотоаппаратов. На фоне сияния прожекторов они не так уж и резали глаз, но Карина все равно придушила восприятие по оптическому каналу. Ей страшно хотелось оказаться подальше отсюда, но роль необходимо сыграть до конца. Согласившись пойти в большую политику, она сама подписалась и на прожекторы, и на журналистов, и на прочие неприятные для нее вещи. Рис пообещал, что она привыкнет рано или поздно, но когда оно еще случится...

– Если мы закончили с театром, господин Президент, – краем рта проговорила Цукка, продолжая широко улыбаться.

ся и помахать рукой, – пришло время поговорить в более приватной обстановке.

– Само собой, – так же краем рта ответил господин Сота Дойтора. – Но сначала не хотите ли вы пообщаться с журналистами? Ваш стремительный прорыв через заслоны перед церемонией серьезно их раздражил.

– После, после, господин Президент. Я готова отдаться им всем сразу и прямо на фуршетном столе, но сначала серьезное дело, а потом уже развлечения.

– Мне нравится такой подход. Тогда идите за мной.

Президент снял руки с их плеч и зашагал в сторону бокового выхода со сцены. Карина и Цукка, помахивая журналистам, двинулись за ним. Короткий проход привел их в большую комнату, в которой дожидалась, судя по виду, президентская челядь – секретари, охрана, советники и прочие люди и орки в официальных костюмах числом не менее полутора десятков. При появлении Соты те, кто сидел, повскакивали на ноги, но тот махнул им рукой и без остановки прошел в небольшую комнату, смежную с основной. Один из поднявшихся мужчин вошел в комнату вслед за ними, закрыв за собой дверь.

– Прошу познакомиться с Кавасином Гамагамасием, моим советником по общеполитическим вопросам, – кивнул в его сторону Президент, усаживаясь в небольшое жесткое кресло возле круглого стола с мерцающим кубом дисплея. В кубе вращался катонийский герб, сам стол оказался выкра-

шенным в цвета национального флага, а на столешнице дымились чашки с ароматным красным чаем и стояли блюда с печеньем и конфетами. – Госпожа Карина, госпожа Цукка, прошу садиться.

– Рады знакомству, просим благосклонности, господин Кавасин, – поклонилась мужчине Цукка, и Карина последовала его примеру.

– Радость всецело моя, – вежливо ответил советник. – Благосклонность пожалована. С учетом вашего... двойственного статуса мы ожидали, что вы захотите использовать награждение как повод для встречи с глазу на глаз. Надеюсь, дамы, вы не слишком шокированы нашей предусмотрительностью?

– Не слишком, господин Кавасин, – беспечно откликнулась Цукка, непринужденно устраиваясь в одном из кресел. Она потянула Карину за руку, и та вынужденно опустилась в кресло рядом. – Значит, нам не придется тратить время на предварительную подготовку. Поскольку журналисты наверняка кипят от нетерпения, а злить их сегодня в наши планы не входит, нам нужно побыстрее обсудить процедуры дальнейшего взаимодействия.

– Взаимодействия? – Президент приподнял бровь.

– Господин Президент, – досадливо скривила уголок рта Цукка, – я ни за что не поверю, что ты не видел нашу импровизированную пресс-конференцию в день возвращения. Но на всякий случай повторюсь: в настоящий момент Карина

является фактической главой государства Республика Сураграш, пусть и не объявленного формально, а я выступаю в роли посла Сураграша в Катонии. Вот мои верительные грамоты, если их можно так назвать, – она наклонилась вперед и положила на стол карту памяти. – Однако у меня в момент... похищения остались незаконченные дела. В частности, моя научная деятельность для меня не менее важна, чем дипломатия, тем более что для политических игр в ближайшие периоды особого поля нет. Все наши силы брошены на обустройство отношений с ближайшими соседями, и на Катонию сил пока что не остается. Так что я уже завтра намерена вернуться в Масарию и продолжить свою работу с места, на которой ее прервали. Госпожа Карина также возвращается в Крестоцин, чтобы провести ряд неотложных хирургических операций, после чего вернется в Сураграш. Вот я и говорю – сейчас нам следует обговорить процедуры взаимодействия в целом и способы связи в частности. Пока в министерстве иностранных дел не создадут под Сураграш необходимые отделы, для тебя, господин Президент, нет нужды тратить свое время. Когда же бюрократическая машина раскрутится в полную силу, я как раз завершу кое-какие дела, и у меня появится немного времени на политику – до того, как меня сменит полноценный посол. Тогда мы и сможем наметить новую встречу, уже обстоятельную и продуктивную.

– Деловой подход всегда приветствуется, госпожа Цукка, – нетерпеливо проговорил советник. – Однако и я не пуб-

личный политик, а лишь эксперт, так что позволю задать тебе прямой вопрос: каким образом ты можешь подтвердить, что вы представляете реальную силу в Сураграше? Прости, но пока что у нас есть только ваши с госпожой Карины слова да отчет грашского посольства, также построенный на основе ваших рассказов. У нас нет никаких объективных доказательство того, что ваши слова правдивы, и...

– Господин Кавасин, – невежливо перебила его Цукка, – если снимки военных спутников слежения, на которых изображены горящие по всему Сураграшу лагеря Дракона, для тебя не являются объективным подтверждением, я уже и не знаю, как тебе доказывать. Разумеется, у вашей компании... опытных политиков есть определенные сомнения, однако я в курсе, что вы с господином Сотой оба имеете доступ к досье «Камигами». Как думаешь, могут две упомянутые в нем персоны оказаться в центре событий и остаться к ним непричастными? Или ты полагаешь, что мы просто сбежали оттуда, а теперь пытаемся изображать из себя тех, кем на деле не являемся?

Она обаятельно улыбнулась Президенту.

– Однако, господин Сота, мы не ожидаем, что вы станете полагаться только на рассказы и логические выводы. Мы предлагаем вам по мере возможности отправить в Сураграш дипломатическую миссию, официальную или неофициальную, чтобы ваши доверенные люди на месте смогли бы удостовериться в правдивости наших слов. Ее базой станет либо

город Паллаха неподалеку от границы с Грашем, либо крупное селение Тисаллах примерно на полпути между хребтом Шураллаха и Западным побережьем. До Тисаллаха имеется хорошая – для тех мест – дорога от Чучуганги, небольшой портовой бухты, куда может пройти катер или даже яхта. Добраться до Паллахи от южной границы Княжеств труда не составляет – при условии, что вы договоритесь с тамошними властями. Если нет, можно проработать путь через Граш, но его придется проделывать на автомобилях по не самым лучшим дорогам. Или фрахтовать у Караванной Охраны транспортные самолеты, но не на весь путь – у нас нет аэродромов, способных принять тяжелый транспортник, и нет топлива для его заправки на обратную дорогу. Биотопливо, на котором летают наши легкие бипланы и вертолеты, ему не подойдет, а запасы авиационного керосина Дракона сторели. Можно также на военном корабле доставить миссию в Чучугангу, но тогда она останется в Тисаллахе. Переместить ее через горы мы пока не в состоянии – все большегрузные вертолеты, способные преодолеть перевалы на высоте трех верст, оказались уничтожены во время сражений. Обеспечение безопасности миссии берет на себя наше правительство. Вашим дипломатам не возбраняется захватить с собой до тридцати солдат с легким стрелковым вооружением и средствами связи – при условии, что кормить и снабжать их станет Катония, у нас средств пока нет. Подробное описание возможных программ пребывания миссии в Сураграше

также содержится на карте. Уведомите меня, когда выберете подходящий вариант.

– Я услышал твои слова, госпожа Цукка, – вежливо ответил Президент. – Я внимательно ознакомлюсь с представленными тобой материалами. Я не уверен, что мы сможем решить организационные вопросы в ближайшее время, однако со связью проблем не возникнет. ГАПС... Агентство правительственной связи предоставит тебе защищенный спутниковый канал, по которому ты сможешь общаться со специально выделенной в МИДе персоной. Где следует разместить терминал? В вашем отеле в Масарии?

– Господин Президент хорошо осведомлен о деталях жизни граждан своей страны, – лукаво взглянула на него Цукка. – По крайней мере, некоторых. Да, у нас в отеле. Только, очень прошу, не следует делать его чем-то большим, чем терминал связи. Иначе наша охранная система может неадекватно на него среагировать и ненароком сжечь.

– Разумеется, госпожа Цукка, – наклонил голову Президент. – Однако во избежание нежелательного пока резонанса в прессе я прошу сохранить факт установки терминала в тайне.

– Еще более нежелательного, чем та вакханалия, что творится сейчас? – удивилась Цукка. – Господин Президент, мне сложно даже представить такое. Но я не возражаю.

– Хорошо. Теперь к вопросу о вашей охране. Служба общественной безопасности уже взяла под особый контроль

больницу, в которой работает госпожа Карина, а также ее квартиру в Крестоцине. Вам обоим также выделяется персональная охрана...

– Я боялась, что этим закончится, господин Президент, – сумрачно сказала Карина. – Ну хорошо, я не возражаю против охраны больницы – от репортеров и сумасшедших поклонников в первую очередь. Квартира... ладно, они могут сидеть на первом этаже с консьержкой, но к себе я их не пущу. И меня лично охранять не надо, очень прошу. Пока я здесь, я никакая не Кисаки Сурагаша, а простой врач.

– Не простой, а знаменитый врач, – поправил ее Президент. – Я даже не за безопасность твою беспокоюсь, а за душевное спокойствие. Прости за прямоту, но без охраны тебе теперь психи просто проходу не дадут. Не беспокойся, она будет ненавязчивой и исключительно на улице. Собственно, она приставлена к вам уже два дня назад, и вы ее даже не замечали. И не заметите, если не случится никаких эксцессов, а их, надеюсь, не случится.

– Мы не возражаем, господин Президент, – быстро ответила Цукка, прежде чем Карина успела ляпнуть, что еще вчера чуть было не высказала непрошенным охранникам все, что о них думает. – Не обращайтесь внимания, она просто так бурчит, по привычке. Однако на всякий случай подчеркиваю, что никакая охрана не должна даже близко приближаться к нашему отелю в Масарии во избежание... эксцессов. Наша защитная система очень не любит чужих вооруженных

людей, и перенастраивать ее я не намерена. Теперь позволю откланяться, мы и так заняли непростительно много твоего времени. Но прежде чем мы уйдем, я хочу добавить вот что. Не сочти за невежливость и нахальство, но проект «Котовадза» следует рассекретить, причем чем быстрее, тем лучше. Иначе на следующей неделе в Ассамблею будет внесен официальный депутатский запрос на его счет.

– Проект «Котовадза»? – удивился Президент.

– Тебе наверняка о нем доложили, но ты слишком занят, чтобы помнить всякие мелочи, – Карина восхитилась тем, как Цукка умудрилась изгнать из своего голоса даже намек на сарказм. Разумеется, Сота помнит прекрасно, поскольку лично особый режим санкционировал, но все-таки не может не соврать! – Речь идет об обломке искусственной конструкции, в прошлом периоде снятом с орбиты мусорщиком. Предполагается, что она имеет внетекирское происхождение. Министерство обороны немедленно его засекретило, что совершенно неправильно. Так или иначе, но лучше открыть доступ к данным исследований для широкой общественности до того, как депутаты начнут задавать неприятные вопросы.

Цукка пихнула локтем Карину и поднялась.

– Мы больше не смеем задерживать вас своим присутствием. Господин Президент, господин Кавасин, – она учтиво поклонилась.

– Внетекирское происхождение?.. Я разберусь, госпожа

Цукка, – Президент тоже поднялся. – Кавасин вас проводит обратно в зал, где наверняка уже заждались журналисты.

– Господин Президент, а в Дворце приемов нет заднего выхода? – быстро спросила Карина. – Дело в том, что мне с журналистами не слишком-то хочется встречаться, и времени у меня не так много. Рейс в Крестоцин вылетает через три часа, а мне еще нужно добраться в аэропорт. И билет купить, а то еще кончатся...

– В аэропорт тебя доставят. И билет закажут заблаговременно, если ты еще не успела. Впрочем, – Президент усмехнулся, – твое желание я понимаю очень хорошо, так что бежим мы на пару. Госпожа Цукка, желаю приятно провести время на фуршете. Надеюсь, стая голодных журналистов не слопает тебя вместе с закусками.

Цукка серебристо засмеялась.

– Посмотрим, господин Сота, – ответила она. – Пока, Карина. Свяжемся.

Оказавшись на заднем сиденье автомобиля, направляющегося в аэропорт, Карина откинулась на спинку и прикрыла глаза, сделав вид, что дремлет. Еще три периода назад она наслаждалась такой удобной известностью в узких кругах, которая позволяла ей нормально работать, оставаясь вне поля зрения публики. Теперь же она национальная героиня и ее везут в аэропорт по личному указанию Президента страны. На улице ее уже наверняка знает каждая собака. Побыстрее бы смыться в Сураграш! Через полгода-год шумиха утихнет,

и она снова сможет без опаски навещать друзей и в Крестовине, и в Масарии...

Нет, не стихнет, после паузы неохотно призналась себе она. Как ни старайся, сбежать от реальности не удастся. Имя Карины Мураций стало слишком широко известным, чтобы позволить ей и дальше наслаждаться уютным одиночеством. Да и не имеет она больше права на такую роскошь... Внезапно она спохватилась.

«Цукка, контакт. Карина в канале».

«...»

«Цу, ты говорить не можешь? Если нет, вызови, когда получится. От...»

«Цукка в канале. Спрашивай, только очень быстро. Я делаю вид, что жую, у тебя десять секунд».

«Что за история с какой-то кото-вазой?»

«Ничего особенного. Спроси Семена, он в курсе. Отбой».

«Конец связи. Семен, контакт. Карина в канале. Рис, можешь говорить?»

«Семен в канале. Да, Кара?»

«Мы с Цу только что с Президентом встречались. Она что-то упомянула про проект «Котовадза», который нужно рассекретить. Ее журналисты на части рвут, а ты в курсе. О чем речь?»

«Все таки лягнула... Цу – настоящий ученый. Если ей что-то нужно, все политесы идут лесом. Говорил я ей, что не вовремя, что подождать нужно хотя бы полгода...»

«Рис!»

«Период назад мусорщик, чистивший орбиту от отработанных носителей, мертвых спутников и прочего хлама, обнаружил фрагмент твердого кокона Станции. Ну, той, которую Камилл в свое время ликвидировал неудачно. Взрывом кокон разнесло вдребезги. Практически все либо упало на планету и затонуло в океане, либо оказалось выброшенным с орбиты и ушло в космос. Но этот кусок каким-то чудом уцелел. И его нашли».

«Погоди, Рис! Я не понимаю. Откуда у фантома твердый кокон? Или Станция не была фантомом?»

«Как, по-твоему, она могла светиться отраженным светом и зваться Белой Звездой, если являлась фантомом чистой воды? Он в оптическом диапазоне обычно не наблюдаем. Начинка, разумеется, была фантомной, но есть одна тонкость. Электромагнитные вихревые поля могут существовать только в условиях сверхчистого вакуума. Любая частица крупнее адрона приводит к нарушению стабильности вихря и его распаду. Потому-то их столько времени и не могли до ума довести. Обычно любой фантом окружен защитным коконом из вихревого гравиполя, не допускающего вещество в рабочее пространство. Однако Демиурги в Игре пользуются упрощенными проекциями, лишены большинства присущих им возможностей. Причем блокировка способностей осуществляется на уровне физических законов игрового континуума. Они в любой момент могут использовать

Станцию для остановки Игры и возвращения себе полной силы, но панически боятся, что что-то пойдет не так и они навсегда останутся заточенными в примитивном теле псевдо-биоформы. Поэтому управляющая Игрой Станция имеет кокон не из гравиполя, а из твердого вещества. Изначально предполагалось, что в случае проблем Демиург в состоянии за век-полтора, а то и быстрее, развить реактивную технику и примитивное космоплавание и уничтожить защитный кокон. В таком сценарии Станция специально запрограммирована перед гибелью послать сигнал о помощи к тем, кто находится за пределами игровой вселенной. Например, одному из Арбитров. Идея понятна?»

«Ага. Только зачем такие сложности? Почему не поместить ее на поверхности планеты? В любой момент взорвать можно».

«Наверное, чтобы биоформы случайно не добрались. Кокон нельзя делать сверхпрочным, чтобы Игрок при случае мог его разрушить. Значит, пришлось бы все время охранять – а кому нужна такая головная боль? Впрочем, я фантазирую, поскольку точно не знаю».

«Понятно. И часто к такому прибегали?»

«Представления не имею. Не думаю, однако, что часто. Возможно, вообще ни разу, если судить по тому, как лажанулся Камилл. Вместо того, чтобы банально сокрушить оболочку Станции, он дистанционно инициировал взрывообразный процесс развертывания вихревых сгустков, что в

результате каких-то ошибок в программировании привело к аварийному сбросу игровой площадки в реальный мир. И у нас лишь благодаря предусмотрительности Джа все обошлось Пробуждением Звезд, а не мгновенной аннигиляцией вещества в условиях изменившихся физических законов. Кусок оболочки чудом удержался на стабильной орбите и попал в руки нашей цивилизации, и теперь Цу жаждет его заполучить».

«Да уж... Рис, но разве не опасно рассуждать о таких вещах публично? Мы же не хотим, чтобы люди знали о Демиургах».

«А кто говорит о Демиургах? Кара, вирусному эффектору приписывают инопланетное происхождение с тех пор, как его впервые обнаружили. Хотим мы того или нет, но гипотеза влияния иных цивилизаций на Текиру многими сегодня рассматривается вполне серьезно. Текира – слишком уж искусственное образование, с массой невооруженным взглядом видимых нестыковок, и рано или поздно правда все равно выйдет наружу. Но нам бы продержаться хотя бы ближайшие триста лет. Обнаружение чужого артефакта нам на руку – оно направляет поиски в ложном направлении. Кроме того, материал твердого кокона – монокристалл с отличными показателями отражения гравитационных волн, который может использоваться в зеркалах гравископов. У Цу, как ты знаешь, гравископия – увлечение всей жизни, и ей не терпится как-нибудь да ввести в оборот новые материалы. Просто

выдать рецепт нового отражателя она не может, вот и формирует события с «Котовадзой». Я даже жалеть начал, что обратил ее внимание на находку».

«Инопланетяне... Рис, мне чем дальше, тем страшнее. Все так стремительно меняется! Как будто нас водоворотом куда-то несет, и ни выбраться из него, ни даже на поверхность не всплыть, чтобы отдышаться...»

«А ты решаешь проблемы по мере их поступления и не задумывайся о вещах, которые тебя прямо не касаются. Универсальный рецепт, между прочим. Кара, ты с графиком определилась? Когда назад собираешься?»

«Недели через две. Когда разгребу очередь на операции. Ее серьезно урезали, но все равно народу много. Придется по четырнадцать часов в сутки работать. Рис, боюсь, мне придется возвращаться периодически, чтобы помогать новым больным».

«Не-а. Не так. Пусть лучше они к тебе едут. Во-первых, твое время ценнее. Во-вторых, на деньги от операций ты сможешь строить больницы здесь, в Сураграше. В-третьих, развитию пассажирского транспорта поспособствуешь, воздушного в первую очередь. Три окна одним камнем – вполне неплохо».

«Мудрый ты наш... Что, я вообще домой вернуться больше не смогу?»

«В образе Карины Мураций – не стоит. Но можем заняться созданием запасных вариантов. Подбросим твою ав-

тономную проекцию в образе ребенка в детский дом, и пока она растет до состояния совершеннолетия, ты привыкнешь управлять двумя проекциями одновременно. Лет через пятнадцать у тебя появится альтернативная личность с легендой совершенно несокрушимой, поскольку настоящей. Как тебе идея?»

«Ох... Не все сразу, Рис. Интересно, но не сейчас».

«Как знаешь. Кара, когда точно определишься с датой возвращения, сообщи мне. А сейчас валяй, кромсай своих подопытных мышек и наслаждайся последними днями безмятежности».

«Ехидина. Отбой».

«Конец связи».

Карина приоткрыла глаза и рассеянно посмотрела в окно автомобиля, медленно катящегося по широкому проспекту, запруженному машинами. Определенно, с течением времени транспортная ситуация в Оканаке спокойнее не становится. «Котовадза», значит? Инопланетяне-Чужие, жизнь на далеких планетах, ложные следы... Впрочем, вреда от таких поисков никакого. Может, они даже стимулируют дальнейшее развитие космической техники, уже несколько десятилетий как застрявшей на уровне искусственных спутников Текиры. Главное, чтобы охоту на ведьм не устроили, ведь девианты – первые кандидаты в инопланетные шпионы.

Ну ладно. Этот вопрос ее пока не касается, так что самое время последовать совету мудрого Риса и решать проблемы

по мере их поступления. А у нее ближайшая проблема – сегодняшняя вечерняя операция. Пусть она всего лишь ассистирует, но все равно должна полностью понимать процесс – и быть готовой вмешаться, если что-то пойдет не так. Она снова закрыла глаза, изобразив спящую, настроила будильник на окрестности аэропорта и погрузилась в перелистывание конспекта по методам трансплантации печени.

08.06.858, златодень. Четыре Княжества, пригород Каменного Острова

Заговорщикам, составляющим коварные планы, положено собираться в глубоких сырых подземельях – в мрачных комнатах, где на стенах конденсируется зловещая испарина темницы, по коридорам порхают летучие мыши, неведомыми путями проникшие на глубину в сотню саженей, а в бронзовых позеленевших скобах мечутся в ледяных сквозняках и рвутся на волю огни смолистых факелов. Для пушного антуража неплохо бы добавить далекие ужасные вопли узников, то ли сошедших с ума в сырых мрачных темницах, то ли нещадно пытаемых святыми дознавателями с целью заставить отречься от ереси.

Пятеро людей и один орк, собравшихся на встречу в не по-весеннему солнечное ласковое утро, заговорщиками себя не считали и предпочитали уют и комфорт современной цивилизации. Вместо спуска в подземелье они поднялись

в мини-сад, разбитый на крыше особняка под специальными кварцевыми стеклами, пропускающими ультрафиолетовое излучение, так необходимое растениям, и позволяющими загорать под естественным солнцем при любой погоде на улице. Несмотря на середину весны солнце сияло почти по-летнему, а потому отопление оранжереи автоматически отключилось, и в ней держалось стойкое ощущение летнего лиственного леса.

Меры предосторожности, разумеется, были на высоте. Листва, шелестящая под дуновениями ветерка из приоткрытых окон, а заодно и скрытых вентиляторов, надежно экранировала беседку в центре оранжереи от любых акустических микрофонов и искинов, умеющих читать слова по губам. Специально сформированные панорамные стекла с неровными поверхностями и неоднородной толщиной крайне затрудняли применение лазерных микрофонов, а задействованная система активного противодействия, создающая в конструкциях почти незаметную хаотическую вибрацию, вообще делала съем звука с конструкций совершенно безнадежным занятием. Специальное сканирующее оборудование постоянно прослушивало эфир в надежде уловить сигналы внедренных радиожучков, а также излучение от незарегистрированных электронных приборов. Наконец, специальным образом сконструированный пол и стены оранжереи делали полностью невозможной прокладку любых кабелей иначе, чем в кабельных каналах, которые дважды в день про-

веряли регулярно меняющиеся охранники. Поэтому у потенциального злоумышленника не оставалось ни единого шанса незаметно установить ни электрический, ни оптический проводной микрофон. Работа охраны облегчалась тем, что в оранжерею тянулось ровно два бронированных электрических кабеля, питающих ее сложную начинку, а коммуникационных кабелей не имелось вовсе.

Однако меры безопасности оказались бесполезными, поскольку встреча тайно записывалась во всех подробностях как хозяином оранжереи, так и каждым из гостей. Каждый из пятерых о том догадывался, и никто не подавал виду: таковы были правила игры. С учетом уровня современной техники, позволяющей синтезировать любой голос, произносящий любые речи, в качестве доказательства такую запись не принял бы ни один человек в здравом уме. А для личного архива... для личного архива можно. Тем не менее, имена по негласному уговору в разговоре не упоминались.

Еще об одном следящем устройстве, впрочем, не догадывался ни один из них. Фантом, пристроившийся под самым потолком сада, прекрасно слышал все, что звучало под стеклянной крышей. А заодно и видел в диапазоне, примерно в тридцать раз шире оптического, и ни листва деревьев, ни свод беседки ничуть ему не мешали. И в точке, плывущей примерно в пятистах миллионах верст от Текиры, электромагнитное вихревое облако постепенно меняло структуру, принимая в себя запись беседы, транслируемую по неосвяза-

емой ниточке гиперсвязи.

– Я продолжаю настаивать: мы не можем упустить такой шанс, – сегодня Генерал военную форму не носил. Он вообще ее недолюбливал, так что облачился в элегантнейший серый костюм, прекрасно скрывающий его располневшую талию. – Дракон издыхает, так что сейчас самое время действовать. Пока так называемые повстанцы не успели построить надежную оборону и привлечь население на свою сторону, у нас есть великолепные шансы получить очень много. Если мы сделаем все правильно, то войдем в историю как настоящие благодетели Четырех Княжеств. Изменится баланс сил в Дворянской палате, возможно, мы даже сумеем перетряхнуть Совет регентов. Даже Тайлашу придется плясать под нашу дудку. Но действовать придется быстро, потому что скоро среагируют и другие. А толкаться локтями в общей толпе – скучно и неприбыльно.

– Быстро действовать означает сильно рисковать, – Старейшина неодобрительно прижал уши и дернул носом. – Ты военный. Ты сам должен понимать, каково действовать на авось, без тщательно продуманных планов, учитывающих все последствия. Безоглядно бросаясь в бурный поток, мы рискуем не выплыть.

– И чего нам бояться? – саркастически осведомился Генерал. – Кучки грязных мятежников под руководством дикого шамана? Или девчонки из-за океана, смыслящей в политике не больше, чем я в живописи?

– Кучка грязных мятежников сделала то, что не удавалось ни нам, ни Грашграду, ни Оканаке в течение последних полусотни лет – придушила Дракона, – задумчиво проговорил Аристократ. – Их нельзя недооценивать. Джунгли остаются джунглями, а зенитная ракета – зенитной ракетой, чьи бы руки ее ни держали. И нам без разницы, кто именно сейчас там партизанит. А если судить по отчетам этой... как ее... из СВР, что оттуда вернулась, шаман там отнюдь не дикий, да как бы и вовсе не шаман. Лицо краской размалевать и я себе могу. Нет, силовой вариант опасен. Если мы открыто его поддержим в любой форме, а нас опять там уделают, о нашем политическом влиянии можно забыть на ближайшие десятилетия. Не знаю, как вы, а я могу и не дожить до времени его восстановления. Я уже не говорю про осложнения с Грашградом, которому наверняка не понравится вторжение нашей армии.

– И что? – Генерал агрессивно наклонился вперед, впившись пальцами в подлокотники. – Предлагаешь сидеть и ждать, пока они сами к Княжествам присоединиться не попросят? Тысячу лет ждать придется!

– Не кипятись. Понимаю, что тебе привычнее мыслить в категориях дивизий и армий, но сейчас не тот случай. Мы ведь все читали одни и те же отчеты этой... из СВР, верно? Ни у кого ощущения недоговоренности не возникло?

– «Ощущения»? – фыркнул Промышленник. – Я бы сказал, все отчеты – одна сплошная недоговоренность. Lipa для

общего потребления. Не знаю, какой пост занимает в СВР твой источник, но помяни мое слово: настоящие отчеты он и в глаза не видел.

– И ты только теперь о том говоришь? – Аристократ недоуменно поднял бровь.

– А когда мне было говорить? Я только неделю назад от тебя материалы получил. А как следует над ними подумать только вчера время выкроил. Вот, говорю и повторяю – липа. Бумажки, которые, как заранее предусмотрено, должны утечь на сторону. Самого главного там наверняка нет, а вот чего – понятия не имею. Но шкурой чувствую – как раз самого главного и нет.

– Если подумать, то у меня складывается такое же ощущение, – Епископ задумчиво потеревбил золотую пятиконечную звезду, вписанную в обруч, висящую у него на груди поверх шелковой черной рясы. – Не могу сказать, почему, но... Наши миссии в Сураграше регулярно докладывают Синоду о происходящих событиях. К сожалению, их не так много, как хотелось бы, но если судить по отчетам, там все куда более упорядоченно и спланировано, чем можно вывести по рапортам дамы Ольги Лесной Дождь. К еще большему сожалению, четкой информации пока получить не удастся – сами понимаете, миссионерами в Сураграш назначаются далеко не самые светлые личности. От них требуется твердость в вере, а не умение логически мыслить и собирать сведения. Однако мы уже направили туда более... опытных людей с хо-

рошим оснащением, так что через период-полтора картинка немного прояснится.

– Так. А что насчет орочьих общин? – Аристократ перевел взгляд на Старейшину. – От них что-то есть?

– У нас не такие тесные связи с тамошними общинами, – сухо ответил орк, нервно подергивая кончиками ушей, но в остальном никак не проявляя своих чувств. – И они не слишком расположены делиться с нами информацией. Кроме того, орки традиционно предпочитают держаться подальше от людей. Дракон с нами не связывался, так что анклав поддерживали строгий нейтралитет в человеческих делах и контактировали с людьми только по торговым нуждам. Мы отправили туда разведчиков – они выяснят, что именно о происходящем известно общинам, а также самостоятельно установят наблюдение. Впрочем, не следует ждать отчетов ранее, чем через два-три периода. Вообще же вопросы о ситуации должны адресоваться не мне. У нас тут, – он метнул на Генерала короткий взгляд, – есть люди, у которых целая военная разведка в распоряжении.

– Ага, пинай нас, пинай... – проворчал Генерал. – Ну да, мы охренительно профукали ситуацию. Да кто знал, что там такая каша заваривается? Медведь вон тоже ни сном ни духом, а он все кичится, как его люди нашу разведку всегда уделывают. Можете мне в морду плюнуть, если хоть кто-то за пределами Сураграша подозревал, что там за каша заваривается. Это сейчас все задним числом умные... Заброше-

ны уже туда разведгруппы, через пару недель появятся сведения из первых рук, обожретесь.

– Не нужно ссориться, господа, – профессионально-мягким тоном вклинился доселе молчавший Дипломат. – Вопрос не в том, кто виноват. Нам нужен план – хотя бы в общих чертах. То, что мы сейчас услышали, свидетельствует об одном: ситуация в Сураграше куда сложнее, чем кажется с поверхности. Пока кто-то из доверенных людей не нырнет поглубже и не увидит все своими глазами, военное решение следует полностью исключить. Армия всегда была и останется веским аргументом при переговорах, но – веским, а не основным. Кто бы ни заправлял сейчас в Сураграше – шаман, Карина Мураций или кто еще – рано или поздно они вступят с Княжествами в переговоры. А в политических играх, – он тонко улыбнулся, – преимущество всегда останется на нашей стороне.

– И все-таки под шумок можно было бы оттяпать у них долину-другую, – проворчал Генерал. – Генштаб срочно заканчивает разработку планов на все случаи жизни, и кое у кого уже руки чешутся их применить на практике. У меня влияния не хватит, чтобы остановить всех идиотов. Обязательно кто-нибудь в поисках славы с цепи да сорвется. Белый Пик – уж точно с большим удовольствием. Лучше сразу подумать, как такое в нашу пользу обратить. Если кому-то нейдет, пусть расширяет себе лоб, но под нашим негласным чутким руководством.

– Разумеется, – согласился Аристократ. – Пусть идиоты совершают ошибки и отвечают за них. Мы найдем, как повернуть ситуацию себе на пользу, главное – самим раньше времени не запачкаться. Однако от тебя потребуются информация. Любая, которую ты сможешь собрать. Разведчики-орки и миссионеры могут пролить свет на неоченимые мелкие детали, но общую картину может дать только военная разведка. Тот факт, что Княжества не намерены использовать военное вторжение на первых порах, вовсе не означает, что мы не можем подвесить эту дубину над головой нового сураграшского правительства в перспективе. А чтобы эффективно ее повесить, нам нужно знать максимум об их собственной армии. Военные лагеря, техника – наверняка они захватили хотя бы часть авиации и торгового флота Дракона, пути передвижения и так далее. Кроме того, – он повернулся к Дипломату, – нам нужны исчерпывающие сведения об их экономике и в особенности – о наиболее критичных ресурсах, которые они не производят самостоятельно. Наконец, – он повернулся к Промышленнику, – нам нужно собрать все доступные сведения о месторождения полезных ископаемых, минеральных в первую очередь. Нефть там, кстати, разведывали? Уран? Золото?

– Нефть точно пытались, – после недолгого раздумья откликнулся Промышленник. – Не мы, «Запад-нефть». И нефть, и другие ресурсы тоже кое-кто пытался. Но они не преуспели. С Драконом дело иметь невозможно – поисковые

партии просто грабили, а иногда они бесследно исчезали. Я, впрочем, напрягу наш отдел промышленного шпионажа...

– Что? – удивился Аристократ. – Он у вас так и называется?

– Нет, разумеется. Не суть, – нетерпеливо откликнулся Промышленник. – Главное, что ребята у нас ушлые, каждую крупинку золота из песка отсеют. Посмотрим, что в конечном итоге получится. И профинансировать наши мероприятия я смогу, если потребуется, – он бросил на Аристократа многозначительный взгляд. Но в обмен я потребую права приоритетного выбора концессий на свое усмотрение. На любые, подчеркиваю, на любые ресурсы.

– Я надеюсь, что и интересы Церкви тоже не окажутся забытыми, – скромно вставил Епископ.

– Рано торговаться, – нахмурился Аристократ. – Сначала нужно точно понять, что мы делаем. Итак, сбор информации – дело верное и правильное. Но нужно предусмотреть, чтобы никто не мог нас опередить. Есть идеи?

– Есть, – согласился Дипломат. – Для начала потребуется создать неразбериху для публики. В первую очередь добиться, чтобы никто не сумел собрать информацию быстрее и качественнее, чем мы. В министерстве зашевелились, собираются под Сураграш отдельный департамент организовывать, но у меня есть идеи, как данную затею тихо саботировать в течение минимум трех-четырех периодов. И нужно еще и на публике тумана напустить – это уже к тебе. По средствам

массовой информации ты у нас специалист.

– Само собой, – согласился Аристократ. – Итак, резюмирую. Ты саботируешь упорядочение отношений с мятежниками. Я напускаю туману в газетах и на телевидении, а заодно пытаюсь поработать с канцелярией Тайлаша, хотя тут ничего обещать не могу. Остальные занимаются сбором максимально подробной информации. Через две недели, максимум через период, необходимо встретиться снова и выработать уже конкретный план действий, пусть и при недостатке данных. Так?

– Есть еще одна вещь, которая не дает мне покоя, – задумчиво проговорил Дипломат, поглаживая лежащую у него на коленях черную трость с золотой инкрустацией. – Слова «Черный квадрат» никому ничего не говорят?

Он обвел всех глазами, но увидел лишь отрицательное покачивание головами.

– Мне тоже. Но так случилось, что мой контакт в СВР краем глаза видел один из рапортов агента Ольги Лесной Дождь. Даже не рапорт – короткое сообщение в несколько строчек, адресованное лично Медведеву. Скопировать его оказалось невозможным – видел он его в дисплее и лишь мельком, пока изображение отключиться не успело, но там «Черный квадрат» упоминался как нечто, имеющее прямое отношение ко всему, что происходит в Сураграше. Не знаю, о чем речь – о секретном проекте, оружии, досье или чем-то еще. Вот и спрашиваю – слышал кто?

– И тот факт, что никто из нас не слышал, наводит на дополнительные размышления, – задумчиво проговорил Аристократ. – Значит, нужно прояснять еще и этот вопрос.

– И думать забудь! – резко сказал Генерал. – Если мы о нем ничего даже не слышали, то тех, у кого есть допуск, можно пересчитать по пальцам. И они умеют держать язык за зубами. Если начнем задавать вопросы, спалимся мгновенно.

– Стоп! – внезапно произнес Епископ. – Я слышал. Года два назад я ненароком подслушал разговор Патриарха с... неважно. Тогда значения не придавал и только сейчас вспомнил. Речь шла о божьем проклятии... о вирусных эффекторах. Совершенно определенно он упомянул Катонию, «Черный квадрат» и еще что-то, называющееся «Камигами».

– «Камигами» – что-то из старотролличьего, – раздумчиво проговорил Старейшина. – Катонийские вояки обожают давать на нем названия своим проектам. Любопытно. Похоже, действительно существуют секретные проекты, нам неведомые. Хорошо бы что-то узнать о них. Действовать нужно аккуратно и крайне осторожно, но нужно обязательно. Иначе мы рискуем вляпаться в такое дерьмо...

– Приняли к сведению, – нахмурился Аристократ. – Согласен, действовать нужно крайне осторожно. Но планы в целом данный факт не меняет. Еще какие-то комментарии есть?..

Вечером того же дня в столице Четырех Княжеств со-

стоялась еще одна встреча – менее тайная, поскольку вполне официальная, но в гораздо более защищенном помещении под резиденцией Верховного Князя. Следящий фантом, впрочем, присутствовал и здесь. Он добросовестно зафиксировал личности всех присутствующих: Верховного Князя и его старшего сына; одного из регентов; министра обороны, по совместительству главы фракции консерваторов в Дворянской палате, и начальника его генерального штаба; а также министра внешних сношений и его третьего заместителя, обычно предпочитавшего, впрочем, звание директора Службы внешней разведки. Фантому было все равно, чей именно разговор он записывает, но с учетом состава собрания он присвоил ему метку наивысшей важности.

– Я недоволен, рыцари, – без предисловий заявил Тайлаш Полевка, не успев опуститься в свое кресло. – Серьезно недоволен. Говорил вам о том раньше с глаза на глаз, теперь повторяю всем сразу: не-до-во-лен. Военная разведка, гражданская разведка и персоны, гордящиеся своими неформальными связями в грашской политической среде, – Верховный Князь покосился на регента, – все облажались по полной программе. Кто-нибудь сумел придумать хоть немного правдоподобное объяснение, как вы умудрились прозевать подготовку военного переворота такого масштаба?

Все молчали, понимая, что первый ответивший неминуемо огребет первый, полномасштабный и самый сильный залп

орудий монаршего недовольства.

– Раз никто отвечать не желает, начнем по порядку. Рыцарь Недоуменный, надеюсь, не желает буквально оправдать свою фамилию?

– Нет у нас предположений, – неохотно ответил министр обороны. – Конечно, никакой агентуры на той территории у нас нет уже не первое десятилетие. Рыцарь Белый Пик подтвердит, что контрразведка бандитских кланов весьма эффективно противостояла всем попыткам вербовки и внедрения на своей территории. Поскольку внутренних источников там не имелось, мы ограничивались инструментальными методами, которые казались вполне адекватными.

Начальник Генштаба неторопливо кивнул, соглашаясь. Даже сейчас на его лице держалось брюзгливо-надменное выражение.

– Поправь меня, Досита, если я ошибаюсь, – голос монарха стал вкрадчивым, – но военный переворот невозможен без оружия. И я очень сомневаюсь, что Дракон по доброте душевной выделил партизанам автоматы и гранатометы из своих запасов – или позволил купить через свои каналы. Охотно верю, что оценить сейчас численность партизан невозможно по чисто техническим причинам – но в любом случае их несколько тысяч человек – пять, десять, пятнадцать... Даже если они идеально укрывались в лесах и джунглях от спутникового наблюдения, им всем нужно было достать по крайней мере по одному стволу, патроны, гра-

наты и так далее. Рыцарь Белый Пик, насколько я помню твои предыдущие доклады, ты утверждал, что твоя агентура в Граше плотно контролирует все каналы поставок оружия, официальные и неофициальные. И, тем не менее, она так и не смогла отследить уход на сторону таких огромных партий.

– Повелитель, как всегда, прав, – буркнул оой-граф Кадабой Белый Пик. – Наш прокол. Виновные в провале уже смещены с постов и выведены за штат.

Директор СВР еле слышно саркастически хмыкнул.

– Похоже, у господина Медведя есть что сказать? – резко повернулся к нему Верховный Князь. – Я что-то упустил, и Служба внешней разведки обладает какими-то новыми существенными материалами по Сураграшу? Или нет? Мне не смеяться, мне плакать хочется. Мне вчера вечером цифры показали – бюджет СВР по прошлому году составил сто семьдесят миллиардов, а Министерства обороны – восемь триллионов. Кто-нибудь может мне внятно объяснить, куда уходят такие деньги – в мирное время и при отсутствии сколь-нибудь значащей военной угрозы?

– Отец, – негромко заметил Сайрат, и Тайлаш обратил на сына недовольный взгляд, – сейчас не время назначать виноватых и делать окончательные выводы. Нужно понять, что мы делаем дальше.

– Некоторым следует подрасти для начала, прежде чем старших перебивать, – недовольно пробурчал Верховный Князь. Никто и глазом не повел – все прекрасно знали, что

между отцом и старшим сыном всегда царило взаимопонимание, и пикировки в приватном кругу, равно как и игры в хорошего и плохого начальников, оставались всего лишь играми. В свои тридцать пять лет Сайрат представлял из себя вполне зрелую личность, прекрасно разбирался в государственных делах, частенько вел самостоятельную (хотя и не противоречащую отцовской) политическую линию и был готов принять трон хоть завтра. – Ладно. Оргвыводы я еще сделаю, не сомневайтесь, но сейчас пора двигаться вперед. Так какие предложения?

– Мы уже активно наращиваем присутствие наших наблюдателей в Граше в приграничной с Сураграшем полосе, – голос Белого Пика, казалось, сочился самоуверенностью. – Наши спутники меняют орбиты, чтобы больше времени проводить над западным краем континента. В самом ближайшем времени мы приступим к инфильтрации в Сураграш под видом местных жителей – торговцев и беженцев – и к сбору информации. Планы активно прорабатываются и будут готовы в течение недели.

– Замечательно, – сухо сказал Тайлаш. – А что, если разведчики в Сураграше попадут в руки... новой администрации? Мы готовы рисковать ухудшением отношений с неизвестно какими людьми?

– Отношений? – скривился Белый Пик. – Повелитель, я бы предложил немедленно ввести войска в Северный Сураграш. После того, как Дракон перестал представлять угро-

зу, мы наконец сможем присоединить к себе исконно наши территории. Не с кем там отношения строить. Одни бандиты сменили других – надо ловить момент, пока они еще не укрепились как следует!

– У меня возникает подозрение, что рыцарь Белый Пик кое-что забыл, – вкрадчиво сообщил Сторас Медведь. – Всего два слова – «Черный квадрат».

Оой-генерал невольно вздрогнул.

– При чем здесь «Черный квадрат», господин Медведь? – огрызнулся он, подчеркнув голосом слово «господин». – Сущности давно не проявляют никакой активности. Они, что ли, там переворот устроили?

– Во-первых, у нас нет никакой информации о том, проявляют Сущности активность или нет, – любезно разъяснил директор СВР. – Возможно, сейчас они просто тщательнее маскируют свои действия. Отсутствие обновлений с их стороны в «Черном квадрате» тоже не показатель. Во-вторых, как должно быть известно всем присутствующим, некие Карина Мураций и Цукка Касарий, подопечные одной из Сущностей, незадолго до переворота оказались в самом центре событий. А заодно – и еще четверо их родственников, сопровождаемых моим человеком, все – из той же особой группы. А всего через две недели после своего появления в Сураграше Карина Мураций загадочным образом убивает главу одного из кланов Дракона, а также обретает всенародную любовь и неформальный, но весьма знаменательный ти-

тул Кисаки Сураграша. По всему Сураграшу, прошу заметить, любовь и популярность, что подразумевает наличие у повстанцев развитой пропагандистской сети. Возможно, конечно, что это совпадение и случайность. Но я не верю в совпадения, когда речь идет о «Черном квадрате». А ты веришь, рыцарь Белый Пик? – обращение «рыцарь» в его устах прозвучало откровенно издевательски.

Оой-граф запыхтел и с ненавистью взглянул на заклятого врага. Крыть ему явно оказалось нечем.

– Возможно, и не совпадение, – огрызнулся он. – Но, по крайней мере, Генштаб не проводит операций такого уровня исходя из личных прихотей отдельных личностей. Не расходует государственные средства и не рискует своей агентурой из мелкой личной корысти.

– Разумеется! – усмехнулся Медведь. – Генштаб рискует агентурой и средствами исключительно ради крупной или очень крупной корысти. Не напомним, рыцарь, фамилию того генерала, что недавно слил на черном рынке три тонны безгильзовых автоматических винтовок – за полцены, зато в свой карман?

– Хватит! – Верховный Князь припечатал ладонью по столу, и оба конкурента замолчали, повернувшись к нему. – Потом догрызетесь, в коридоре. Повторяю: я крайне недоволен ВСЕМИ. Предупреждаю: еще один прокол такого масштаба – и я начну делать выводы, которые мало кому понравятся. Ваши планы по дальнейшей работе в Сураграше я видел, но

пока не вчитывался. Рыцарь Рассвет, я не успел просмотреть материалы вчерашнего заседания Совета регентов – есть там что-то, касающееся Сураграша?

– Есть. Но ничего, что требовало бы немедленной реакции, – откликнулся доселе молчавший оой-граф Синтарий Рассвет. – Совет принял обращение к Повелителю с требованием немедленно принять меры по прояснению ситуации и предоставлению плана дальнейших действий. Стандартная протокольная формальность.

– Понятно. Тогда я переадресую данный вопрос Генштабу и СВР. Варианты ответа предоставить мне не позже чем через неделю. Кроме того, рыцарь Сноповайка, что с твоим ведомством?

– Процесс формирования нового департамента запущен, – сообщил министр внешних сношений. – Сейчас подбираем кадры. Грызня за должности уже идет вовсю, но подходящего кандидата на роль директора департамента пока не вижу. Да и с настоящими специалистами негусто – раньше по этому направлению мы не работали, а Граш и Сураграш все-таки несколько разные вещи. Определись с начальником в ближайшее время, потом определим штат, выделим бюджет на развитие – в общем, через пару недель процесс должен войти в нормальное русло.

– Хорошо. Не затягивай. Чем раньше все заработает, тем лучше. И – ко всем относится – мне нужны максимально подробные материалы по всем без исключения персонам, за-

действованным в сураграшских процессах. В первую очередь – по Панариши и Карине Мураций, во вторую – по прочим членам ее семьи. Ну, и по всем остальным, кого удастся идентифицировать. Любые материалы – статьи из прессы, слухи, домыслы, знакомства, психологические профили любой степени достоверности и так далее. Заданию поставить максимальный приоритет, перебросить людей и ресурсы с других направлений, если потребуются. И любой ценой в ближайший период-два устройте неформальную встречу нашего посланника с Панариши или Мураций. Если возможно, неофициально сведите Кроша, а лучше меня самого с ними. Все ясно? Тогда никого больше не задерживаю.

– Погоди, отец, – остановил его Сайрат. – Есть еще один вопрос, который я хотел обсудить. Все свободны, но тебя, господин Медведь, прошу задержаться.

Директор СВР бросил на Верховного Князя быстрый взгляд и кивнул. Регент, министры и начальник Генштаба поднялись из-за стола, поклонились и вышли из комнаты. Белый Пик на прощание наградил Медведя неприязненным взглядом.

– Да, Сайт? – устало спросил Верховный Князь, когда за ними закрылась дверь. – Чего ты хочешь?

– Я вот что подумал, отец, – старший сын опер локти о столешницу, подпер большими пальцами подбородок и поглядел на директора СВР поверх переплетенных пальцев. – Сторас, твой агент, которого ты посылал в Граш, женщина –

дама Ольга Лесной Дождь, кажется? И она в службе охраны МВС работает? Что ты можешь о ней рассказать?

– Исполнительна, аккуратна, ответственна, преданна, – перечислил Медведь. – Гиперметаболизм, рентген-взгляд, сила первой категории. Страшный боец, возможно, лучший в мире: на форсированной химической подпитке за пять-шесть минут, пока не выдохнется, способна в одиночку вывести из строя роту пехоты, что пару раз и проделывала на учениях. Правда, часто такое не выходит – есть риск необратимо посадить сердце и печень, врачи запрещают необдуманно применять химфорсаж. Вторая категория допуска. Сайрас, ты хочешь от меня услышать о ней что-то помимо формальной справки?

– Я читал ее отчеты. Настоящие отчеты, не отредактированные. Она, кажется, очень неплохо сошлась с компанией, которую сопровождала?

– Да. Вообще-то она замкнута и не имеет глубоких привязанностей – типично для сильного девианта, тем паче профессионального телохранителя. Но с Яной Мураций, как сообщил мне психолог, анализировавший ее отчеты, сошлась близко. Возможно, потому, что та тоже девиант.

– Она рассказывала что-то сверх вошедшего в отчеты? У меня сложилось впечатление, что она чего-то... не договаривает.

– Не договаривает? – директор СВР задумчиво потер подбородок. – Возможно. Легкие нестыковки заметны, но они

могут оказаться следствием неопытности и неумением правильно запоминать. Она все-таки телохранитель по подготовке, не аналитик и даже не полевой агент. Но даже если не договаривает, у меня есть подозрение, что вглубь лучше не лезть. Как следует из «Черного квадрата», Сущности не любят, когда в их дела влезают слишком сильно. Поверхностное любопытство терпят, но за копание в грязном белье их подручных можно и огрести по башке.

– погоди, стор, – остановил его Верховный Князь. – Сайт, к чему ты вспомнил ту девочку? Не надо подводить меня к мысли исподтишка, ты же знаешь, я такого не люблю. К чему ты клонишь?

– Ну, как известно, в Граше – и наверняка и в Сураграше – в государственных делах очень высока цена межличностных отношений, – в серых глазах наследника трона заиграли озорные искорки. – А Крош только что нам сообщил, что у него проблемы с кадрами для нового департамента. Вот и я хочу, чтобы сторас рассказал нам все, что знает, об единственном человеке, близко знакомом с главными действующими лицами.

– В интересном направлении мыслишь... – во взгляде Верховного Князя блеснуло понимание. – Так... Ну что же, стор, валяй. Рассказывай нам все, что только можешь вспомнить о своей Ольге Лесной Дождь.

10.06.858, деньдень. Граш, окрестности города Тус

– По-моему, мы рано, – озабоченно сказала Канса, посмотрев на часы. – Еще полчаса до срока.

– Ну и фиг с ним, – беззаботно откликнулся Палек с переднего сиденья. – Посидим на лавочке у ворот, поболтаем ногами и попристаем к аборигенам с расспросами. Наверняка у них там шикарный дворец, как у Великого Скотовода, за такой-то стеной. А, господин Комора?

Гид неопределенно хмыкнул и пожал плечами. Он неторопливо вел машину вдоль действительно длинной и высокой стены. Место располагалось в пяти верстах от шоссе из Грашграда в Тус, в голой пыльной степи, и ни один указатель у поворота на ведущую к нему дорогу не объяснял, куда она ведет. Кажется, Комора все еще беспокоился, свернули ли они в нужном месте.

– На месте аборигенов, Лика, – сказала Яна, – я бы связала тебя веревками покрепче, вставила в рот кляп и сунула бы под лавочку, охладиться в тенечке. Иначе опять залезешь куда-нибудь не туда. Надо было тебя в дворце оставить, с охраной объясняться в казематах.

– Да я всего-то на пару пролетов по лестнице спустился! – возмутился Палек. – Я же не знал, что туда нельзя. Написали бы по-человечески!..

– Вполне по-человечески написали, – Канса склонилась вперед и дернула его за вихор. – И на общем в том числе. А так из-за тебя господину Коморе влетело. И ты, между про-

чим, так и не извинился.

– Не стоит извинений, – быстро сказал гид. – Мой недо-
смотр. Мы, кажется, приехали – вон впереди ворота.

– Ворота и тысяча вооруженных солдат, – прищурившись,
разобрал всмотревшийся Палек. – Пулеметы, огнеметы, гра-
натометы – интересно, а тяжелые штурмовики там есть? Я
бы полетать не отказался. Я еще ни разу на штурмовике не
летал!

– С возрастом у тебя близорукость развиваться начала, –
фыркнула Яна. – Всего-то трое с автоматами. Господин Ко-
мора, приготовься переводить, если они на общем не пони-
мают.

– Разумеется, госпожа Яна, – кивнул гид. Ему явно бы-
ло не по себе: дела, в которые он впутался – его впутали –
в последнее время, его совсем не радовали. В присутствии
своих подопечных он уже чувствовал себя вполне спокойно,
но каждый раз в государственном учреждении напрягался и
становился похожим на испуганного ежика.

– Стоять! – крикнул один из охранников на тарси, когда
машина приблизилась к воротам на десять сажений. Это ока-
залась женщина – в полевом комбинезоне, высокая, с олив-
ковой кожей, красивым овальным лицом и черными минда-
левидными глазами. – Всем выйти из машины!

Увидев нацеленные на автомобиль стволы автоматов, Ко-
мора резко нажал на тормоз, и машина, клюнув носом, вста-
ла. Яна открыла дверцу и выбралась из машины.

– Меня зовут Яна Мураций! – громко сказала она на общем, слегка разводя руки в стороны, чтобы продемонстрировать отсутствие оружия. – Мы прибыли сюда по приглашению госпожи Тимашары.

– Подойди ко мне, сама Яна, – приказала женщина, переходя на тот же язык. – Одна. С удостоверением личности.

Предостерегающе оглянувшись на стоящего рядом с Кансой Палека, Яна неторопливо приблизилась к женщине и протянула пластинку катонийского паспорта.

– Пожалуйста, госпожа. Нас ждут в десять часов. Мы прибыли немного раньше.

– Приглашение, – потребовала женщина, протягивая руку. Яна достала из сумочки на поясе вчетверо сложенный лист бумаги с каллиграфическим почерком и отдала ей. – Так... все правильно. У вас есть оружие?

– Нет, госпожа. Можете обыскать, если хотите. Но учти, что я девиант первой категории. Синомэ, как у вас говорят. Я опасна и без оружия.

– Насчет тебя я в курсе, – кивнула женщина. – Охрана предупреждена. Вас троих, – она окинула взглядом Яну, Палека и Кансу, одетых в короткие шорты и тонкие облегающие майки, – можно не обыскивать. Только раскрой свою сумку, момбацу сама.

Яна подчинилась, и женщина быстро прошлась пальцами по содержимому – кошельку, косметичке, зеркалу и ключу от гостиничного номера.

– Хорошо. Ты! – она подошла к Коморе. – Руки в стороны, ноги расставить.

Она быстро охлопала гида со всех сторон, потом подошла к автомобилю, заглянула в салон, в багажник, пошарила в бардачке и под передними сиденьями.

– Машину – туда, – она указала рукой на длинный легкий навес саженьх в двадцати от ворот. – На тебя приглашение не распространяется, жди в машине. Навес защитит от солнца. Воду из-под крана можно пить.

– Да, момбацу сама, – низко поклонился Комора. Он снова влез за руль, завел мотор и увел машину в указанном направлении.

– Такие меры предосторожности... – озадаченно сказала Канса. – На вас часто нападают, госпожа?

– Случалось, – неохотно откликнулась охранница. – Не здесь, в других местах. Не так давно Старшую Мать Сухару убили бомбой в машине возле ее резиденции. Не примите на свой счет, – поспешно добавила она, – но правила есть правила.

– Ну, мы же Дракона зачистили, – гордо заявил Палек. – Теперь ты, великолепная госпожа, благодаря нам можешь спать спокойно. Можешь даже спасибо сказать, я не обижусь.

– Еще скажи, что ты лично и зачищал! – усмехнулась Яна. – Не обращай внимания, госпожа, у него язык на одном шурупе крутится.

– Дракон не единственная неприятность в наших краях, –

насупилась охранница, растворяя небольшую неприметную калитку в стене рядом с воротами. – И бомбы в автомобилях придумали не они. Прошу пройти внутрь. Момбацу сама Тимашара еще не прибыла, но вас ожидают.

За калиткой оказался большой, саженей пятнадцать в поперечнике, пустынный двор, залитый гладким ровным слоем асфальта, над которым поднималось струящееся марево раскаленного солнцем воздуха. По центру располагался большой трехэтажный дом, слева и справа от него высились какие-то одноэтажные постройки с высокими широкими дверями. От дома к гостям уже торопливо шла женщина лет сорока на вид, в коротких кожаных штанах, серой полотняной рубашке и накинутом поверх нее легком белом халате до колен и без рукавов, подходящем на накидку-хантэн, но без застежек и завязок спереди. Вслед за Яной сделав несколько шагов в ее направлении, Палек внезапно остановился как вкопанный и широко раскрытыми ноздрями втянул в себя воздух. Он повернулся к правой постройке и ткнул в ее сторону пальцем.

– Лошади! – потрясенно пробормотал он. – Самые настоящие лошади! Я должен их увидеть глазами! Каси, пошли. Сейчас мы узнаем, что такое местная порода.

– Лица! – предостерегающе обернулась к нему Яна, но тот уже стремительно вышагивал по двору своими длинными ногами, таща за собой на буксире слабо упирающуюся Кансу. Яна растерянно глянула на подошедшую женщину.

– Добрый день, – неуверенно произнесла она. – Меня зовут Яна Мураций, а они... прошу прощения, мой брат помещан на лошадях. Я сейчас его верну.

– Не стоит беспокоиться, госпожа Яна Мураций, – подняла руку встречающая. На общем она говорила со странным, еще ни разу не встречавшимся Яне щелкающим акцентом, и от нее тянуло доброжелательностью и интересом. – Если он хочет посмотреть на лошадей, пусть смотрит. Мужчины – что дети, если у них отобрать любимые игрушки, начинают кукситься и становятся совершенно бесполезными. Я Тойлала ах-Масия, управляющая помещьем. Рада знакомству, великолепная госпожа Яна. Мне поручено встретить вас и обеспечить уют до появления момбацу самы Тимашары.

– Рада знакомству, госпожа Тойлала, – откликнулась Яна. – Ты хорошо знаешь наш этикет, я польщена. Но это я прошу у тебя благосклонности. Я гораздо младше тебя.

– Ты гость, а гость выше хозяина, – слегка улыбнулась женщина. – Так что благосклонности все-таки прошу я. Госпожа Яна, прошу подождать меня немного. Я проинструктирую конюхов, как обращаться с госпожой Кансой и господином Палеком, и отведу тебя в дом.

Тут Палек втащил Кансу в небольшую дверь, и оттуда сразу же донеслись возбужденно-неразборчивые мужские голоса.

– Госпожа Тойлала, – вздохнула Яна, – если не присматривать за моим братом, он способен поставить на уши всю

усадыбу. Не со зла, а потому что спокойно сидеть не умеет. А вы с гостями, похоже, излишне деликатны и одернуть его не сможете. Так что уж лучше я сама.

– Известно, что боги редко одаряют благодатью простых людей, – прищурилась Тойлала. – Я не видела ни одного Благословенного, который укладывался в обычные рамки. Так что не волнуйся, госпожа, все в порядке.

– Благословенного? – непонимающе взглянула на нее Яна.

– Я – Знающая, госпожа. Так у нас именуют хранительниц сведений об истинных богах, которых у вас в Катонии называют Демиургами.

Яна вздрогнула.

– Не пугайся, госпожа Яна, – от управляющей плеснуло веселой иронией. – Мне поименно известны пятьдесят восемь Благословенных по всему миру – а с недавнего времени уже пятьдесят девять. О госпоже Кансе до ее прибытия в Граш мы не слышали.

– И... что вы намерены делать с этим знанием? – насто-роженно осведомилась Яна.

– Делать? Госпожа Яна, что ты намерена делать со знанием, что дождь идет с неба, а солнце встает на востоке? Это всего лишь дополнительные штрихи на картине мира, в котором мы живем. Клань Северных Колен не намерены как-то шантажировать вас или угрожать вам.

– И вы нас не боитесь?

– Боимся? Почему? – тарсачка выгнула бровь. – Разве вы

нам угрожаете? Мы не знаем, зачем истинные боги пришли в наш мир, когда умерли выдуманные. Но если бы они хотели нас уничтожить, то давно так и поступили бы. В смертных для выполнения своей воли они явно не нуждаются. Но пройдем в конюшню – что-то там стало подозрительно тихо. Обычно конюхи пинками выгоняют оттуда посторонних.

– Надеюсь, он их не поубивал, – Яна быстрым шагом, почти бегом, бросилась к двери, в которой скрылись Палек с Кансой. Тойлала последовала за ней.

В конюшне действительно стояли тишина и благодать. Было прохладно, видимо, за счет укрытых где-то кондиционеров, и сумрачно. Из расположенных высоко, под самыми деревянными балками, окошек косо вниз били узкие лучи солнца, высвечивающие золотом плавающие в воздухе пылинки. Пахло навозом, сеном и крупными сильными животными. Лошади негромко фыркали в своих стойлах. Яна несколько раз появлялась в конюшнях на масарийском ипподроме, а потому машинально отметила необычность: стойла здесь располагались не вплотную к задней стене, а по центру помещения, давая свободный доступ к лошади и спереди, и сзади. Лика в компании Кансы и трех конюхов стоял возле гнедой в белых яблоках кобылы и восторженно оглаживал ей морду и шею. Кобыла косила на него глазом и потряхивала головой.

– ...красивая? – услышала Яна обрывок фразы Кансы. – Ну, да, наверное. Только невысокая она какая-то. Я думала,

у лошади главное – ноги подлиннее.

– Ха! – Палек воздел палец к потолку. – Обычное непонимание. В лошади главное – пропорции. Если у нее слишком длинные ноги при недостаточной длине, ее ход недостаточно просторен. Ну, грубо говоря, передние ноги задним мешают. Общее правило – расстояние от плечевого сустава, вот отсюда, до заднего края туловища должно превосходить расстояние от холки до земли. То есть длинные ноги в некоторых случаях вещь замечательная, благодаря им у лошади длиннее шаг, но все должно являться соразмерным. Короткие ноги, помимо прочего, имеют короткие пясти, крепкие сухожилия и увеличивают силу поясницы. Вообще в Граше лошади всегда отличались невысоким ростом, из-за чего грашская конница проигрывала княжьей по спринтерской скорости и силе таранного удара, зато была куда выносливей и долгие переходы осиливала лучше. И жажду грашские кони переносят легче. Кроме того, в ЧК всегда считалось, что лошадь тем лучше, чем шире ее грудь, что полная неправда – для хорошего дыхания куда важнее глубина грудной клетки, чем ширина. Каси, зайди вот отсюда...

Палек потянул Кансу за руку и поставил прямо перед лошадей.

– Вот, смотри. Видно, что кобыла узкогруда, с довольно широким крупом и с высоким передом. Некоторые тренеры считают, что такое сложение порочно, а в пример почему-то приводят зайцев – у тех, типа, перед низкий, а бегают шуст-

ро. Еще такие тренеры могли бы придраться к тому, что спина у нее слишком длинная, не обращая внимание на ее мускулистость и расположение ребер. Но на самом деле все не так. Когда мы рассматриваем качества лошади, нам нужно рассматривать ее телосложение в совокупности, а не по отдельным выданным из контекста признакам – ногам, шее, хвосту или еще чему. Не существует одного параметра, даже единого универсального стандарта гармонии, который однозначно определяет скаковые качества. Уй ты моя хорошая... – последние слова относились к кобыле, которая потянулась к его пояснице мордой, обнюхивая карманы шорт. – Почему я сахарку прихватить не догадался?

Он обернулся и увидел Яну.

– Яни! – крикнул он. – Ты у нас сладкоежка, у тебя кусок тортика в сумочке не завалялся?

– Вот еще, коню тортики скармливать! – подбоченилась та. – И завалялся бы, так не дала бы, а сама слопала. Лика, ты долго еще собираешься Каси лекции про лошадиные стати читать? Меня ими достал, Цу и Мати достал, теперь новую жертву нашел?

– А мне она нравится, – Канса опасно потянулась и осторожно дотронулась до лошадиной морды. – Лика, а погладить ее можно? Она не кусается?

– Хаяка – смирная, – сказала до того момента молчащая Тойлала, с интересом наблюдающая за сценой. Сейчас ее эмоции казались странными – покровительственными, с лег-

кой иронией, как по отношению к умному догадливому ребенку. – Она не кусается, не лягается и хорошо выезжена. Ее используют для обучения детей верховой езде. Господин Палек, если хочешь, можешь проехать на лошади, на Хаяке или любой другой. Приказать вывести кого-нибудь из них на плац?

– Проехать... – пробормотал Палек, задумчиво потирая верхнюю губу пальцем. – Каси, а ты когда-нибудь на лошади каталась?

– Несколько раз, еще в школе, – откликнулась Канса, осторожно проводя рукой по лошадиной гриве. – На пони в зоопарке. Ой... а можно?

– Госпожа... э-э-э...

– Тойлала, – подсказала тарсачка.

– Рад знакомству. Госпожа Тойлала, можно, я прокачу жену на Хаяке? Седло желательно легкое, но поглубже, с высокими луками или с буфами. Крылья подбитые, примерно до середины голени. Мне помнится, в ваших краях седла иные, чем у нас, но из наших я бы выбрал «фермерское». И стремена Музани.

– Я не знаю, что такое «фермерское седло», но для начинающей мы что-нибудь подберем. Тем более, что госпожа Канса не крупная. Ты! – Тойлала ткнула пальцем в одного из конюхов. – Ты слышал. Займись.

– Ма, момбацу сама Тойлала, – кивнул конюх и трусцой убежал вглубь конюшни. Второй, не дожидаясь приказа, от-

ворил загородку и принялся выводить кобылу из стойла.

– Чем бы дитя ни тешилось... – пробормотала Яна себе под нос, возводя глаза к потолку. – Госпожа Тойлала, пока они развлекаются с лошадьми, ты не возражаешь, если я посижу где-нибудь в уголке и читаю? Не беспокойся, меня не нужно развлекать. Я сейчас интенсивно изучаю культуру и историю Граша, и материала для изучения у меня на год вперед, даже если я брошу все остальные дела.

– Разумеется, госпожа Яна. Если хочешь, я могу проводить тебя в библиотеку. У нас большое собрание книг, одно из лучших во всем Граше – примерно пять тысяч томов, свитков и пластинок, включая старые пергаменты времен еще до Пробуждения Звезд. Момбацу сама Тимашара немного задерживается из-за каких-то технических неполадок с вертолетом, так что у тебя есть время неторопливо оглядеться.

– Библиотека... Госпожа Тойлала, ты знаешь, чем подкупить Благословенную, – улыбнулась Яна. – Тем более – социолога по образованию. Мати... Саматта бы удавился ради того, чтобы посидеть у вас в гостях как следует. Он, видишь ли, историк по профессии, для него такие вещи – как для нас с тобой воздух.

– Как управляющая поместьем я не возражаю – независимо от итогов ваших сегодняшних переговоров с момбацу самой Тимашарой. В доме я передам тебе код моего личного коммуникатора, пусть он свяжется со мной, когда появится время.

– Хорошо, госпожа Тойлала. Я передам ему.

Оставив Палека во дворе водить за повод кобылу с опасно-восторженно попискивающей в седле Кансой, Яна с управляющей прошли в дом и по неширокой лестнице спустились из вестибюля в подвал. Тойлала отперла замок на массивной металлической двери – замок оказался серьезным, с электронным ключом и папиллярным сканером – и жестом пригласила Яну войти внутрь. Из дверного проема тянуло сухой прохладой. Свет в помещении включился автоматически, и обнаружилось, что они находятся в большом зале, уставленном книжными стеллажами. Яна ошарашенно повертела головой. Такого количества бумажных книг в одном месте она еще не видела даже в университетской библиотеке. На второй взгляд зал показался не таким уж и огромным, а стеллажи – не такими уж и бесконечными, зато она поняла, что каждая книга и тубус со свитком расположены в специальном гнезде, плотно закрытом крышкой темного стекла.

– Здесь особый отдел нашей библиотеки, – с гордостью сказала управляющая. – Кондиционирование воздуха, постоянные температура и влажность, неразрушающее освещение и автоматическая газовая система пожаротушения. Мы храним здесь особо редкие и старые экземпляры. Все тексты оцифрованы, но многие предпочитают работать по старинке, с вещью, которую можно подержать в руках. Лучшая техника есть только во дворце Великого Скотовода, да и то вряд ли.

– Я потрясена, госпожа Тойлала, – Яна с благоговением коснулась ближайшего стеллажа. – Я совсем не ожидала найти в Граше что-то подобное. Ведь такая система наверняка стоит больших денег. Больших даже по нашим, катонийским меркам.

– Тридцать лет назад она обошлась нам примерно в пятьсот миллионов старых вербов. С учетом инфляции и денежной реформы – примерно в полтора миллиарда нынешних. Да, очень дорого, но книги того стоят. Северные Колена гордятся тем, что когда-то дали жизнь королеве Тароне. И тем, что поддерживали Тассу в ее устремлениях. Мы многое переняли от Тассы, в том числе – стремление к знаниям. Северные Колена богаты и влиятельны, и мы можем позволить себе такие траты.

– Тасса... – Яна покатила имя на языке, припоминая. – Северянка по имени Элиза, которую привел к вам Серый Князь, Тилос?

– Ты хорошо знаешь нашу историю, женщина из Катонии. Сегодня имя Тилоса известно лишь немногим. И те по большей части полагают его всеми забытым мелким сураграшским божком. А на самом деле... – Она испытующе взглянула на Яну.

– А на самом деле он был... – Яна запнулась. – Благословенным. Серым Князем, противостоявшим Майно, а затем отдавшим жизнь ради того, чтобы остановить войну на уничтожение между Севером и Югом. Я хорошо знаю, кто он та-

кой. И настоящее происхождение Элизы мне тоже известно – девочка с особыми способностями, как говорят сегодня, заранее чувствующая опасность. Тогда в Княжествах свирепствовала инквизиция Церкви Колесованной Звезды, истребляющая «ведьм» и «колдунов», и родители увезли ее на юг. В общем, долгая история, госпожа Тойлала. Ты хочешь услышать ее целиком? Или просто проверишь меня?

– Я знаю жизнь Элизы, – слегка виновато проговорила тарсачка. – Мне хотелось лишь понять, насколько ты ориентируешься в истории. И сможешь ли разъяснить мне то, что я сейчас покажу. Сюда, пожалуйста.

Она прошла между стеллажами и сдвинула в сторону картину, изображающую заснеженные горные пики. За картиной обнаружился большой сейф. Тойлала поднесла к глазам небольшой брелок, нажала на нем кнопку и быстро набрала на клавиатуре длинный числовой код. Прозвучали мелодичные ноты, и дверца, щелкнув, приоткрылась. Тойлала с усилием распахнула ее полностью и показала на несколько тонких пластин, стоящих к проему ребром:

– Здесь находятся самые драгоценные материалы – записи, извлеченные Тассой из потаенной пещеры Тилоса.

Она потянула одну из пластин на себя и извлекла ее из сейфа. Внутри массивной металлической рамки со стороны примерно в полсажени под тонким слоем стекловидной массы виднелся желтый лист, покрытый мелкими значками и схемами. Тарсачка отнесла его к стоящему в углу зала стен-

ду, вставила в держатель и включила направленную на текст лампу.

– Ты можешь прочитать то, что здесь написано? – почти безразлично спросила она, но Яна почувствовала, как внутри управляющей нарастает напряжение.

– Прочитать? – Яна склонилась к листу поближе. – Да, госпожа. Здесь использован древний фонетический алфавит Демиургов. В нем каждый символ обозначает не буквослог, как у нас, а отдельный звук, поэтому текст не поддается классическому частотному анализу. Пятьдесят шесть звуко-символов позволяют воспроизводить практически любое произношение на любом языке. Язык – общий, с поправкой на изменения последних двух веков. Но я тебя разочарую. Здесь нет никаких сакральных знаний. Просто учебник по физике. Начала механики, если точнее. Законы рычага, упругости... Для тех времен – непостижимая наука, но сейчас у нас в Катонии такому учат в средней школе. Тилос оставлял знания не мудрецам в высоких башнях, а своим последователям, которых буквально подбирал на улице, и сегодня они никакой ценности не представляют. Разве что как исторический артефакт.

– И все-таки я хотела бы прочитать все сама, – напряжение внутри Тойлалы все нарастало. – Ведь я хранительница знаний. Ты можешь научить меня понимать фонетический алфавит?

Яна внимательно посмотрела на тарсачку.

– Могу, – наконец ответила она. – Но не стану. Госпожа Тойлала, прошу извинить меня, но подобное знание даром не дается. Мне неприятно говорить тебе такое, но мы можем предоставить его только нашим союзникам. Если мы договоримся с госпожой Тимашарой, я научу тебя читать. Если нет... прости.

– Вот как? – проговорила Тойлала. – Ну что же...

Она протянула руку и кончиками пальцев осторожно коснулась пластины. Потом подняла на Яну печальный взгляд.

– Я не обладаю серьезным влиянием на момбацу саму Тимашару. Мое влияние вообще не распространяется за рамки поместья. Я всего лишь управляющая и один из историков, чьи знания, в общем-то, никому и не нужны. Боюсь, я не смогу поколебать чашу весов в твою пользу, госпожа Яна, даже если очень захочу. Ну, в общем-то, и неважно.

Она выключила лампу, вытащила пластину из держателя и отнесла ее в сейф. Яна отвернулась к стене и поежилась. Внезапно ей стало гадко и противно, словно она испачкалась в какой-то отвратительной вонючей слизи. Я не имею права быть добренькой, твердо сказала она себе. Не имею права. У нас не так много козырей, чтобы разбрасываться ими налево и направо, и каждая козырная карта у нас на счету, пусть даже самая мелкая...

Нет, я так не могу. В конце концов, кому, кроме историков, нужно знание миллионы лет как мертвого алфавита? Никакой это не козырь.

«Семен, контакт. Яна в Канале. На пять секунд можешь отвлечься?»

«Семен в канале. Хоть на шесть. Хм?»

«Рис, помнишь, ты в свое время оставлял информационные закладки для своих последователей – бумага, закатанная в стекло?»

«Было дело. Где-то всплыли?»

«Да. Несколько листов обнаружилось в библиотеке поместья, где я сейчас нахожусь. Ты в них писал что-то, что не стоит знать людям?»

«М-м-м... нет, кажется. Набор знаний уровня средней-старшей школы по нынешним меркам. Физика, химия, астрономия, алгебра, геометрия, немного биологии. Если и забыл про какие-то тайны, два с лишним столетия спустя они уже не актуальны».

«То есть если я научу их читать фонетический алфавит Демиургов, ничего страшного не случится?»

«Да нет, наверное. Насколько я в курсе, помимо меня его никто не использовал. Пусть себе развлекаются. Только оставь покрасивее, пойдет нам лишним плюсиком во взаимоотношениях».

«Поняла. Спасибо. Отбой».

«Отбой».

– Госпожа Тойлала, я передумала, – сказала Яна. – Я научу тебя читать. Все-таки не сейчас. Нам потребуется пара часов, чтобы ты смогла записать все в удобной для тебя манере, а

госпожа Тимашара вот-вот появится.

Тарсачка на мгновение замерла, затем осторожно закрыла дверь сейфа.

– Спасибо, госпожа Яна, – произнесла она, не поворачиваясь. – Я никогда не смогу отплатить тебе той же монетой, но я у тебя в долгу.

Браслет у нее на руке издал едва слышный писк.

– Меня вызывают, – немного резче, чем следовало, сказала управляющая. – Вероятно, вертолет приближается. Похоже, госпожа Яна, сегодня тебе не удастся отдохнуть в библиотеке.

– Тогда, наверное, нам следует вернуться на улицу и стащить Каси с лошади, – облегченно улыбнулась Яна, направляясь к выходу из библиотеки. – Если удастся, конечно. Похоже, они с Ликой действительно в одной луже плавают. Придется нам дома конюшню строить, если так дело и дальше пойдет.

– Как ты сказала, госпожа? – переспросила управляющая, отключая свет и с усилием закрывая за собой массивную дверь. – «В одной луже плавают»?

– Да. Ну, у нас так говорят, когда у людей одинаковые интересы или взгляды на жизнь.

– Понятно. У нас бы сказали «жеребята от одной кобылы». В Катонии так часто идут дожди?

– Да, особенно зимой. На севере так даже и снег зимой лежит. Пойдем быстрее, госпожа, а то и в самом деле встре-

тим госпожу Тимашару в неподобающем виде.

Все-таки они не успели. Канса, сидящая в седле, и Палек, держащий лошадь в поводу, оказались на противоположной от Яны стороне плаца, на который, громко урча, опускался восьмиместный гражданский вертолет. Пассажирские дверцы распахнулись сразу, как только колеса машины коснулись земли, и из них, склоняясь под воздушными вихрями, начали выпрыгивать люди в камуфляжных комбинезонах. Тимашару Яна узнала сразу – высокая черноволосая густобровая женщина лет пятидесяти на вид (в действительности, как следовало из досье Семена, пятидесяти одного года), плотно сбитая, но движущаяся легко и непринужденно, со своеобразной грацией. В прошлую встречу в Чумче с непривычки она показалась Яне темнолицей и темнокожей, но сейчас ее кожа казалась гораздо светлее, типичного для тарсаков оливкового оттенка. Ее спутницы, из которых четверо явно казались охранниками, тут же непринужденно распределились так, что и Яна, и Канса с Палеком оказались на расстоянии легкого движения руки от автоматной очереди. В оружии Яна все еще не ориентировалась, хотя энциклопедия по первому же запросу вываливала на нее ворох сведений о чем угодно, но выглядели их автоматика изящно и смертоносно. Особенно с учетом скорости стрельбы в триста выстрелов в минуту и емкости магазина в пятьдесят патронов. Пожалуй, от такого потока пуль в упор она со своими старыми способностями девианта закрыться не сумела бы.

Ну, а что все четверо оказались сильными девиантами, следовало ожидать. В Чумче, похоже, присутствовали трое охранниц из четырех. Жаль, тогда она не умела снимать энсигнатуры...

Впрочем, сейчас стволы смотрели в асфальт, и Яна в сопровождении Тойлалы двинулась навстречу новоприбывшим. За вертолетом Палек бросил поводья конюху, снял Кансу с лошади, и они неторопливо пошли к машине.

– Момбацу сама Тимашара ах-Тамилла, Старшая мать Северных колен, – не доходя до остановившейся Тимашары трех шагов, Яна остановилась и низко поклонилась. – Чистой тебе воды! Да не испытаешь ты жажды в своих странствиях. Я – Яна Мураций, а они, – она кивнула в сторону Палека и Яны, – мой брат Палек Мураций и его жена Канса Марацука. Благодарю, что сочла возможным встретиться с нами здесь и сейчас.

– В прошлый раз, в Чумче, госпожа Яна, – прищурилась Тимашара, – ты вела себя куда более непринужденно. Так, как ты сейчас, ко мне обычно обращаются только на очень официальных приемах. Сегодня сойдет и просто «сама Тимашара». Приветствую вас, две великолепные дамы и один блистательный господин. Я вижу, госпожа Канса, что ты понемногу осваиваешь наши пути? Ты очень неплохо держишься в седле для начинающей.

– Когда-то я занималась акробатикой, госпожа Тимашара, – покраснев, прошептала Канса.

– А господин Палек продемонстрировал такое знание теории коневодства, что наши конюхи его теперь уважают не меньше меня, – слегка улыбнулась Тойлала, отвечивая Палеку легкий поклон.

– Еще бы! – согласился тот. – Я же лучший лошажник на планете! С тринадцати лет на ипподромах за кониками навоз убираю. Меня однажды чуть было жокеем на скачках не выпустили, только я по весу не прошел. Всего-то на пятнадцать кило лимит превысил, а как арбитр уперся! Я ему гово...

– Лика! – Яна метнула на него огненный взгляд. – О своих разговорах с арбитром расскажешь, когда о делах закончим. При условии, что сама Тимашара не прикажет тебе слишком длинный язык отрезать. Сама Тимашара, прошу его простить. В нашей стране мужчины, к сожалению, пользуются слишком большой свободой. Ваши обычаи мне куда больше нравятся, только Лика от них почему-то не в восторге. Когда я ему объясняю, что последнее слово в споре всегда за женщиной, он упорно не верит.

– Ага, потому что любая реплика мужчины считается началом нового спора, – пробурчал Палек. – А дальше смотри предыдущий пункт.

– Возможно, нам следует продолжить дискуссию об отношениях мужчин и женщин в более подходящих условиях, – проговорила Тойлала, и Яна проглотила очередную реплику. Не следует переигрывать и изображать из себя совсем уж несмышленных подростков. – Прошу пройти в дом, гостиная

ждет вас. Там куда прохладнее, чем на солнцепеке, и напитки с закусками уже приготовлены.

– Замечательная мысль, Тойлала, – согласилась Старшая мать. – Госпожа Яна, госпожа Канса, господин Палек, прошу воспользоваться нашим гостеприимством.

Она вежливо повела рукой в сторону дома и споро зашагала в его сторону. Яна, переглянувшись с Палекком и Кансой, последовала за ней.

В небольшой уютной комнате на первом этаже, выходящей окнами на противоположную от двора сторону дома, в настоящий зеленый садик, Тимашара опустилась в мягкое кресло возле окна, и жестом пригласила гостей садиться. Поймав ее взгляд, Тойлала низко поклонилась и вышла, прикрыв за собой дверь. Две охранницы остались за порогом, но две пристроились в углах комнаты, где замерли словно статуи. Заметив настороженность, с которой Канса посмотрела на них, Старшая Мать слегка улыбнулась.

– Они мои Тени, госпожа Канса, – сообщила она. – Избранные телохранители, которые никогда меня не покидают. Я доверяю им как самой себе, и нет ничего, что могла бы услышать я, но не могли бы они. Усомниться в них означает нанести оскорбление и мне – хотя я уверена, что вы и в мыслях такого не держите.

Она наклонилась вперед и взяла со стола хрустальный запотевший бокал с водой, покрытый изнутри мелкими пузырьками газа.

– Надеюсь, на сей раз Грашград понравился вам больше, чем при первом посещении. По крайней мере, сейчас вам не нужно оглядываться по сторонам, опасаясь слежки, – она слегка отпила из бокала. – Легко ли ваше путешествие?

– Спасибо, сама Тимашара, мы в полном восторге, – вежливо ответила Яна. – Город очень красив, особенно в его исторической части. И у нас хороший гид.

– Вот как? – подняла бровь тарсачка. – Он вам нравится? И менять его вы не намерены?

– Нормальный парень, – Палек устроился на диване удобнее, вытянув длинные ноги. – Стучит, конечно, Глазам о каждом нашем шаге, но тут уж ничего не поделаешь – работа такая. Госпожа Тимашара, а правда, что среди столичных сотрудников ГВС по крайней мере половина, включая Первую Смотрящую, выходцы из Северных колен?

– Насчет Первой Смотрящей все верно, – тарсачка опять отхлебнула из бокала, – а вот насчет остального не скажу. Я не так часто появляюсь в столице, да и с Глазами не связана. Скажите, как вы устроились? Хороша ли у вас гостиница?

– Сама Тимашара, – тихо спросила Яна, наклоняясь вперед, – тебе очень плохо?

Тарсачка вздрогнула всем телом и несколько капель воды упали на ее пятнистую куртку.

– Прости, госпожа Яна, я не понимаю, – вежливо улыбнулась она. – Со мной все в порядке...

– Не надо обманывать, госпожа Тимашара. Я же эмпат.

Или ваши Знающие не в курсе? Я чувствую эмоции. Я чувствую, что происходит у тебя внутри.

– Вот как? – голос Тимашары стал ледяным. – И что же?

– Госпожа Тимашара, – Яна поднялась и склонилась в низком поклоне, сложив руки перед грудью и глядя в пол, – я должна принести тебе самые нижайшие извинения, на которые только способна. Я страшно виновата перед тобой. Тогда, в Чумче, ты позволила нам продолжить свой путь не по своему выбору. Это я заставила тебя принять нужное нам решение. Я умею напрямую влиять на эмоции людей, одни усиливать, другие – ослаблять. Я вызвала в тебе иррациональное сочувствие к нам – сочувствие, которое никогда бы не пришло к тебе само по себе. Я виновата, момбацу сама Тимашара. Очень виновата. Я поступила неэтично, и меня не оправдывают даже обстоятельства. Я не рассчитываю, что ты сможешь когда-нибудь простить меня.

Она замолчала не распрямляясь и все так же глядя в пол.

– Напрямую влиять на эмоции... – медленно проговорила Старшая Мать. – Я знаю, что такое эмпатия. Я слышала о синомэ, чувствующих эмоции окружающих. Никогда не видела, но слышала. Госпожа Яна, пожалуйста, сядь. Мне неудобно разговаривать с тобой в такой позе.

Яна с готовностью опустила обратно в кресло, но взгляд не подняла.

– Значит, ты повлияла на мои чувства, госпожа Яна?

– Да, момбацу сама Тимашара. Я заставила тебя пропу-

ститесь нас. Эмоциональный резонанс, который ты испытывала с тех пор, прямое следствие моего поступка. Внезапные приступы страха, неуверенности, ощущения затаившегося врага, да? Или беспричинные приступы веселья и эйфории? Теряешь в себе уверенность, перестаешь понимать где друзья, а где враги? Момбацу сама Тимашара, я виновата. Но я знаю, как помочь тебе. Я могу вмешаться еще раз. Остановить разрушающий резонанс и ликвидировать его раз и навсегда. Но мне нужно твое разрешение. – Яна вскинула глаза. – Ты позволишь мне помочь тебе, сама Тимашара?

– Почему ты спрашиваешь? В Чумче ты просто сделала, что хотела.

– В Чумче, сама Тимашара, у меня просто не оставалось выбора. Нам пришлось бы убить вас всех, чтобы прорваться дальше. Я... я не могла такого допустить.

– Убить? – бровь тарсачки удивленно поползла вверх. – Госпожа Яна, прости меня, но у вас не было ни одного шанса убить хоть кого-то.

– Нет, сама Тимашара. Это у тебя и твоих людей в драке почти не имелось шансов выжить, несмотря даже на то, что среди твоих людей присутствовали сильные девианты наподобие госпожи Кампахи. У меня в числе прочего есть способность оглушить человека ментальным ударом. Вы не смогли бы сопротивляться... и мы не могли допустить преследования. Сама Тимашара, я очень сожалею о том, что мне пришлось с тобой сделать. Я никогда не вмешиваюсь глубоко-

ко без согласия человека. Успокоить ребенка, умерить сильные эмоции, подбодрить – кратковременные эффекты не выше первого уровня. Я впервые использовала свои способности во зло – для меньшего зла, чтобы избежать большего. Я очень надеюсь, что мне больше никогда не придется встать перед таким выбором. Но сейчас я прошу тебя – позволь мне вмешаться еще раз, чтобы ликвидировать причиненный тебе ущерб. Ты мне разрешишь?

Яна умоляюще посмотрела в глаза Тимашаре, и та задумчиво сощурилась, раздумывая.

– Твоя искренность, если ты действительно искренна, госпожа Яна, делает тебе честь, – наконец ответила она. – Однако я не могу ответить на твой вопрос. Я просто не понимаю, о чем речь и чем мне грозит твое вмешательство. Я действительно в последнее время чувствовала себя... странно. Если в том твоя вина и если ты берешься ее исправить, наверное, я должна согласиться. Операция безопасна?

– Любое прямое вмешательство в психику небезопасно, госпожа Тимашара. Но я уверена, что сейчас риск минимален.

– Тогда действуй. Что от меня требуется?

– Ничего, госпожа Тимашара. Просто расслабься.

Одна из охранниц у стены предостерегающе шевельнулась. Тимашара оглянулась на нее.

– Все в порядке, Тахара, – спокойно проговорила она. – Я доверяю госпоже Яне. Если бы у нее на уме было плохое,

вряд ли она стала бы предупреждать меня о своих действиях.

Она откинулась на спинку своего кресла, расслабленно бросила руки на подлокотники и замерла.

– Спасибо за оказанное доверие, момбацу сама Тимашара, – благодарно кивнула Яна. Она тоже немного расслабилась – разговор прошел куда проще, чем она боялась. Разумеется, долгосрочные политические последствия могут оказаться куда менее приятными, но здесь и сейчас она свой долг вернет.

Она извлекла из-за выреза блузки и сняла с шеи бело-золотую металлическую пластинку на платиновой цепочке – подаренный в свое время Дзинтоном резонатор. Скрывающийся внутри фантом она уже интегрировала в свою проекцию, благо тот оказался стандартным модулем расширения для ее нового эффектора, но пустой корпус продолжала носить в качестве привычного украшения. Кроме того, некоторые ее подруги в курсе его свойств акустического усилителя, да и Тимашара уже знала о нем как об музыкальном синтезаторе, так что вопросов о происхождении звукового фона не возникнет. Яна коснулась микроскопической кнопки, одновременно активируя синтезатор, и в комнате зазвучала тихая успокаивающая мелодия.

– Музыка помогает расслабляться, – туманно пояснила она. На самом деле, как она уже знала, музыкальный ритм быстро подчинял себе определенные колебания мозговых гармоник, делая человека более восприимчивым к коррек-

ции, но объяснять тонкости Тимашаре она не собиралась. – Теперь просто постарайся ни о чем не думать.

Зарыть глаза и вообще полностью отключить оптический канал, чтобы не мешал. Нейроэффектор уже захватил контроль над психоматрицей Тимашары и транслирует в видеоканал свою собственную картинку: безбрежный волнующийся океан, над которым быстро тянутся куда-то вдаль низкие серые тучи, изредка пробиваемые прямыми как стрела лучами солнца. Сложный рисунок ряби узорами покрывает бесконечную поверхность океана, ветер гонит волны, то невысокие и спокойные, то бурные, с барашками, переламывающиеся пополам. Откуда Майя взяла такой видеоряд? Или не Майя? Она ведь тоже пользовалась старыми наработками, лишь подгоняя их под новые обстоятельства...

Совсем рядом на водной поверхности круглая проплешина. Участок идеально гладкой воды – так нейроэффектор визуализирует остатки ментблока. Ментблок рассасывается, но ужасно медленно. Наверное, пройдут годы, пока он исчезнет самостоятельно. На его границе волны плещутся, словно разбиваемые о крутой берег настоящим ураганом: высокие, взмывающие фонтанами брызг, яростно пытающиеся раздробить чужеродный объект. Тщетно – человеческому разуму, да еще и не сознающему проблему явно, такое не под силу. В стороны от проплешины медленно дрейфуют яростно вращающиеся водовороты. Потянуться невидимыми руками... нет, здесь они чувствуются, скорее, как бес-

форменные облака, упругие и мягкие, облегающие и обтекающие. Потянуться и проникнуть ими в сердцевину ментоблока – упругого прозрачного цилиндра, посылающего в окружающий океан невидимые вибрации, внутри которого дрожит и мерцает центр возбуждения психоматрицы. Потянуться, пропитать цилиндр своими руками-облаками – и бережно, очень аккуратно начать растягивать его, ослабляя и растворяя, снижая напряжение на границах. Упрямое сопротивление окружающего океана – он хотя и борется с инородным телом внутри себя, но уже начал адаптироваться к нему, создавая вокруг прочную капсулу. Осторожно, очень осторожно – еще осторожнее...

Цилиндр дрожит, растекается – и со внезапным легким толчком лопается, оставляя за собой пустоту. В нее яростным потоком врывается окружающий океан, треплет и мотает освобожденный центр возбуждения – и медленно успокаивается, подчиняясь осторожным оглаживаниям рук-облаков. Водовороты на поверхности медленно тают.

Получилось... кажется. Осталось только просмотреть рабочее поле еще раз и провести контроль через неделю-другую. Да кто же придумал такую визуальную гиперболу? Темнота, не видно ничего! Как здесь повысить яркость картинки? Она сосредоточилась, и океан под тучами резко посветлел. Так. Теперь можно анализировать...

Тяжкий неслышимый удар прорезает мир, и яростная черная буря со вспышками молний скрывает океан. По слухо-

вому каналу приходит странный звук, словно от втянутого через стиснутые зубы воздуха. Страх? Ужас? Что случилось, чем она вызвала такую реакцию? Неужели она что-то не так сделала?

Яна быстро отключилась от картинки нейроэфектора и задействовала зрение. Тимашара уже не сидела расслабленно в кресле – она вжалась в его спинку, а ее пальцы глубоко впились в подлокотники. Ее телохранительницы стояли в напряженных позах – автоматы направлены на Яну, пальцы нервно подрагивают на спусковых крючках. От всех троих явственно текут ошеломление, паника и страх. Канса сидит с приоткрытым ртом и распахнутыми глазами – страха она не испытывает, но глубочайшее удивление струится от нее плавной рекой.

– Что-то не так? – растерянно спросила Яна.

– Яни, милая ты моя сестричка, – ехидно сказал ей Палек, единственный из всех явно наслаждающийся ситуацией, – ты глазки либо погаси, либо прикрой от греха подальше. Тебе Дзи не объяснял, что людей без причины пугать неприлично?

Яна резко наклонилась вперед, к полированной столешнице – и почувствовала, как ее челюсть против воли медленно пускается на грудь. Зрачки ее отражения в лакированном черном дереве ровно горели двумя ослепительно-зелеными прожекторами живого пламени.

Часом позже, когда гости покинули поместье, Тимашара, отпустив охранниц отдыхать, вернулась в комнату для переговоров и тяжело опустилась в кресло. Она устало помассировала руками глаза.

– Ну, что думаешь? – спросила она неслышно вошедшую Тойлалу.

– О чем именно? – переспросила та, опускаясь на диван, на котором незадолго до того сидел Палек.

– Обо всем подряд. Начиная с... вправления мозгов, которое организовала мне Яна. Ты ведь Знающая. Есть у тебя сведения, что кто-то из Благословенных способен на подобное?

– Нет. Впервые слышу о способности напрямую влиять на человеческую психику – и среди Благословенных, и среди синомэ в целом. Впрочем, их семья уникальна по всем отчетам. Она действительно что-то сделала с твоими чувствами?

– Не знаю. Сложно судить. Я чувствую... спокойствие, какого не ощущала уже очень давно. Но она ли на меня повлияла? И повлияла ли вообще? Может, простое самовнушение.

– Все возможно. Я проанализирую запись еще раз, попозже, – Тойлала задумчиво пощипала мочку уха. – Вообще все трое произвели на меня впечатление искренности и непосредственности. Они не искушены в политике, видно невооруженным глазом. Дети, еще не успевшие повзрослеть, доверчивые и открытые. Ты знаешь, Яна пообещала научить меня читать тайный алфавит Демиургов.

– Вот как? – Старшая Мать приподняла бровь. – Но ведь его давно уже расшифровали.

– Во-первых, я проверяла, насколько она наивна и умеет торговаться. Не умеет совершенно и элементарно поддается жалости. Во-вторых, пусть расскажет, что знает. Посмотрим, насколько она окажется искренней и здесь.

– Ну, а насчет горящих глаз что думаешь?

– Возможно, ее брат прав. Эффектор действительно прогрессирует. У некоторых синомэ под моим наблюдением увеличение силы хотя и на грани чувствительности приборов, но, тем не менее, заметно. Могу допустить, что и горящие глаза из той же серии. В конце концов, никто не знает, на что он способен и к чему мы придем в итоге.

– «Могу допустить»? Тойла, допущения я умею делать и сама. Мне интересно, что ты думаешь на самом деле.

– Пока что ничего не думаю, – тон управляющей помещтья стал сухим. – Я предпочитаю не делать выводов без информации. Сама Яна сама шокирована случившимся, здесь я уверена. Я общалась с ней не слишком долго, но все равно уверена, что она не сумела бы сыграть так естественно.

– Вот как?.. – Тимашара склонила голову, раздумывая. – Значит, наивные дети, еще толком не научившиеся играть во взрослые игры? И ты полагаешь, что их можно лепить, как глину, хотя бы на первых порах?

– Я оказалась бы полной дурой, если бы предположила такое! – фыркнула Тойлала. – Во-первых, они все-таки Благо-

словенные. Кто знает, на какие сюрпризы они способны? Тима, ты видела, как вел себя мальчик? Он забавлялся. Откровенно забавлялся с того самого момента, как вошел в ворота поместья. И в тот момент, когда объяснял горящие глаза Яны, тоже развлекался, почти издевался над нами, хотя прекрасно понимал, что у кого-то из девочек может дрогнуть палец на спусковом крючке. Тима, если я кого-то и боюсь, так это людей, которые смеются, когда следует оставаться серьезными. Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

– А во-вторых?

– А во-вторых, мы так и не знаем толком, кто за ними стоит. Мужчина, которого зовут Панариши – кто он и откуда взялся? Не забывай, он уничтожил Дракона, на что оказались не способны ни мы, ни кто еще. Он должен прекрасно представлять себе, с кем имеет дело и как мы можем реагировать на те или иные предложения. Он послал к нам детей не только для того, чтобы передать свои предложения. Наверняка он использует их, чтобы наблюдать за нашей реакцией и распознавать двойную игру. По крайней мере, мы просто обязаны так считать, пока не убедимся в обратном.

– Я услышала тебя, младшая сестра, – Тимашара тряхнула головой. – Твой анализ, как всегда, полезен. Но я ночь не спала, глаза слипаются. Мне нужно отдохнуть. Распорядись, чтобы мне приготовили ванну и спальню. Пока я отсыпаюсь, разошли копии документов, – она постучала пальцем по оставленной Яной карте памяти, – и прочитай их сама.

Потом сравним ощущения.

– Да, Тима, – управляющая поместья кивнула и поднялась. – Ванна уже готова. Прислать банщика? У нас несколько новых обученных слуг, и парочка в твоём вкусе, насколько я его представляю.

– Шутишь? – усмехнулась Тимашара. – Я сутки не спала, боюсь, что отключусь прямо в воде. Потом, вечером, покажешь мне их. Не сейчас.

Она широко зевнула и с трудом поднялась с кресла.

– Веди к ванной, – приказала она. – Да, и прикажи, чтобы мне принесли нормальную домашнюю одежду вместо дурацкого камуфляжа.

12.06.858, перидень. Катония, аэропорт «Масарика»

Пятеро в зале прибытия аэропорта «Масарика» выделялись так явно, словно их обвели светящейся запретной чертой. Яркие выраженные северяне, два парня и две девушки, бело- и русоволосые, на вид лет от семнадцати до двадцати с небольшим, и черноволосый мужчина лет сорока пяти, все – в официально-строгих черных костюмах с черными же шейными шнурками, с гладко зачесанными назад волосами и – у молодых – с поднятыми на темя черными очками. Они стояли тесной группой в десяти шагах перед выходом из зала получения багажа, глядя прямо перед собой. Поток прибывающих опасливо разделялся надвое, обтекая группу, чтобы

сомкнуться позади нее, но даже густая толпа пассажиров с нескольких рейсов не могла заслонить ее полностью.

Цукка перехватила сумку другой рукой и тяжело вздохнула. А чего она хотела? Возможно, они ожидают кого-то еще, но шансы настолько мизерны, что лучше даже и не надеяться. На всякий случай она приостановилась и сфокусировала на группе то, что с неловкой иронией называла про себя «рентген-зрением». Она все еще плохо управлялась с объемным сканером и втайне страшно завидовала Карине, для которой тот являлся настолько же обыденным, как и родные глаза. Вот и сейчас изображение со сканера наложилось на картинку оптического зрения как-то криво и нечетко, и выходило, что скрытые под пиджаками пистолеты и коммуникаторы висят в воздухе сами по себе, да еще и на некотором расстоянии от тел, а эффекторы – парни и девушки оказались сильными девиантами – обретаются где-то в районе таза. Она тихо хмыкнула и с облегчением отключила сканер. Все-таки обычными глазами смотреть куда привычнее. Сделав несколько шагов вперед, она остановилась перед старшим мужчиной и выжидающе посмотрела на него.

– Меня ждете, блистательный господин? – спросила она.

– Госпожа Цукка Касарий? – вежливым тоном осведомился тот. – Я полковник Ооцуба Цуруги, департамент охраны Министерства иностранных дел. Мои спутники, – он кивнул на остальных, – из Управления общественной безопасности. Нам поручено обеспечить твою защиту, а также организо-

вать правительственную связь.

Цукка покосилась через плечо. Те двое собов, что увязались за ней в самолет в «Орлином мече» в Оканаке и дышали в спину еще минуту назад, куда-то пропали. Наверное, решили, что их миссия выполнена, и с чувством выполненного долга отправились восвояси. Ну, и за то спасибо.

– Господин Ооцуба, – не менее вежливо откликнулась она, – рада знакомству, прошу благосклонности. Начнем, думаю, со связи. Что от меня нужно?

– Пожалована. Ничего особенного не требуется. Оборудование и техник у нас в фургоне, машины ждут на стоянке. Сейчас мы отправимся к тебе домой и быстро все закончим. Прошу, следуй за мной.

Он повернулся и зашагал к сторону лифтов. Цукка последовала за ним, с досадой заметив, что молодая четверка пристроилась вокруг нее, взяв в «коробочку». Что там Президент говорил о незаметной охране?.. Если они так и продолжат ходить к ней вплотную, про личную жизнь придется забыть. Нужно как-нибудь ненавязчиво дать им понять, что ей такая опека не нравится – вот только захотят ли они понимать ненавязчивые намеки?

Машин оказалось аж четыре – синий фургон без опознавательных знаков, асфальтового цвета «Курума-корвет» и два длинных черных лимузина модельного ряда «Кадза-Император», насколько она разбиралась в автотехнике, внутри просторные, как автобусы, с водительским местом,

отгороженным пуленепробиваемой стеклянной перегородкой. Полковник влез в «корвет», Цукку усадили во второй автомобиль на заднее сиденье, на переднее взгромоздился парень-девиант, одна из суровых девиц устроилась рядом с Цуккой. Тяжелая дверь глухо захлопнулась за ними, отсекая внешние звуки. Двое других собов забрались в передний автомобиль, и минуту спустя весь кортеж вылетел с подземной стоянки на открытый воздух. Цукка опустила стекло со своей стороны – девица рядом с ней дернулась, но промолчала – наслаждаясь видом окрестностей и врывающимся в окна жарким, почти летним воздухом. Два периода назад – всего два периода, а кажется, что вечность! – вылетая в Крестоцин на выходные, она даже и не думала, что настолько задержится с возвращением. Тогда шла середина весны, все распускалось и цвело, лиственный лес кутался в робкий зеленый дым молодых листьев – а сейчас густая листва сливалась в сплошной шевелящийся занавес, светящийся под лучами полуденного солнца, и густой запах нагретой травы вливался в окна пьянящим напитком. Казалось, с момента ее отбытия прошла целая жизнь. Дорога здесь ныряла в глубокое ущелье, прорезающее горное кольцо вокруг города, и Цукка с нетерпением предвкушала, как увидит сверху искрящееся зеркало Масарийской бухты, крошечные сверху пирсы и грузовые краны, мост через узкую горловину, новые небоскребы, завершенные только этой зимой... Она возвращалась домой. Наконец-то – домой. Пусть ненадолго, пусть скоро она вер-

нется в Сураграш, но сердце ее навсегда останется здесь, на родине...

Несмотря на свои габариты лимузины неслись с бешеной скоростью, и фургон от них не отставал. Уже через пятнадцать минут они проскочили ущелье и оказались на северной окраине города. Не снижая скорости кортеж тут же свернул с широкой улицы и нырнул в лабиринт низких одноэтажных домов, окруженных фруктовыми садами за невысокими оградами. Цукка не водила машину и даже никогда не сдавала на права, но считала, что город знает неплохо. Однако здесь она не была ни разу и моментально утратила ориентировку. Слегка озадаченная, она углубилась в себя и вызвала перед внутренним взором карту города. Тонкая ниточка маршрута, синяя в пройденной его части и красная – в прогнозируемой, пролегла по северной и западной окраинам, упираясь в яркий зеленый кружок их старого отеля. Похоже, ее везли максимально коротким путем, о котором знал не всякий опытный таксист. Ну что же, никогда не поздно узнавать что-то новенькое, пусть даже в таких странных обстоятельствах. Вспомнив, она потянулась в сторону дома и, почувствовав отклик Фи, предупредила о визите вооруженных чужих. Фи откликнулась подтверждением временного нейтрального статуса посетителей. Теперь можно не опасаться, что машины внезапно заглохнут при въезде на территорию отеля, а непрошеные защитники начнут терять сознание от приступов непонятно откуда идущего кромешного ужаса.

Когда машины, вскарабкавшись по крутой улице, въезжали под сень разлапистых мароновых листьев, Цукка отметила про себя, что добрались от аэропорта они ровно за полчаса – почти на десять минут быстрее прошлогоднего пятидесятиминутного рекорда, установленного безвестным таксистом, везшим Яну. Выбравшись из лимузина, остановившись перед двориком, она сладко потянулась и глубоко вдохнула воздух. Дома. Наконец-то дома. Она с усилием распахнула ворота – выбравшиеся из машин собы и не подумали помочь – и обернулась к наблюдающему за ней от «корвета» полковнику.

– Фургон может подъехать к крыльцу, – сообщила она. – Только осторожнее, чтобы бока не ободрать. Прости, въезд рассчитан максимум на легковой автомобиль. Большая она, ваша аппаратура?

– Не очень. Обычный спутниковый коммуникатор с дополнительными приспособлениями. Портативная полевая модель.

– Портативная – то есть снабжена ручкой? – серьезно уточнила Цукка.

– А? Да, там несколько ручек для переноски, – откликнулся тот, подавая знаки водителю фургона. – Можно перемещать по дому в любое удобное место.

– Если ручек несколько, то модель не портативная, а переносная, – слегка усмехнулась Цукка, наблюдая, как из фургона выскочил парень в синем комбинезоне и принялся вы-

волакивать оттуда средних размеров тумбочку с клавиатурой на верхней панели и примотанной к боку клейкой лентой бухтой кабеля. Молодые собы тем временем переглянулись и пошли вокруг отеля в разные стороны. Девушка, сидевшая рядом с Цуккой, впрочем, так и осталась стоять возле ворот, настороженно оглядываясь по сторонам. – Ваш коммуникатор случайно не требует кавитонного реактора для работы? У нас только стандартная электросеть.

– Он может работать от простой розетки, госпожа, – с наругой откликнулся пыхтящий техник. – В нем большая часть веса – батареи для автономной работы на случай отключения внешнего питания. Ну, и бронированный корпус для защиты. В остальном – обычный коммуникатор, пусть и навороченный. – Он плюхнул тумбочку на землю и перевел дух. – Только мне потребуется доступ на крышу для установки тарелки.

– Тарелки? – удивилась Цукка. – С каких пор нужна дополнительная антенна? Спутниковые коммуникаторы, которые я видела, и без нее работают прекрасно, за счет встроенных контуров.

– Для надежности, – пояснил техник. – С тарелкой он до пяти спутников видит, а без нее – один-два, не больше. У нас все солидно, на авось не рассчитываем. Куда нести, госпожа?

– В дом, – Цукка прошла в ворота, поднялась на крыльцо и растворила дверь. – Не разувайтесь, все равно пол мыть после долгого отсутствия.

– У вас всегда дверь не запирается? – озабоченно спросила суровая девица-соб, проходя за ней в дверь и озираясь по сторонам.

– Обычно не запирается. Воры к нам не заходят, госпожа, так что мы не беспокоимся.

Девица еле слышно хмыкнула. Она сбросила туфли, поднялась на высокий пол и прошла по коридору к кухне и столовой, попутно открывая все двери подряд и заглядывая в комнаты. Цукка наблюдала за ней со все возрастающим недоумением.

– Поберегись! – предупредил техник, животом пропикивая коммуникатор в дверной проем. – Осторожно, госпожа, я тебя зацеплю. Куда его?

– Вон туда, – показала Цукка. – По коридору справа первая же дверь. Там столовая. Поставь где-нибудь в углу, а я пока поищу удлинитель, розетки неудобно расположены.

– Не надо удлинитель, и так дотянемся, – пропыхтел техник. – У него шнур питания на пять саженей, а если не хватит, наростим. Лучше бы, конечно, напрямую в распределительный щиток подключиться, на отдельный автомат...

– Щиток в подвале, до него сложно добраться. Там бетонные потолок и стены, существующие кабельные каналы забиты, новый проложить – слишком долго и сложно, а дверь портить не хочется. Спасибо, господин, не стоит. У нас проводка в хорошем состоянии, в столовой жилы на два квадрата, и автоматы на двадцать ампер рассчитаны, выдержат.

– Двадцать ампер и два квадрата? – техник поразился настолько, что тяжело бухнул тумбочку на пол. – У вас тут что, металлорежущие станки стоят?

– Гико... – негромко предупредил полковник Ооцуба.

– Молчу, молчу! – досадливо скривился тот, вновь поднимая коммуникатор.

– Да никакого секрета нет, – Цукка пожала плечами. – Палек пару лет назад обнаружил, что прежняя проводка сгнила и едва ли не дымится под нагрузкой, а дом деревянный. Вот он и протянул электрику заново, – она придержала дверь, чтобы технику было удобнее протискиваться. – На неделю дом без электричества оставил. Его еще с трудом удержали от трехмиллиметровых жил, под них точно пришлось бы каналы переделывать.

Через пять минут коммуникатор стоял в дальнем углу столовой и помигивал разноцветными индикаторами.

– Порядок, – удовлетворенно заметил Гико, вглядываясь в дисплей устройства, в котором подергивались столбцы диаграмм и бежали строчки протокола тестирования. – Батареи заряжаются, сигнал на спутник четкий, эхо-запросы до центрального узла проходят шустро и без потерь. Можно пользоваться. Сейчас еще тарелку на крышу пристрою, и все. Госпожа, этот коммуникатор – военная модель, у него очень много параметров, но ты не беспокойся – он изначально настроен на связь с единственным абонентом при его активации. Если потребуется, приедет техник для дополнительной

настройки. Здесь две главных кнопки – вот эта его активирует, а эта...

– Спасибо, господин Гико, – Цукка остановила его движением руки, – но я физик по образованию и астроном по профессии. Если уж я управляюсь с гравископами и радиотелескопами, то и с вашим коммуникатором разберусь при необходимости. Господин Ооцуба, господин Гико, возможно, чаю? Кстати, а куда делись... остальные?

– Остальные, полагаю, осматривают местность, – ответил полковник. – Служба у них такая. Не беспокойся о них, госпожа Цукка, они в чае не нуждаются, им запрещено пить и есть на работе. Гико, займись антенной.

– Да, господин полковник, – кивнул техник. Он нажал на клавишу, отключая коммуникатор, и дисплей потух. – Госпожа Цукка, как попасть на крышу?

– На второй этаж по лестнице возле выхода на крыльцо, там сразу маленькая неприметная дверь справа. Тебе потребуется помощь?

– Не беспокойся, госпожа, – весело улыбнулся техник. – Не в первый раз замужем, справлюсь. Только в фургон за инструментами и антенной сбегая.

Он кивнул и вышел из столовой. Ооцуба неодобрительно посмотрел ему вслед.

– Не наше ведомство, связисты, – хмуро пояснил он. – Да еще и гражданский. Специалист отличный, дело свое знает, но никакого понятия о дисциплине в этом ГАПСе.

Он подошел к коммуникатору и снова активировал его. Во вспыхнувшем дисплее возникла и принялась медленно покачиваться надпись «Установка соединения...» Очень быстро она сменилась на новую – «Безопасный канал установлен, вызов абонента...» Почти немедленно она пропала, и в кубе появилось изображение миловидной, ослепительно улыбающейся девушки.

– Доброго дня, госпожа Цукка, – мелодично пропела она. – Я оператор Канна номер два. Чем я...

– Я полковник Ооцуба, – нетерпеливо перебил ее соб. – Проверка связи. На господина Фуккоя переключи. Фуккой Марацука – секретарь-референт в грашском департаменте, госпожа Цукка, – пояснил он, пока из коммуникатора наигрывала негромкая музыка ожидания. – Твой основной контакт. Секретарша – дура набитая, даже не чоки, а просто нарисованная физиономия. Как телефонный справочник ее можно использовать и как коммутатор, больше ни на что не годится.

– Слушаю, господин Ооцуба, – в дисплее проявилась холеная физиономия молодого человека, сразу активно Цукке не понравившаяся. – О, госпожа Цукка Касарий, рад знакомству. Я так понимаю, у вас дома установили коммуникатор правительственной связи?

– Рада знакомству, господин Фуккой, – сухо ответила Цукка. – Значит, если мне что-то потребуется, я должна обратиться к тебе?

– Да, госпожа Цукка, ко мне. Я сделаю все, что нужно. У тебя есть какие-то запросы прямо сейчас?

– Нет, господин Фуккой, никаких. Мы просто проверяем аппаратуру. Прошу прощения за беспокойство.

– Господин полковник?

– Нет, господин Фуккой, больше ничего. Конец связи.

– Приятного дня.

Молодой человек надменно кивнул, и дисплей, схлопнувшись в точку, погас.

– На том моя миссия завершена, госпожа Цукка, – полковник одернул пиджак и поправил шейный шнурок. – Твою охрану с данного момента обеспечивает специальный отряд «Коршуны» Управления общественной безопасности. Капитан Холоя, – он кивнул на хмурую девицу-соба, неслышно вошедшую в дверь, – командир смены, она объяснит, что и как.

– Погодите! – встревоженно вскинулась Цукка. – Что означает «обеспечивает охрану»? Госпожа Холоя, вы что, намерены остаться здесь, в отеле?

– Да, госпожа Цукка, – подтвердила девица. – На территории все время будут находиться четыре человека, и еще две пары прикрывают дорогу со стороны города и лестницу вдоль обрыва. Прочие тропинки мы перекро...

– Стоп! – скомандовала Цукка. – Госпожа Холоя, я правильно понимаю, что ты из Оканакки? Ты, наверное, никогда раньше не приезжала в наш город?

– Да, госпожа.

– Понятно. Господин полковник, – она глянула на Ооцу-бу, – немедленно заберите с собой всю охрану и прикажите снять посты в других местах. Перекрытие тропинок тоже отменяется.

– Не могу, госпожа Цукка, – тот развел руками. – Отряд «Коршун» не подчиняется департаменту охраны МИДа. Да даже если бы и мог, все равно бы не приказал. Твоя безопасность теперь обеспечивается государством.

– Мне плевать, что государство думает о моей безопасности! – звенящим от напряжения голосом заявила Цукка. – Госпожа Холоя, я приказываю тебе и твоим людям немедленно покинуть отель. Здесь частная территория, и ты не имеешь права находиться на ней без моего согласия. Я отменяю свое приглашение. Уходите немедленно!

– У меня приказ, – качнула головой капитан. – Я не имею права покинуть пост без соответствующего приказа командира. Прошу тебя, успокойся. Мы никак тебя не сте...

– Еще как стесните! – рявкнула Цукка, уже не сдерживаясь. – Я же ясно заявила Президенту, что охрана и близко не должна появляться возле отеля! Госпожа Холоя, если вы не покинете территорию добровольно, я вышвырну вас силой.

– Госпожа Цукка, я гораздо сильнее тебя, – покровительственно улыбнулась капитан. – Вышвырнуть меня силой довольно затруднительно. Прошу тебя, не нужно скандала. Мы действительно никак тебя не стесним. Я останусь на кухне,

остальные – на улице.

– Ах вот как? – Цукка почувствовала, как пелена ярости туманит глаза. – Собу улыбнешься – без соли слопаёт, так, что ли? Фи! – крикнула она в пространство. – Статус гостей отозван у всех вооруженных чужих, нейтрализовать немедленно!

– Что значит... – начала фразу капитан – и тут же осеклась, когда невидимая сила вздернула ее и полковника Ооцубу в воздух, спеленывая тугим коконом и сдавливая грудь почти до полной потери дыхания. Она задергалась, пытаясь освободиться, и тут же ее глаза затуманились и закатились под лоб, а тело скрутило характерной судорогой: вероятно, она попыталась воспользоваться манипуляторами и получила парализующий удар в эффектор. Дождавшись, когда ее взгляд снова сфокусировался, Цукка подошла к ней почти вплотную и уперлась руками в бока.

– Послушай, госпожа, – ледяным тоном сказала она. – Видно, что ты раньше никогда не появлялась у нас в городе, иначе не попыталась бы вести себя столь нахально. У нашего отеля в местной СОБ дурная слава, и никто из них не рискнул бы поступить так же. Отель защищен сложной охранной системой, способной размазать любого врага по земле тонким слоем, а врагами здесь являются те, на кого указывают хозяева. Ты и твои люди больше не гости здесь, а меня неделю таскали по разным приемам и встречам, я устала как собака и страшно злая. Сейчас я прикажу тебя отпустить, и вы

все дружно уберетесь отсюда. Я не могу вам запретить торчать у выходов в город, но если вы попытаетесь не пускать сюда людей, я устрою вам такую веселую жизнь, что вы до конца жизни нервы лечить станете. Понятно?

– Я всего лишь выполняю приказ, госпожа, – прохрипела девушка. – Я не имею права его нарушить...

– Фи, отпустить нейтрализованных чужих, – приказала Цукка. – Особый контроль.

Невидимая сила, удерживающая девушку и мужчину в воздухе, исчезла, и они оба приземлились на пол: полковник – с удивительно изящной грацией профессионального акробата, а девушка, все еще не отошедшая от удара в эффектор, тяжело, не удержавшись на ногах. В последний момент Цукка успела подхватить ее под руку, не позволив упасть и удариться об угол стола. Капитан слепо нащупала стул и медленно опустилась на него, тяжело хватая ртом воздух. Она больше не казалась надменной – девчонка, вырядившаяся под взрослую, перепуганная чем-то, с чем не может справиться.

– Кто может отменить ваш приказ? – еще более ледяным тоном осведомилась Цукка.

– Вайс-полковник Краппа, отряд «Коршун»... – сипло прошептала девушка.

Откуда-то сверху зажужжало и стукнуло, упала и закачалась возле окна длинная веревка. Цукка вздрогнула, но тут же сообразила, что это, наверное, тот техник из ГАПС, ставит антенну. Ну да, он же наверняка не вооружен, так что его

Фи не тронула. Ага, коммуникатор...

Она подошла к устройству связи и ткнула в клавишу включения. Вспыхнул дисплей, в нем помелькали протокольные фразы и, наконец, возникло улыбающееся лицо компьютерной секретарши.

– Оператор Канна номер два, – пропела она. – Доброго дня, госпожа Цукка. Чем я могу помочь?

– Мне нужно соединиться с вайс-полковником Краппой, отряд «Коршун».

– Прошу прощения, госпожа Цукка, но данный абонент мне не известен. Возможно, ты знаешь его код связи?

– Она не сможет тебя соединить, госпожа Цукка, – вмешался полковник. В его голосе звучали успокаивающе-напряженные нотки, словно он разговаривал с капризным ребенком. Скажем, с ребенком, держащим в руках гранату с сорванной чекой. – Я могу помочь. Позволь мне...

Он приблизился к коммуникатору – в его движениях явно читалась опасливая скованность – и сбросил вызов, не отключая коммуникатор. Потом быстро ввел код.

– Приемная генерала Маххатары, – откликнулся голос с черного дисплея. – Кто?

– Полковник Ооцуба. Джойси, генерала на связь. Немедленно.

– Генерал на месте отсутствует.

– Ну так переключи на пелефон или куда еще!

– Хм... – проворчал невидимый голос. – Господин Ооцу-

ба, он в бане. Дело до вечера никак не терпит?

– Нет. Надо прямо сейчас.

– М-м... Хорошо. Минуту...

Заиграла музыка. Цукка оглянулась. Девушка-девиант что-то тихо бормотала под нос, придерживая пальцем наушник не то пелефона, не то радиии. Она выглядела совсем больной, и внезапно Цукку остро кольнуло в сердце – да что же она делает? Девочка-то то в чем виновата? Она подошла к капитану и положила ей руку на плечо.

– Прости, – сказала она. – Я не должна была срываться на тебя.

– Все нормально, госпожа Цукка, – через силу проговорила та. – Просто мне... стало нехорошо.

– Тебя ударило импульсным блокиратором, – виновато сказала Цукка. – Я совсем забыла, что ты девиант. Я не намеревалась причинять тебе вред, хотела только нейтрализовать.

– Забыла? – на лицо девицы появилось удивленное выражение. – Госпожа Цукка, откуда ты знаешь? Я тебе не говорила.

– Маххатара слушает! – резко сказал голос из коммуникатора, и Цукка с облегчением повернулась к нему. Вот на таких мелочах и сыплются шпионы... Дисплей по-прежнему оставался черным, вероятно, генерал говорил с ручного пелефона и не включил камеру. – Ооцуба, чего тебе? Я занят.

– Господин Маххатара, с тобой по важному вопросу хо-

чет переговорить госпожа Цукка Касарий, – ответил полковник. – Похоже, у нас возникло... серьезное недопонимание. Госпожа Цукка, господин Маххатара в УОД отвечает за охрану государственных объектов и служащих. Он заместитель директора департамента охраны.

– Замечательно, – Цукка опять перешла на ледяной тон. – Блистательный господин Маххатара, я требую немедленно убрать с территории нашего отеля и с ее периметра любую охрану. Мне не нужно, чтобы ваше Управление обеспечивало защиту, дома я и сама могу о себе позаботиться.

– Госпожа Цукка, – голос генерала стал мягким и вкрадчивым. – Я не занимаюсь деталями конкретных операций. Мы получили приказ Президента обеспечить твою безопасность, и я передал его подчиненным. Что-то не так?

– Все не так. Я предупредила господина Президента, что согласна на охрану помещений университета и слежку на улицах, потому что вы все равно станете таскаться за мной, а у меня нет сил от вас отбрыкиваться по каждому поводу. Но я недвусмысленно объяснила ему, что в районе нашего дома вашим людям делать нечего. Если вас интересует, почему, раздобудьте и прочитайте отчет капитана Саматты Касария о попытке штурма отеля отрядом спецназа, датированный пятым периодом сорок третьего года. Здесь наша частная территория, и никаких посторонних охранников здесь не будет. Предупреждаю, что у меня имеется полная возможность выставить их отсюда силой. Я не хочу прибегать к крайним ме-

рам и ссориться с СОБ из-за таких мелочей, но наша частная жизнь останется нашей частной жизнью независимо от вашего желания. Ты меня понимаешь?

Невидимый генерал посопел.

– Госпожа Цукка, мы всего лишь заботимся о твоей безопасности, – наконец откликнулся он.

– Понимаю. Но у себя дома я великолепно могу позаботиться о ней и сама. За его пределами – валяйте, охраняйте, только под ногами не путайтесь. И не вздумайте рассовывать охранников по лабораториям в университете, там хрупкое и дорогостоящее оборудование, а места мало. Сейчас я настоятельно требую немедленно отдать вашей подчиненной приказ покинуть территорию.

– Где она? – спросил генерал после паузы. – Рядом?

– Так точно, господин генерал, – откликнулась девица, поднимаясь со стула и вытягиваясь в струнку, хотя и не могла видеть начальство. Она выглядела уже немного лучше. – Капитан Холоя Шарана, особый отряд «Коршун», старшая наряда.

– Капитан, – буркнул генерал, – забирай своих людей и катись оттуда нахрен. Подробно доложишь начальству об инциденте, дальше разберемся.

– Ответ отрицательный, господин генерал, – хотя голос девицы оставался нейтральным, Цукка сумела расслышать в нем далекие нотки отчаяния.

– Что? – изумился невидимый Маххатара.

– Ответ отрицательный, господин генерал. Я не могу однозначно идентифицировать твою личность и определить твое право отдавать приказы. В поле я подчиняюсь только командам по спецсвязи, сопровождающиеся соответствующими условными кодами.

– Капитан! – проскрежетал генерал. – Ты противоречишь старшему по званию? Да ты знаешь, что я с тобой сделаю?

– погоди, господин Маххатара, – быстро вмешалась Цукка. Что за кашу она заварила? Зачем она устроила скандал? Неужели не могла решить все спокойно? – Капитан Холоя права – мы тебя не видим. А я не настолько расстроена ее присутствием, чтобы начинать отрывать головы прямо сейчас. Ты ведь можешь попросить ее командира отдать правильный приказ правильным способом?

– Могу, – после паузы раздраженно согласился генерал. – А с тобой, капитан, мы еще обсудим вопросы субординации. Лично.

И из коммуникатора полилась мелодия отбоя. Полковник Ооцуба нажал клавишу отключения.

– Госпожа Цукка, вероятно, я больше не нужен, – сказал он в наступившей тишине, нарушаемой только звуками работы на крыше. – Я позволю себе откланяться. Приятного дня.

Он кивнул и быстро вышел из столовой. Хлопнула входная дверь, и вскоре с улицы донесся звук отъезжающей машины.

– Госпожа Холоя, остальные в порядке? – осведомилась Цукка. Она испытывала чудовищную неловкость и не знала, как посмотреть девушке в глаза. Мало того, что на пустом месте получился скандал – она, вполне возможно, еще и сломала карьеру ни в чем не повинному человеку. Сломала только за то, что та честно делала свое дело.

– В порядке, – потерянно сказала Холоя. – Марака тоже потрянуло, но не сильно. Я приказала им пока вернуться к машинам. Э... госпожа Цукка, как... как ты это сделала? Я хочу сказать, меня в воздух подняла? Ты ведь сама норм... не девиант, я читала твое досье.

– Прежде всего сядь, – Цукка нажала ладонями на плечи девушки и почти силой вынудила ее опуститься на стул. – Я сейчас заварю чай с травами. У меня бывшие воспитанницы – обе девианты, они часто дуэли устраивали, кто кому первая по эффектору попадет. Там ощущения должны быть похожими, так что травы помогут тебе прийти в себя.

Она прошла на кухню, набрала воды в чайник, и пока он закипал, принялась копаться в кухонном шкафчике, разыскивая нужные порошки.

– Вот, попей, – наконец она поставила чашку с ароматно пахнущим напитком и блюдце с печеньем перед девушкой. – Полегчает.

Та неуверенно отхлебнула, обожглась, зашипела сквозь зубы, глотнула еще.

– Вкусно, – наконец сказала она. – Спасибо за угощение,

госпожа Цукка.

– Не за что, – Цукка опустила на стул напротив. – Госпожа Холоя, ты не читала мое досье. Настоящее досье, я имею в виду. То, что ты видела, просто липа. Наши личности и наш отель, как и его охранная система, проходят по категории государственной тайны, к которой во всей Катонии потенциально имеют допуск не более пары сотен человек. Фактически – человек тридцать или около того. Вы вообще не должны были здесь появляться...

Она отхлебнула из своей чашки.

– Вероятно, где-то в системе произошла случайная нестыковка, – закончила она. – Ты просто оказалась крайней из-за чужой ошибки. Еще раз покорнейше прошу принять мои извинения за случившееся.

– Я принимаю твои извинения, хотя и не вижу для них причины, – формально откликнулась девица. Похоже, она уже отошла от шока, и ее взгляд снова стал острым и суровым. Былая надменность на физиономию, впрочем, не вернулась, и крутым супершпионом она больше не выглядела. – Значит, государственная тайна? Пожалуй, тогда уже мне стоит принести извинения. Да и меня, наверное, вышибут со службы за пререкания с генералом.

– Ну, жизнь на том не кончится, – Цукка философски пожала плечами. – Вот и моего мужа в свое время выбарабанили из армии за то, что тот слишком точно устные приказы исполнял без письменного подтверждения. Он тоже сначала

думал, что осталось только пойти и застрелиться. А сейчас радуется, что так все повернулось.

– Твой муж, – задумчиво проговорила девушка, допивая чай. – Саматта Касарий. погоди! Ты упомянула отчет капитана Саматты Касария о штурме вашего отеля. Он что, его пытался захватить? Твой муж?

– Тогда он еще не был моим мужем, – улыбнулась Цукка. – Мы познакомились на следующий день, когда Дзи привел его сюда, уволенного и словно бревном ушибленного. Ну, там долгая история. Он со своим отрядом спецназа напоролся на ту самую охранную систему, которая сегодня прижала тебя, какое-то время бился головой о стену в надежде ее прошибить, а потом Дзи его заболтал. До сих пор с удовольствием его физиономию вспоминаю в тот момент.

– Ну, если целый отряд спецназа дом штурмом взять не смог, мы и в самом деле тут лишние, – капитан Холоя скривилась. – Прости, госпожа Цукка, теперь мне становится понятным твое раздражение. Ты...

Она замолчала и прижала наушник пальцем.

– На связи, – негромко сказала она. – Да, на объекте. Да, говорила... нет, не сочла возможным подчиниться неуставному приказу... Да, поняла. Есть немедленно возвращаться на базу. Отбой.

Она трижды стукнула по наушнику пальцем.

– Всем Суркам, здесь Первая. Новые приказы. Номерам с пятого по восьмой оставить посты и самостоятельно вер-

нуться на базу. Второй, ждатель меня в машине, сейчас выйду. Отбой.

Она поднялась.

– Мы уезжаем, госпожа Цукка, – сказала она. – Приношу свои извинения за случившееся и прошу не держать зла.

– Нет, разумеется, не держу, – Цукка тоже поднялась. – Ты всего лишь исполняла приказ. Да, и если тебя действительно выгонят из СОБ, приходи жить сюда. Свободного места здесь много... да что там, весь отель пустой, никого, кроме меня, не осталось. Комната для тебя найдется, а с работой в Масарии особых проблем нет.

– Спасибо, госпожа Цукка, я запомню, – кивнула капитан. – Прощай.

Она кивнула и вышла из столовой. Хлопнула входная дверь. Тут же по коридору прозвучали торопливые шаги, и в комнату вошел давешний техник, нагруженный чемоданчиком с инструментами, какими-то пакетами, свертками и электродрелью с огромным, в полсажени длиной, сверлом.

– Ну, вот и все, – жизнерадостно заявил он. – Тарелка стоит, осталось кабели в комнату с улицы пробросить. Где дырку бурить, госпожа? Есть пожелания?

– Дырку? – озадаченно посмотрела на него Цукка. – Ах, да. Да неважно, лишь бы проводку не задеть.

– С проводкой проблемы не возникнет, – пробурчал техник. Он с грохотом свалил свое снаряжение на пол, вытащил из чемоданчика детектор и принялся водить им по стене воз-

ле оконной рамы. – Ну, где-то здесь, похоже...

Пять минут спустя дырка на улицу оказалась просверленной (с чудовищным ревом), изолирующая муфта – установлена (почти бесшумно), а кабели антенны и питания – пропихнуты через нее внутрь, оконцованы и вставлены в гнезда на коммуникаторе (с шипением сквозь зубы неразборчивых междометий). Техник потыкал клавиши на устройстве, поизучал графики в дисплее и довольно прищокнул языком.

– Шесть спутников как на ладони, – довольно сказал он. – Связь железная. Вот и все дела. Кстати, госпожа Цукка, а что такое «кавитонный реактор»?

– А? – та удивленно посмотрела на него.

– Ну, ты спросила, не нужен ли для коммуникатора кавитонный реактор. Что-то я о таких не слышал.

– О, ничего особенного, – беспечно ответила Цукка. – Из какого-то то ли романа, то ли фильма. Фантастического, чекашного. Источник энергии, основанный на явлении «кипения вакуума». Есть теория, что в вакууме все время рождаются и тут же аннигилируют пары противоположно заряженных частиц. И другая – что пространство на шкале в районе в минус тридцать третьей миллиметра распадается на изолированные пузырьки. В сочетании эти два явления можно использовать для разделения родившихся частиц до их аннигиляции. Выходная мощность пропорциональна кубу диаметра рабочего пространства. Но с увеличением объема КПД постепенно падает и возрастает риск катастрофиче-

ского резонанса. И это промышленная технология, для бытовых устройств обычно используются аккумуляторы Бойского, использующие для сбора энергии не рабочий объем целиком, а фрактальные пространственные структуры дробной мерности, так называемую «паутину». КПД гораздо выше, и для работы не требуется сверхчистого вакуума, хотя максимальная мощность невысока.

– Виден физик-астроном! – ухмыльнулся техник. – Ты, госпожа, сама-то сценарии для фильмов не пишешь?

– Вот еще! – гордо фыркнула Цукка. – И на статьи-то времени не остается.

– А жаль. Задолбало смотреть красочную лажу, которую сегодня за НФ выдают. Ну, всего хорошего, госпожа Цукка, если что случится с нашей железкой – звони,отремонтируем и настроим.

Он ухватил в охапку свое снаряжение и вышел. Цукка последовала за ним и помогла выбраться через входную дверь, а потом открыла дверь фургона. Водитель, заснувший за рулем, недовольно заворочался, протирая глаза. Фургон уехал, и возле отеля снова воцарилась почти полетнему жаркая тишина. Цукка устало потерла лоб тыльной стороной ладони и поплелась в дом.

«Саматта, контакт. Цукка в канала. Мати, ты не занят?»

«Саматта в канале. Привет, Цу. Что у тебя там творится – опять нас кто-то штурмует? Почему Фи желтый статус выдавала?»

«Ох, Мати... Ты можешь появиться? Ты мне очень нужен. Или давай я к тебе».

«Лучше я к тебе. Здесь я в лагере в своей палатке типа дрыхну, не поймет народ твоего появления из ниоткуда. Сейчас, проекцию переведу в автономный режим...»

Несколько секунд спустя Саматта в полевой камуфляжной форме сконденсировался в воздухе посреди столовой и мягко опустился на пол. Цукка прижалась к его широкой груди и шмыгнула носом.

– Ну-ну, девочка моя, – успокаивающе сказал он. – Что случилось? Кто тебя обидел?

– Я дура, – сердито сказала Цукка. – Прибить меня мало. СОБ своих людей для охраны прислала, а я... я сорвалась. Устала я, Мати, а тут они толпой – и остаться собираются. Ну, я и спустила на них Фи.

– Все верно, – согласился Саматта, поглаживая ее по волосам. – А как еще с собаками? Они по-хорошему не понимают.

– Мати, они девианты. Все четверо. Старшая – наивная девочка лет двадцати. Капитан. Страшно гордая своим званием и положением, твердо намеренная выполнить полученные приказы и даже геройски погибнуть по ходу дела, если понадобится. А Фи ее по эффлектору зацепила, да так, что она чуть не загнулась прямо здесь.

– Ну, случается, – Саматта пожал плечами. – Жива же, не померла. Или ты от трупов уже успела избавиться?

– Мати, я наслаждалась тем, что делаю, понимаешь? – глу-

хо сказала Цукка, упираясь носом в его камуфляжную куртку. – Наслаждалась своей властью. Сознанием, что могу вот так взять и сломать их всех через колено. И генерала СОБ, и эту девочку – всех, кто посмеет мне перечить. Мати, что со мной? Я же не такая, я же терпеть не могу с людьми ссориться! Неужели я так изменилась из-за того, что стала Демиургом? Мне страшно, Мати...

– У, как все запущенно... – пробормотал Саматта, крепко прижимая ее к себе. – Цу, власть над людьми – страшная штука, особенно власть абсолютная, над жизнью и смертью. По себе знаю. Когда осознаешь, что можешь человека под пули сунуть, а можешь и тылы оставить прикрывать, особое ощущение возникает. Тяжкое ощущение. Захватывающее. Многие ему поддаются, Цу, в скотов превращаются, и чем дольше ты властью обладаешь, тем оно слаще и привычнее. Ты не переживай, твоя новая сущность здесь ни при чем. Простое, понятное, чисто человеческое чувство безнаказанности и вседозволенности. Но ты ведь у меня не только красавица, Цу, но и умница, ты все сама поняла и осознала. Ты ведь больше так не поступишь, верно?

– Нет, Мати, не поступлю, – Цукка снова шмыгнула. – Один раз усталости поддалась... Да нет, вру. Какая усталость, я же не устаю больше. Сплошная имитация. Больше так никогда не сделаю.

– Вот и ладушки, – весело сказал Саматта. – Ничего, расслабься. Глазки горящие, надеюсь, ты им не показывала?

– Нет. Я не Яна, выкрутиться бы не сумела. Как там, кстати, та тарсачка? Яни, кажется, до сих пор в прострации, что так прокололась, упорно не желает ничего рассказывать.

– Да не так уж и прокололась. Подумаешь, глазами посверкала. По-моему, она слишком сильно переживает. Все в конечном итоге к лучшему. И у нее, и у тебя. Цу, раз уж мы здесь вдвоем и никто у нас под ногами не мешает, не хочешь мне спинку потереть в душе? А то я весь пропотел, как собака, и шкура чешется.

– У тебя тоже имитация чешется, а не шкура, – Цукка отлипла от его груди и грозно взглянула ему в глаза. – Ну-ка, блистательный господин Саматта, признавайся, какие грязные мысли у тебя на уме на самом деле!

Саматта подхватил ее на руки и поцеловал.

– А вот о грязных мыслях я тебе расскажу в ванной, – зловеще прошептал он ей на ухо. – Готовься, тебе придется их отмывать.

14.06.858, вододень. Катония, город Крестоцин

– Я думаю, все в порядке, Гэки.

Карина сморгнула, возвращаясь к нормальному зрению, и повернулась к Гэкаю.

– Все в порядке, – повторила она задумчиво. – Конечно, жаль, что его не перевели к нам раньше, но я, в общем-то, ничего принципиально не изменила бы. Резекция поджелудоч-

ной железы и селезенки выполнена качественно, я бы лучше не справилась. Метастазов в окрестностях, разумеется, много, в том числе в желчном протоке, но я все выжгла за один прием – общая масса невелика, организм справится. Разумеется, несколько дней господину Нондакуре придется полежать с гемодиализатором, плюс обычный контроль.

– Ну вот, господин Нондакура, значит, жить будешь! – весело проговорил молодой хирург, обращаясь к пациенту. – Через пару недель, если все пойдет хорошо, выпишем тебя домой, к жене, а через период можешь снова начинать работать.

– Вам бы только денег побольше вытянуть, – зло буркнул пациент. – Я же сказал – нет у меня медицинской страховки. И денег нет. Говорил я им – не надо резать, так нет! Хлебом не корми, дай с ножом в кишки залезть рабочему человеку. Да я на вас вообще на всех в суд подам, чтобы неповадно...

Карина едва удержалась от раздраженной гримаски. Мужчина ей активно не нравился, даже если оставить в стороне отвратительный характер. Лет пятидесяти с небольшим, с дряблой кожей складками (следствием ожирения и последующего исхудания во время болезни), с оплывшим лицом и редкими нечесаными волосами. Похоже, хронический алкоголик: в печени – хорошо развитый жировой гепатоз на грани цирроза, в слизистой желудка атрофические изменения, на носу – густая сетка розовых прожилок. Заядлый курильщик – с насквозь прокопченными легкими и характерным

запахом изо рта, и вообще ужасно вонючий. Его наверняка должны были мыть и при поступлении, и регулярно после операции, но исходящий от него запах псины оказался неистребим.

– Господин Нондакура, – перебила она. – Прошу извинить, но у меня нет времени на досужие разговоры. Без экстренного вмешательства ты бы умер от карциномы через несколько периодов, и умер очень неприятной смертью. Рак поджелудочной железы крайне опасен. Еще лет двадцать назад по смертности он был на четвертом месте среди всех онкологических заболеваний. Скажи спасибо терапевту, что он сразу же направил тебя в больницу, а оперировавшему тебя хирургу – что он все-таки настоял на операции. Я вообще не понимаю, каким образом ты умудрился вырастить у себя опухоль до такого состояния...

– Постоянной работы нет, медстраховки нет, регулярный мониторинг не проходил уже лет десять, – пояснил Гэкай. – Пришел к врачу спустя три периода после того, как боли начались.

– А, вот как... Господи Нондакура, я подтверждаю правильность решения твоего врача и объем проведенного вмешательства. Тебе вообще невероятно повезло, что опухоль возникла в хвосте железы, а не в головке, и на такой запущенной стадии мало распространилась на желудок и дальше. Обычно на этой стадии приходится удалять большую часть желудка, желчного протока и двенадцатиперстной кишки –

если, конечно, состояние позволяет. Большинство людей в таком состоянии неоперабельны, им даже я, наверное, помочь бы не смогла. Ты просто с яблоком судьбы родился – но такое везение дважды не повторяется. Пожалуйста, больше не экономь на здоровье. Не забудь обязательно купить назначенные тебе препараты и регулярно их принимать. Это лекарства нового поколения, которые избирательно подавляют рост именно раковых клеток. Пусть они пока довольно дороги, тебе они совершенно необходимы.

– Я вам что, миллионер? – от упоминания дорогих лекарств настроение вздорного дядьки явно не улучшилось. – Где я вам денег на лекарства напасусь? Все вы заодно, нигде правды не найдешь!

– Найди постоянную работу, и деньги появятся. Кроме того, тебе теперь категорически запрещено пить и курить, «алкоголь», «табак» и «яд» для тебя полные синонимы. Думаю, сэкономленных на спиртном средств вполне хватит на гангибиторы. Пойми, пожалуйста, что врачи – не чудотворцы, даже я. Я выжгла все метастазы, которые видит мой... м-м-м, эффектор. Но он видит далеко не все. За последних пять лет у четверых моих пациентов случились рецидивы, казалось бы, надежно убитого рака, и мне пришлось выжигать метастазы заново. Скоро я уезжаю в Сураграш, возможно, навсегда, и помочь тебе больше не смогу. Так что не вздумай пренебрегать лекарствами. Гэки, у тебя все? Меня господин Кулау просил зайти.

– С господином Нондакуррой – все, – кивнул хирург. – Кара, у меня еще один личный разговор есть. Поговоришь с «дедом» – найди меня. Я, скорее всего, в ординаторской.

– Хорошо, – Карина улыбнулась коллеге, поклонилась демонстративно отвернувшемуся пациенту и вышла из палаты. Устроившийся на подоконнике Парс широко зевнул и проводил ее взглядом двух пар щелевидных зрачков, но за ней не увязался. Ее тихо кольнуло в сердце. Все правильно, больше она ему не хозяйка. Прости, малыш, но в Сураграш тебя я взять не могу...

У завотделением ее ждал сюрприз. Доктор Кулау, с измученным видом общавшийся с посетителем, при виде ее буквально просиял.

– Кара! – он встал из за стола, почти подбежал к замершей в дверях Карине и едва ли не силой втащил ее в кабинет – Ну наконец-то! Входи, входи. Позволь представить тебе господина Вая Краамса, журналиста канала «Весь мир»...

– Мы знакомы, – сквозь зубы процедила Карина, усаживаясь на стул напротив посетителя. Завотделения скромно уселся не на свое рабочее место, а на диванчик у дальней стены, и сделал вид, что вообще отсутствует в кабинете. – К несчастью. Господин Вай, каким образом ты проник сюда? Я думала, что СОБ надежно охраняет больницу от незваных гостей вроде тебя.

– Так скажем: все равны перед законом, но некоторые равнее, – во все тридцать два зуба улыбнулся журналист. – Осо-

бенно когда их проводит работающий здесь хирург. Госпожа Томара все-таки вняла голосу рассудка и справедливо сочла, что знакомое зло лучше незнакомого.

– Я думала, ты в Сэтате, – Карина оценивающе посмотрела на него, прикидывая, как звезда национального телевидения будет выглядеть, приложившись физиономией о пол. Или о стену. Или хотя бы о письменный стол господина Кулау... хотя нет, полировку стола жалко, еще поцарапает ядовитыми клыками. – В Оканаке я специально выясняла, не захочешь ли ты снова взяться за старое, и меня обрадовали, что ты в длительной зарубежной командировке. Оказывается, обманули.

– А... – журналист небрежно помахал рукой. – Из Сэтаты мне пришлось убраться в срочном порядке. Видишь ли, Кара...

– Госпожа Карина! – отрубил та.

– Видишь ли, Кара, – невозмутимо продолжил Вай, – я раскопал забавную историю с контрабандой оружия из Катонии в Сэтату еще до нынешней гражданской войны. И выяснилось, что в ней замешаны некоторые очень высокопоставленные личности из Министерства обороны. А в Сэтате мне удалось собрать дополнительные материалы. Когда мои репортажи опубликовали, меня неформально предупредили, что если я не исчезну из Сэтаты самостоятельно, то меня увезут оттуда публично и с военными почестями – в гробу, покрытом государственным флагом Катонии или Го-

рагии, на мой выбор. Я решил, что лучше совершить тактическое отступление и продолжить битву в дальнейшем, чем героически пасть в неравном бою и замолкнуть навеки. А потом оказалось, что ты вернулась в Катонию, и вот я здесь.

– Ценю проявленное тобой мужество, господин Вай, – холодно сказала Карина. – Я так понимаю, ты появился, потому что чего-то хочешь от меня. Сразу предупреждаю: интервью я больше не даю. Я уже по нескольку раз рассказала прессе все, что могла и хотела, и больше языком трепать не намерена. Так что ты опоздал.

– Ну, слишком много счастья в жизни не бывает, – журналист философски пожал плечами. – Однако я хочу поговорить с тобой несколько об ином. Видишь ли, телеканал «Весь мир» в лице своего главного директора Вассы Курабэкко полагает, что с некоторых пор мир слегка расширился. В частности, местность под названием «Сураграш» теперь заслуживает внимания нашего зрителя. А у нас, как ни досадно, до сих пор в тех краях нет ни одного собственно корреспондента. Даже корреспондента-совместителя и то нет, как и у других каналов...

– Дай я догадаюсь сама, господин Вай, – перебила его Карина. – Уж не намерен ли ты стать собственным корреспондентом ВМ в Сураграше?

– А почему нет? – Вай снова пожал плечами. – В Горагии меня сейчас, мягко говоря, не ждут, в Катонии скука смертная, а Сураграш – страна экзотическая, события происходят

интригующие, да еще и мои старые знакомые там у руля оказались. Внимание зрителя и читателя обеспечено. Ты ведь, кажется, на днях туда возвращаешься? Вот и прихвати меня с собой.

– И в самом ближайшем будущем широкая публика узнает об инопланетянах и таинственных монстрах в сураграфических джунглях... – саркастически пробормотал со своего диванчика Кулау.

– Я больше не занимаюсь паранормальщиной, – отмахнулся журналист. – После «Камигами» как-то...

От изумления Карина поперхнулась слюной и закашлялась. Вай замолчал и с интересом посмотрел на нее.

– Ты знаешь о «Камигами»? – наконец проговорила она. – Откуда?

– Госпожа Эхир прислала мне читалку... незадолго перед смертью, – пояснил журналист. – Кстати, Кара, прими мои соболезнования по поводу ее кончины. Мне действительно очень жаль. Тогда, на шоу, я заметил, что она плохо выглядит, но мне и в голову не приходило, что все настолько скверно. Мы не раз сотрудничали, и она была хорошей женщиной. Так вот, когда я покопался в «Камигами» – кстати, похоже, мне досталась сильно урезанная версия, я бы не отказался почитать полную – я как-то расхотел выглядеть идиотом, рассуждающим о летающих тарелочках...

– Этот вопрос можно обсудить и потом, – быстро сказала Карина, глазами показав в сторону Кулау. Завотделением

она любила, но ни в какие секреты, связанные с Демиургами, не посвящала и посвящать не намеревалась. По крайней мере, сейчас, еще не привыкнув толком к своему новому положению. Слишком много придется врать насчет себя, а врать она за свои двадцать восемь лет жизни так толком и не научилась. – Значит, господин Вай, ты очень хочешь попасть в Сурагаш?

– Ну, как тебе сказать... – протянул журналист, безразлично разглядывая ногти. – «Золотую ласточку» благодаря тебе в нынешнем году я точно заработал, так что больше пока можно и не стараться. Но, – он вскинул взгляд, – Кара, мне и в самом деле очень интересно, что происходит на Западе. Обещаю, я буду настолько объективным, насколько возможно.

– Там все еще стреляют, – напомнила Карина. – И похищают ради выкупа.

– А! – журналист махнул рукой. – В Граше меня уже воровали шесть лет назад. Я туда туристом ездил, в отпуск, а чтобы затраты компенсировать, подрядился серию видеорепортажей для какой-то турфирмы сделать. Вот меня и украли... где? То ли в Тусе, то ли где-то в его окрестностях, уже и не помню. Как украли, так и выпустили, за выкуп, мизерный до обидности – по курсу вышло что-то около пятнадцать тысяч маеров. Душевные оказались люди, кормили хорошо, разговоры за жизнь разговаривали. Если бы голову не обещали отрезать, совсем замечательное приключение бы вышло. Так

что пусть снова воруют, сравню подходы к ремеслу в Граше и Сураграше.

Карина озадаченно посмотрела на него, задействовав нейросканер. Кажется, журналист не шутил. Ему и в самом деле было наплевать на похищения и прочие опасности, и тянуло от него лишь азартным ожиданием. Неужели его так тянет в далекие незнакомые джунгли? С другой стороны, Вай хотя и въедливая зараза, но нужно отдать ему должное – если верить Майе, в смысле, ее воплощению тете Эхире, он по своему честен и профессионален. Кидается на жареные факты, словно голодный коршун на зайца, способен перевернуть до неузнаваемости даже таблицу умножения, ради рейтинга своих передач готов убить кого угодно, не гнушается мерзкими передачами с похорон и судебных заседаний – но никогда не нарушает данное слово. И никогда не публикует данные, сообщенные в режиме «не для печати». Строит на них свое расследование, да, но не публикует.

А им до смерти нужна хоть какая-то положительная реклама из более-менее нейтрального источника. И если ценой окажутся дурацкие репортажи о ней и ее семье... ну что же, придется перетерпеть. Все равно от них никуда уже не деться.

– Ну, а от меня-то что нужно? – уныло спросила она. – С собой я тебя взять не могу, я сама через Граш на перекладных добираться намерена. А у тебя наверняка с собой оператор, ассистент, спутниковый коммуникатор, вообще аппа-

ратуры вагон.

– От тебя, Кара, мне нужно одно: заверение, что меня из вашего Сураграша в шею не погонят. Обидно окажется, если я туда припрусь с, как ты выражаешься, вагоном аппаратуры, а мне опять пообещают гроб под государственным флагом. И еще бы пару подсказок – куда мне сунуться сначала, чтобы базу операций обустроить, и как лучше добираться.

– Господин Вай, ты скотина, – грустно сказала Карина. – Сволочь. Урод моральный. Ты так подставил меня той передачей – и теперь хочешь, чтобы я снова тебе помогала?

– А то как же! – журналист снова просиял улыбкой. – Ну сама посуди – если бы не передача, тебя бы не украли. А если бы тебя не украли, ты бы не стала Кисаки Сураграша и всю жизнь проторчала бы безвылазно в Крестоцине. Или Масарии. Ну, разве что с редкими выездами в Оканаку на симпозиумы. А несчастный народ Сураграша так и продолжил бы страдать под тяжким игом бандитов и наркоторговцев. По здравому размышлению ты меня благодарить должна!

– Наглец! – Карина фыркнула. – Господин Вай, могу только одно пообещать: что расскажу Панириши о тебе все, что думаю. Если он решит, что тебя нужно соленой плетью гнать из Сураграша, так тому и быть.

– Согласен, – быстро согласился журналист. – А что он вообще за человек, ваш Панариши? Ты говорила – шаман. С бубном, в татуировках, с костью в носу? Или он просто прикидывался?

– Ага, с костью. С берцовой. Человеческой. Он обожает лопать на завтрак мерзких журналистов, наслаждаясь их криками. Вот доберешься к нам – на собственной шкуре убедишься.

Карина поднялась.

– Когда решишь ехать – в Грашграде есть человек, выполняющий роль нашего временного представителя. Зовут Майла Бхаран. Она наполовину тарсачка, наполовину гулана, прекрасно знает страну. Она подскажет, как лучше добираться и где и кого можно найти. Вот контакт... – Она достала свой пелефон и потыкала в экран, пересылая код на с готовностью подставленный пелефон Вая. – Я завтра уезжаю из Катонии, так что ничем тебе помочь не смогу. Господин Кулау, – она обернулась к заведующему отделением, – ты меня позвал только затем, чтобы от незваного гостя избавиться?

– Ну, вообще-то еще кое-какие мелочи оставались, – Кулау поднялся. – О завершении формальностей с твоим отпуском без содержания, финансовые вопросы, еще кое-что. Ничего важного. Вечером поговорим.

– Хорошо. Тогда я пойду. Позвать по дороге охранника из СОБ, чтобы он постороннего из отделения выставил?

– Не надо, я уже ухожу, – нехотя сообщил журналист. – Все, что хотел, я выяснил. Господин Кулау, я пришлю текст интервью для согласования.

– Какого интервью? – охнул заведующий.

– Ну как же – я спрашивал, ты отвечал, – журналист раз-

вел руками, удивляясь непонятливости собеседника. – О работе больницы, например. О том, какую роль наша Кара сыграла в ее жизни...

– Господин Вай! – проскрежетала Карина.

– Ладно-ладно, – Вай замахал руками. – Молчу. Я пошутил.

Карина резко выдохнула воздух через ноздри, невежливо, без поклона, развернулась и вышла, хлопнув дверью. Посреди приемной она остановилась и, игнорируя вопросительный взгляд чоки-секретарши, задумалась. Что-то она должна сделать, что почти забыла из-за сволочи Вая. Ах, да. Гэки.

Гэкай в компании с вторым врачом, Котовадзой Бункой, сидели в пустой ординаторской у окна и негромко беседовали. При виде ее они обернулись.

– А, Кара! – махнул рукой Котовадза. – Привет. Как жизнь?

– Шляются тут всякие посторонние! – сердито буркнула Карина. – Привет, Кота. Представляете, Вай Краамс лично притащился. Как-то уболтал Томару его провести через охрану, а та меня даже не предупредила! Поубивала бы всех на месте! Гэки, ты о чем-то спросить хотел?

– Ага, – кивнул хирург. – И Кота тоже. Мы с тобой серьезно поговорить хотели.

– Серьезно? – Карина насторожилась, опускаясь на стул. – О чем?

– Кара, – проникновенно сказал Гэкай, положив ей руку

на плечо, – возьми нас с собой, а?

– Что?! – Карина ошалело воззрилась на него. – Куда?!

– В Сураграш, – терпеливо пояснил Гэкай. – Врачами работать. Ты же рассказывала, как там дела с медициной обстоят – вернее, не обстоят за ее неимением. Ты ведь не собираешься в одиночку там всех вылечить?

– Но почему вы хотите со мной? – Карина почувствовала, как у нее от неожиданности начал заплетаться язык. Сначала Вай, теперь эти двое – и кто еще?

– Потому что мы – врачи. Наше дело – лечить. Или ты думаешь, что одна во всем мире подвижница?

Карина взялась за голову.

– Гэки, ты просто не представляешь, о чем говоришь. Ты хоть понимаешь, что там нет не только медицины – вообще ничего? Деревянные дома без кондиционеров, зачастую крытые просто пальмовыми листьями, глиняные горшки вместо унитазов, жара, влажность, насекомые, куча инфекций, наполовину нашей медицине не известных, и полное отсутствие любых условий для работы! Я-то ладно, у меня вот здесь, – она похлопала себя ладонью по загривку, – сидит комбинация томографа с рентгеновской установкой и лазерным скальпелем, операционная в миниатюре. А вы как работать намереваетесь? Медицинской аппаратуры нет, больниц нет, лекарств нет – не то что антибиотиков, а и простейших обезболивающих, историю болезни вести не в чем. Диагност – и тот через два дня сохнет, потому что нет элек-

тричества, а все зарядные устройства работают на батарее для раций. Я уже не говорю, что вам даже жалование платить не из чего, нет у нас пока что ни госбюджета, ни даже своей финансовой системы. Валюта и та пока грашская.

– Послушай, Карина, – вклинился Котовадза, когда она на мгновение остановилась перевести дыхание, – мы все понимаем. Но ведь медицину изобрели вовсе не вместе с компьютерами и томографами. Сто лет назад скальпели делали стальными, историю болезни вели на бумаге, диагнозы ставили с помощью пальпации, фонендоскопа и примитивных микроскопов, а сельские врачи зачастую обходились натуральной платой. Я надеюсь, в Сураграше хватит еды, чтобы прокормить двух лишних людей?

– Да нет же! Все не так! Кота, ваши знания там окажутся совершенно бесполезными. Нас учили работать по материалам, полученным с помощью высоких технологий. По томограммам и эхограммам, рентгеновским снимкам, по данным диагностов... Нет там ничего подобного. Я за всю жизнь стеклянный многоразовый шприц и ртутный градусник видела один раз, в музее при медфаке. А теперь мы подыскиваем в ЧК фабрику, которая еще в состоянии производить такие тысячными партиями, да еще и делать спиртовые стерилизаторы хотя бы десятками в период. Там вы не сможете пользоваться ни электронными архивами, ни экспертными системами, ничем. Только руками и головой. Ребята, да там терапевты нужны куда больше хирургов, чтобы хотя бы пер-

вичный прием организовать!

– Я думаю, справимся, – решительно сказал Гэкай. – У меня от деда осталась неплохая библиотека – куча старых учебников, еще бумажных: военно-полевая хирургия, ортопедия, травматология, патофизиология ЖКТ, паразитология, гинекология, все такое. Выбрасывать рука не поднималась, вот сейчас и пригодятся. Сто лет назад, между прочим, врачи вполне неплохо справлялись. С теми самыми стеклянными шприцами и ртутными градусниками.

– Сто лет назад средняя продолжительность жизни была на двадцать лет меньше, чем сейчас – не в последнюю очередь из-за скверной медицины. Ребята, да что вам вдруг в голову взбрело? Чем вам в Крестоцине не сидится, что на другой конец света захотели?

– Всем нравится, – пожал плечами Гэкай. – Только, понимаешь, здесь таких хирургов, как мы, толпы. Помри завтра, никто и не заметит. Живешь, как машина, по расписанию. Утром на работу, вечером в клуб, к девчонкам или в пивнушку – а жизнь проходит. Там хотя бы почувствуешь, что действительно кому-то требуешься.

– Жениться тебе пора, Гэки, – наставительно заявила Карина. – А то скоро начнется кризис среднего возраста, и в самом деле решишь, что никому не нужен.

– Ты сначала сама мужа найди, а потом уже другим нотации читай, старушка ты наша, – усмехнулся хирург. – На пять лет меня младше, а туда же – жизни учит! Кара, ты от

ответа не увиливай. Возьмешь нас?

– Кота, ну хоть ты-то подумай как следует! – безнадежно сказала Карина. – Ты же только два года как университет закончил, тебе еще кредит банку выплачивать.

– А мне родители обучение оплатили, – широко улыбнулся ей юноша. – И с интернатурой я развязался. Так что я никому ничего не должен. Свободен, как весенний разлив. Карина, так берешь?

– Да куда?! У нас пока что даже постоянной базы нет. Там крупных городов не так много, да и «крупный» означает тысяч пять-семь населения. Остальное – тысячи деревень, разбросанных по огромным пространствам. Куда я вас там дену?

Она помолчала.

– Ребята, вы взрослые люди, и я не могу вам запретить ехать хоть куда, хоть в Сураграш, хоть на южные атоллы или на северный полюс. Но пока что я ничем не могу вам помочь. Нам нужно хотя бы немного обустроиться, прежде чем приглашать кого-то. Да, мы планировали приглашать иностранных специалистов, но не сейчас, а когда хоть какую-то базу операций сформируем. Я глубоко признательна вам за желание помочь, но прошу – подождите. Не сейчас. Через несколько периодов, через полгода или год вы нам понадобится. Тогда мы вас позовем. Договорились?

Молодые люди переглянулись.

– Обещаешь, что про нас не забудешь? – строго спросил

Гэкай. – Честно-честно?

– Честно-честно! – с облегчением улыбнулась Карина.

В обед, забившись в буфете в дальний угол, за псевдоколонну, Карина изобразила, что пережевывает бифштекс со стручковой фасолью (интересно, куда же они все-таки деваются из ее «желудка»? часть при необходимости идет на имитацию естественных выделений, а остальное? надо как-нибудь на досуге изучить теорию), и задействовала коммуникатор.

«Семен, контакт. Карина в канале. Все по-прежнему?»

«Семен в канале. Кара, ты точно уезжаешь завтра?»

«Да. Самолет в Грашград в четыре утра. Слушай, а может, ну его нафиг? Все равно никто не станет проверять, действительно ли я на нем улетела. А я бы сразу в Мумму. А?»

«Не спеши. Во-первых, заметят. СОБ тебя опекает очень плотно, если исчезнешь просто так – переполох поднимется, причем публичный. Во-вторых, планы меняются. Не хотел тебе раньше говорить, чтобы ты не нервничала лишний раз. Ты как, все дела в Крестоцине закончила?»

«Как бы не так! Чем больше делаешь, тем больше остается. Но я уже твердо всем заявила, что сегодня последний день. Заявление у Кулау, договор о найме квартиры расторгнут, вещи переправлены в Масарию, Парс подарен больнице. Рис, хочешь, обрадую? Некий господин Вай Краамс твердо намерен прибыть в Сураграш во главе съемочной бригады и доносить до мира всю правду о героических повстанцах».

«Вай Краамс? Который про тебя весной шоу делал?»

«Ага. И у него еще хватило нахальства ко мне лично явиться и о содействии просить».

«Ну, порода у него такая, журналистская. Пусть едет, если со своими харчами. Посмотрим, может, и пригодится для чего».

«Я ему в Грашграде сказала к госпоже Майле обратиться. Я правильно сделала?»

«Кара, нужно либо спрашивать до того, как делаешь, либо принимать решения самостоятельно, не ожидая моего одобрения постфактум. Ты уже взрослая девочка, так что второй вариант куда лучше. Сказала и сказала, пусть обращается. Для того я Майлу и нанимал, чтобы оргвопросы утрясала. Только уведоми ее заранее, чтобы он ей кирпичом на макушку не падал».

«Хорошо. И еще двое наших ребят, из хирургического, потребовали, чтобы я их с собой взяла. Еле уговорила пока подождать».

«Всего двое? Я думал, за тобой хвост человек в сто потянется. Ты в курсе, что в Катонии уже формируются минимум два благотворительных фонда в помощь Сураграшу? К Цукке вчера в университет директор одного из них приходил о взаимодействии договариваться. И «Международная медицина» изъявляет желание открыть у нас миссию в месте по нашему выбору, с оснащением полевого госпиталя по второму классу».

«Ничего себе...»

«Вполне ожидаемо, с твоей-то популярностью. Удивительно не то, что двое ребят к тебе подкатились, а что всего двое. Кара, мне от тебя нужно кое-что еще».

«Ты насчет изменения планов? Что требуется сделать?»

«За что я тебя люблю, Кара, так это за твердую решимость перевернуть мир в одиночку. На сей раз, правда, ничего сложного. До возвращения в Сураграш необходимо выполнить дополнительное задание. Дипломатическую миссию, так сказать».

«Какую-какую миссию?»

«Дипломатия, если верить вашему классику, есть продолжение войны иными средствами. Мне по ряду причин в Четырех Княжествах пока появляться не с руки, а вот тебе в самый раз. Тем более что там ты, кажется, намеревалась долг вернуть некоему Сторасу Медведю».

«Я что, должна какие-то переговоры вести? Рис!»

«Ну, до всамделишных переговоров, думаю, на сей раз дела не дойдет. Тебе нужно передать в Министерство внешних сношений обращение – отдельно к Верховному Князю, отдельно к Дворянской палате. Ну, и несколько раз вежливо улыбнуться и поклониться министру, если до него доберешься. Обращение от твоего лица я уже записал».

«Рис, я не смогу! Я же не посол!»

«Ну и что? Если хочешь, считай себя просто курьером».

«Да куда я там вообще сунусь? Вот так с улицы войду в

министерство и скажу: здравствуйте, я Карина Мураций, хочу поболтать с министром?»

«По прибытии в ЧК свяжись с Ольгой Лесной Дождь. Контакт она тебе оставляла, если потеряла – возьми в справочнике. Дальше она разберется».

«Ох... Рис, я боюсь».

«Чего? Они не кусаются, я тебе точно говорю. По крайней мере, не в первый раз».

«Ну... ладно, если надо. Сейчас займусь обменом билетов...»

«Нет. Не стоит тебе в ЧК под своим именем из Катонии лететь, шум в прессе раньше времени поднимется. Тогда с Дворянской палатой проблемы возникнут, они могут решить, что мы таким образом на них давим. А аристократы очень не любят, когда плебс на них исподтишка воздействовать пытается, еще начнут упираться рогом на пустом месте. Лети в Грашград. Там покантуешься денек в компании с Яни, сменишь паспорт и под чужим именем вылетишь в Каменный Остров».

«Рис, я никогда шпионские боевики не любила. Нельзя как-нибудь попроще?»

«Простые решения ведут к сложным проблемам. Выше нос и не переживай. Все закончится хорошо, поверь старику».

«Тебе хорошо говорить, мудрому Серому Князю... А мне завтра из Катонии навсегда уезжать. Рис, я скучать буду. По

Масарии, по Крестоцину, по госпиталю, университету, по ребятам из полицейского управления».

«Навсегда – слишком долгое слово даже для Демиурга. Не забывай, ты всегда можешь вернуться, официально или неофициально. Рассматривай это как длительную зарубежную командировку».

«Ох... Хорошо, Рис. Где запись?»

«В общем пространстве, пометка «ЧК – первый визит Ки-саки». Купи две карты памяти и запиши на них. Только не таскай в сумке, лучше спрячь внутри проекции. Помнишь, я тебе показывал технику создания скрытых контейнеров?»

«Поняла. Сделаю. Рис, извини, мне до вечера еще кучу дел проверить надо. Отбой».

«Конец связи».

Отключившись, Карина задумчиво посмотрела на тарелку. Оставленная в автономном режиме проекция уже успела очистить ее почти полностью. Ну что же, она и не ожидала, что будет легко. Сама согласилась, теперь надо терпеть. Интересно, а где здесь поблизости можно купить карты памяти? И, самое главное, как копировать видеоролики из рабочего пространства их группы на человеческий носитель?

Если кто и знает, то Лика с Бикатой. Значит, время для еще одного сеанса связи.

18.06.858, деньдень. Четыре Княжества, город Каменный Остров

– Госпожа, пройди, пожалуйста, вон в ту дверь.

Карина удивленно посмотрела на таможенника, с вялым интересом рассматривавшего внутренности ее сумки.

– Что-то не так, господин? – настороженно осведомилась она, мысленно перебирая, что же в ее вещах могло заинтересовать толстого седоусого дядьку с усталым взглядом.

– Пройди, пожалуйста, вон в ту дверь, – повторил таможенник, поправляя фуражку. – Там тебе все объяснят.

Карина неуверенно оглянулась. Стоящая за ней в очереди на досмотр супружеская пара средних лет, на вид – типичные княжичи с бледной кожей и темно-русыми волосами, одарила ее подозрительно-брезгливыми взглядами и слегка отодвинулась. Кажется, они уже записали ее в разряд махровых контрабандисток и явно демонстрировали окружающим, что не имеют к ней ни малейшего отношения.

– Хорошо, господин, – Карина потянулась было к своей сумке, но таможенник остановил ее движением руки. Он сделал знак, и молодой парень, которому очень шла форма, приблизился к столу досмотра, взял ее вещи и паспорт, после чего кивнул в сторону загадочной двери. Карина вздохнула, обошла стол и двинулась в указанном направлении. Ну вот. Теперь ее начнут обыскивать. Интересно все-таки, что именно им не понравилось? Может, Мати не сумел правильно сгенерировать паспорт? Ольга... нет, пока ей сообщать не стоит. Если задержка окажется не больше пяти минут – а за

такой срок вполне можно утратить любое недоразумение – то ей и беспокоиться не стоит.

За дверью обнаружилась небольшая скучная комната с длинным письменным столом, на одном конце которого дежурно мерцал куб терминала, стульями и несколькими шкафами. От системы мониторинга сильно зачесалась спина: комната просматривалась камерами, поток данных от которых шел на пульт наблюдения этажом выше. Определенно, демонстрировать здесь фокусы не стоит. Можно обрубить камеры, если ей придется выходить за рамки человеческих способностей, но это будет выглядеть не менее подозрительным, чем сами фокусы.

– Присаживайся, госпожа, – вежливо сказал княжич, указывая на стул. Он поставил ее сумку на стол, положил рядом паспорт и отошел к двери. Карина попыталась проанализировать его эмоции. Она еще плохо разбиралась в том, что показывает ей нейросканер, но, кажется, под его бесстрастной внешностью колыхалось какое-то странное любопытство – как к чему-то экзотическому, но довольно отвратительному. Как к большому тропическому пауку. И еще там чувствовалось отчетливое презрение. Да за кого ее принимают, в конце концов?

Возникшую паузу она использовала для того, чтобы быстро осмотреть зал прилета. Она не отваживалась бросить свою проекцию надолго на тот случай, если сопровождающий решит с ней заговорить. Папа пообещал, что не пройдет

и тысячи лет, как она вполне виртуозно научится управляться с десятком параллельных проекций – но до того времени еще нужно дожить. Пока что она и от одной толком абстрагироваться не может, не превращая ту в мертвый манекен. Где же Ольга? Сигнатура ее мозговых ритмов в окрестностях отсутствует. Видимо, она все еще не доехала. Ну что стоило предупредить ее заранее?

Пару минут спустя дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел немолодой мужчина в гражданском деловом костюме и с ничем не примечательной внешностью. В нем чувствовался легкий интерес и заметное, хотя и скрываемое раздражение, направленное, впрочем, не на нее лично. Он остановился перед Кариной и несколько секунд осматривал ее с головы до ног, не упустив ни легкую полупрозрачную блузку, ни короткие шорты, ни любимые каринины потрепанные босоножки, ни дешевый браслет из цветных стеклянных бусин на запястье.

– Ты одета не по погоде, госпожа, – наконец произнес он, отходя к столу. – У нас здесь погода гораздо холоднее, чем в Грашграде. На улице тринадцать градусов и ветер. И тучи, солнца нет. Боюсь, ты замерзнешь.

– Спасибо за предупреждение, господин, – кивнула Карина. – Почему меня задержали?

Неужто для того, чтобы предупредить о погоде? – чуть было не добавила она, но удержалась. Не время для сарказма.

– Тебя не задержали, госпожа... пока, – многозначитель-

но посмотрел на нее мужчина. – Значит, ты, – он взял со стола пластинку паспорта и взгляделся в нее, – Карина Камэй, гражданка Катонии и жительница города Оканакки, верно?

– Да, господин. Могу я узнать твое имя?

– Разумеется. Я Павай Лиственник, капитан АКР, оперативный дежурный по аэропорту, – мужчина выжидательно посмотрел на нее.

– АКР? – переспросила Карина.

– Агентство криминальных расследований. Мы занимаемся серьезными уголовными преступлениями, – любезно пояснил тот. – Нечто среднее между вашей уголовной полицией и Службой общественной безопасности. Не возражаешь, госпожа, если я осмотрю твою сумку?

– В чем вы меня подозреваете? – Карина почувствовала прилив раздражения. Тоже мне, великий сыщик поймал контрабандистку!

– Пока ни в чем. Госпожа, иногда мы проводим случайные выборочные проверки прибывающих из-за границы, чтобы убедиться в отсутствии запрещенных, нелегальных и незадекларированных товаров. Тебе просто повезло – или не повезло, смотря как смотреть.

Не дожидаясь ее ответа, он каким-то ловким неуловимым движением вытряхнул из сумки на стол ее содержимое – запасные шорты и майку, спортивные тапочки (на тот случай, если старые босоножки все-таки развалятся, а босиком окажется неприлично по местным меркам), белье, кошелек с

бумажными купюрами, немного косметики, которую Карина не глядя выгребла из шкафа в своей бывшей крестоцинской квартире, и прочие мелочи. Она полагала, что такого набора хватит для правдоподобия: объяснять таможенникам, что ей не нужно таскать с собой одежду, которую она в любой момент могла создать из ничего (и в которой вообще больше не нуждалась), она не намеревалась. Но, видимо, что-то в сумочке все-таки привлекло к себе внимание таможенника. Что же? Почему ее вообще начали досматривать, единственную со всего рейса?

– Почему ты въезжаешь в Четыре Княжества через Граш, госпожа Камэй? – осведомился Павай, рассеянно ощупывая сумку.

– Мне так удобнее, – напряженно ответила Карина. – Я... по пути провела пару дней в Грашграде, чтобы осмотреть его.

– У тебя не так много вещей для долгого путешествия.

Карина пожала плечами. В поездки она никогда не брала с собой кучу барахла, как некоторые ее знакомые. Правда, она никогда не ездила за границу. Может, если бы поехала на самом деле, то взяла бы? Ну вот. Говорил же Мати, что легенду нужно продумывать тщательно, многократно проигрывая в голове потенциальные ситуации. А она что? Решила, что нужно всего лишь пройти по аэропорту от самолета до зала прибытия, отметившись только на паспортном контроле...

– С какой целью ты въезжаешь в страну, госпожа Камэй? –

сотрудник АКР снял колпачок с помады, понюхал ее и снова закрыл.

– Ну... – Карина внезапно растерялась. Можно, разумеется, сказать и правду, но ведь она же не хотела привлекать к себе лишнее внимание? – Я хочу осмотреть Каменный Остров. Я много слышала об его архитектуре... Кремль, старые здания... И... Вот, в общем.

– Об архитектуре? – Павай выгнул бровь. – Предположим. В каком отеле ты остановишься?

– Э-э... я еще не решила. Я хотела подобрать отель по настроению, когда прибуду в город. У вас ведь есть гостиницы, да?

– У нас много чего есть, – хмыкнул капитан. – В том числе и кое-какие законы, о которых ты, вероятно, не осведомлена. – Он отложил помаду и оседлал стул прямо перед Кариной. – Давай-ка еще раз проговорим все, как есть. Итак, госпожа Карина Камэй, ты туристка-одиночка, которая ездит по миру и по ходу дела желает осмотреть столицу Четырех Княжеств. В Княжествах ты раньше не была, город не знаешь, гида не заказывала... ведь не заказывала, так? Вещей у тебя мало, потому что ты предпочитаешь путешествовать налегке. Я ничего не упустил?

– Нет, господин. Что-то не так?

– Все не так, госпожа Камэй, – дернул щекой криминалист. – Начиная с того, что врать ты не умеешь. Я тебе еще один вопрос задам – ты в курсе, что проституция в Княже-

ствах является уголовным преступлением?

– Что? – поразилась Карина. – Преступление? Но почему?.. Нет, я не знала, господин.

– Я догадываюсь, – тяжело вздохнул княжич. – И не ты одна не знаешь, госпожа Камэй. Поверь мне, я достаточно посмотрелся на катонийских дамочек вроде тебя. Я не хочу сказать про тебя лично ничего плохого – в конце концов, в Катонии официальная проституция в порядке вещей, и если ваше общество такое устраивает, не мне вас судить. Но у нас за нее наказывают. Ты не задумалась, почему вербовщик приказал тебе въезжать через Граш, а не напрямую из вашей страны? Все потому же – мы проверяем и задерживаем гастролерш вроде тебя с катонийских рейсов. До последнего времени грашские рейсы мы не проверяли, а потому таким образом вы могли попадать в страну. Однако тебе не повезло. Мы раскрыли и эту схему, и сейчас проверке подвергаются все катонийки без исключения, как бы они в страну ни попадали, по воздуху ли, морем ли, по суше ли.

– То есть, господин, ты полагаешь, что я приехала сюда для работы проституткой? – удивленно спросила Карина. – Но, уверяю тебя, ты не прав...

– Не надо, – капитан помахал в воздухе раскрытой ладонью. – Давай не станешь тратить время попусту. Я много раз участвовал в таких разговорах. Снова повторяю – у меня нет претензий к тебе лично. Тебе задурили голову, и ты не понимала, что делаешь. Но в страну я тебя не пущу. Как со-

трудник АКР я имею полное право запретить тебе въезд, и я намерен им воспользоваться.

– Но я... – Карина растерянно замолчала. Ну и история! Угораздило же ее влипнуть! И что теперь ему говорить?

– У нас с тобой два варианта, госпожа Камэй, – устало сказал капитан. – Первый – ты соглашаешься сотрудничать. Ты называешь адрес, по которому должна прибыть в Каменном Острове, а также фамилии, если они тебе известны. Врать ты не умеешь, как я уже сказал, так что даже не пытайся. За это тебе купят обратный билет на ближайший прямой рейс в Катонию – в Крестоцин или куда еще, и ты не получишь черную метку в наших досье. Если когда-нибудь захочешь вернуться обычной туристкой, милости просим. Второй вариант – ты упорствуешь. Тогда я арестую тебя, составлю официальный протокол, и ты проведешь в камере предварительного заключения по крайней мере две недели. Срок тебе не дадут, поскольку преступное намерение преступлением все-таки не является, но из страны депортируют за твой счет и никогда больше не позволят въехать снова. Прошу тебя, не доставляй лишних хлопот ни мне, ни себе. Так что?

– Но я...

– Ты даже не представляешь, на что именно согласилась. Тебе наверняка обещали прекрасные условия – большой город, меблированные комнаты, хороший заработок, двое, максимум трое приличных клиентов в день и никаких налогов, так? Чушь. Тебя засунули бы в один из подпольных

борделей, где ты бы обслуживала по десятку низкопробных подонков в сутки. И хорошо, если в бордель – могли бы заставить работать и на улице, мерзнуть полуголой на холоде, обслуживать клиентов в кустах... Тебя бы избивали, морили голодом, возможно, посадили бы на иглу, засовывали в постель к клиентам-извращенцам, а про медицинское обслуживание – про его отсутствие – я вообще умолчу. А случается и еще хуже – иногда проституток из Катонии продают в Граш. Их контрабандой перевозят через границу и сдают тамошним бандитам. Я еще ни разу не слышал о женщине, которой удалось бы оттуда вернуться домой. В свое время я участвовал в арестах сутенеров, так что не понаслышке знаю, о чем говорю. Итак, куда ты должна явиться?

– В Министерство внешних сношений, господин Павай, – обреченно проговорила Карина. Все, придется сдаваться. – Видишь ли, я на самом деле не проститутка. У меня в некотором роде... официальный визит. Только я хотела сделать его не очень официальным.

– В Министерство внешних сношений? – поразился капитан. – Знаешь, вот такой сказки я еще не слышал. Поздравляю, ты меня удивила, госпожа. Впервые за много лет удивила. Официальный визит, говоришь? Ты государственный чиновник Катонии? И у тебя даже есть служебное удостоверение?

– Не Катонии. Я...

Карина резко осеклась. Что она ему скажет? Я, господин,

пытаюсь въехать в вашу страну с поддельным паспортом, а на самом деле я Карина Мураций, Демиург и Кисаки Сураграша – номинальная глава государства, которого еще даже и не существует? Тогда отсюда ее отправят либо в тюрьму, либо в психушку, причем второе куда вероятнее. Все. Попытку нелегального пересечения государственной границы можно считать успешно проваленной. Не выйдет из нее шпионки. Пора кончать самодеятельность и звать на помощь.

– Прости, господин, где мы находимся? – осведомилась она.

– В Южном аэропорту Каменного Острова, – удивленно посмотрел на нее криминалист. – Ты не знаешь, куда прилетела? Что с тобой, госпожа?

– Я имею в виду – как найти эту комнату? У нее есть название? Номер?

– Досмотровая комната номер четыре, – подсказал молодой таможенник, и Павай бросил на него недовольный взгляд.

– Спасибо. Господин Павай, мои обстоятельства сложно объяснить. Я подумаю минуту, как лучше сформулировать, хорошо?

– Ровно минуту, и ни секундой больше, – фыркнул криминалист, демонстративно скидывая запястье с часами. – Время пошло.

Карина откинулась на спинку стула и заблокировала мимическую связь с проекцией. У нее все еще не получалось об-

щаться, не задействуя участки психоматрицы, отвечающие за голосовую речь, так что говорить по дальней связи на публике приходилось, превращая свое лицо в неподвижную маску. Но выглядеть странной сейчас лучше, чем преступницей.

Универсальный коммуникатор. Планетарная связь – Текира. Включение в пелефонную сеть – сети в ближайшей окрестности проекции – выбрать сеть «Ринго». Активация псевдотерминала – набор стандартов связи: Четыре Княжества – вход в сеть «Ринго» – библиотека персональных кодов – раздел «Ольга Лесной Дождь» – код номер три «личный пелефон».

Далекая мелодия. Три секунды. Пять.

«Да, Карина. Слушаю».

«Ольга, здравствуй. Ты скоро до аэропорта доберешься? Я застряла, у меня неприятности на таможне».

«Я на стоянке, только что припарковалась. Выберусь в зал прибытия через пару минут. Ты уже ждешь?»

«У меня проблема, я досмотр не смогла пройти. Меня посчитали незаконной проституткой, задержали и хотят выслать из страны. Я в досмотровой комнате номер четыре, она недалеко от выхода в зал прилета. Капитан АКР требует у меня явки и пароли и грозит расстрелять на рассвете. А я их не знаю. Что ему сказать?»

«Поняла. Продержись еще немного. Наплети что-нибудь. Если совсем достанет, нейтрализуй его поаккуратнее, я потом все улажу».

«Их двое, и тут камеры наблюдения. Постараюсь обойтись без лишнего скандала. Жду. Отбой».

Отделить точку восприятия от проекции, осторожно, как несут в вытянутых руках до краев полную чашку – бегло просканировать комплекс аэропорта – эн-сигнатура Ольги! – сконцентрироваться на ней – та спешит через толпу, неопостижимым образом увертываясь от, казалось бы, неизбежных столкновений – вот хватает за плечо какую-то служащую в форме и сует ей под нос пластинку удостоверения – предупреждающе щелкает таймер, быстро синхронизироваться с фантомным телом, как мышь с добытым кусочком сыра юркает в свою норку, спасаясь от кота...

– Госпожа Камэй? – Павай зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью. – Минута прошла. Ты уже придумала себе историю? Или просто решила вздремнуть немного?

– Мне и придумывать-то не надо, само все на голову валится, – вздохнула Карина, на всякий случай двигая щеками для проверки восстановления мимики. – Господин Павай, я не проститутка. Я допускаю, что выгляжу подозрительно, но я и в самом деле официальное лицо. Прости, но есть причины, по которым мне необходимо въехать в страну без лишнего шума. К сожалению, встречающая меня персона задержалась из-за позднего предупреждения. Она прибудет сюда через минуту или две.

– Еще две минуты... – пробормотал Павай. – Прости, госпожа Камэй, у меня мало времени. Две минуты я тебе дам, но

я начинаю оформлять официальный протокол задержания. Если через указанный срок твои встречающие не появятся здесь, считаем, что ты выбрала плохой вариант. Не хочешь передумать прямо сейчас? Нет? Ну ладно. Время в очередной раз пошло. Кстати, как тебя найдут и как пройдут через охрану? Ты не желаешь им позвонить? А, у тебя даже телефона нет...

– Наши телефоны у вас не работают, господин Павай, – качнула головой Карина. – Частоты отличаются. Я в курсе, потому и не взяла свой. Я благодарна тебе за заботу, но не стоит беспокоиться. Она меня найдет.

– Ну, тебе виднее.

Криминалист поднялся со стула, отошел к дальнему концу стола, активировал терминал извлеченной из кармана карточкой и принялся манипулировать в сенсорном поле. Из любопытства Карина еще раз осторожно отделила от проекции точку восприятия и заглянула в дисплей через его плечо. Ничего интересного. Обычное рабочее поле, какие-то формы, шаблоны, папки с документами... И здесь бумажки, совсем как у Тришши и дяди Дора. Похоже, во всем мире полицейские большую часть времени проводят за бюрократической волокитой. Она снова юркнула в тело и пошевелилась, чтобы проверить контакт.

А все-таки как просто было жить, когда она знала, что ее тело – и есть она сама!

Ольга уложилась в полторы минуты. Распахнув протесту-

юще взвизгнувшую дверь, она стремительно вошла в комнату, полностью игнорируя спешащего за ней охранника, кажется, пытающегося ее остановить.

– Здравствуй, Карина, – кивнула она, одергивая на себе серый деловой жакет и оглаживая юбку. – Кто провел задержание? Ты? – она повернула голову к криминалисту. – Имя, должность, звание?

– Кто ты такая, госпожа? – лениво осведомился Павай, на которого властная манера новой гостьи не произвела ни малейшего впечатления.

– Вайс-баронесса вайс-капитан Ольга Лесной Дождь, Министерство внешних сношений, – холодно откликнулась Ольга. – Я не услышала ответа.

– Вайс-граф капитан Павай Лиственник, оперативный дежурный АКР по аэропорту, – сухо сказал криминалист, поднимаясь. – Я так понимаю, ты и есть встречающая? Твое удостоверение, пожалуйста.

Ольга тремя широкими шагами пересекла отделяющее от него расстояние и сунула ему под нос пластиковую карточку. Криминалист взял ее в руки, изучая, потом поднес к терминалу и поманипулировал в нем стилем.

– Служба внешней разведки, гм... Ну что же, подписи в порядке, – нехотя констатировал он, возвращая удостоверение и отключая терминал. Охранник, поймав его легкий кивок, ретировался. – Дама Лесной Дождь, ты берешь на себя ответственность за гражданку Катонии госпожу Карину

Камэй?

– Беру. Рыцарь Лиственник, полагаю, инцидент исчерпан?

– С моей стороны – да. – Павай подошел к Карине и низко поклонился. – Госпожа Камэй, приношу свои извинения за необоснованные подозрения. Ты свободна. Если чувствуешь себя несправедливо оскорбленной, можешь подать на меня жалобу в установленном порядке. Дама Лесной Дождь наверняка сумеет разъяснить тебе процедуру. Сейчас позвольте вас оставить.

Он повернулся.

– Погоди, господин Павай... или рыцарь Павай? – остановила его Карина. – Прости, я плохо знаю ваш этикет.

– Сойдет и господин, – криминалист оглянулся на нее через плечо. – Если бы я жаждал протокольного обращения, сразу бы назвался полным титулом. Так что ты хочешь?

– Господин Павай, я не стану предъявлять претензии, обещаю. Я не в обиде. В конце концов, ты же хотел мне добра. Но... ты сказал про подпольные бордели... и про то, как женщин перепродают в Граш. Это правда? Или ты просто меня запугивал?

– К сожалению, чистейшая правда, госпожа Камэй. Твоя спутница наверняка сможет подтвердить.

– Скажи, могу ли я получить более подробную информацию? Я думаю, что действительно могу помочь с расследованием. Не в Княжествах, возможно, но в Катонии – точно. У меня есть знакомые следователи...

Криминалист повернулся к ней. Он еще раз внимательно осмотрел ее с ног до головы, словно увидел ее в первый раз, потом бросил короткий взгляд на Ольгу, скрестившую руки на груди и нетерпеливо барабанившую пальцами по плечам.

– Такого рода сведения составляют служебную тайну, – наконец сказал он. – Однако если тебя действительно принимает здесь СВР, они могут предоставить их тебе. Мы сотрудничаем и обмениваемся материалами. Что-то еще?

– Господин Павай, а если неофициально? Материалы материалами, но мне интересна точка зрения человека, вплотную занимавшегося проблемой. Скажи, не слишком ли большим неуважением к тебе явится просьба о личной встрече? Если у тебя есть свободное время, конечно, – поспешно добавила она. – Я действительно могу и хочу помочь. Пожалуйста?

– Не сегодня, совершенно точно, – поколебавшись, откликнулся криминалист. – Сегодня вечером я занят по личным делам. Возможно, завтра. Или послезавтра. Вот возьми, – он достал из кармана пиджака и протянул ей визитку. – Здесь вшит мой личный код, его может считать любой пелефон нашей системы. Позвони мне с утра, я отвечу точнее. Завтра я работаю с семи. Теперь, прошу прощения, мне действительно пора.

Он кивнул сначала Карине, потом Ольге, развернулся и вышел.

– Приношу свои извинения за инцидент от лица таможен-

ной службы, – сказал молодой таможенник, подпирающий стенку у выхода. В его эмоциях теперь читалось лишь жгучее любопытство без примеси прочих чувств, но лицо оставалось бесстрастным. Он выпрямился и поклонился. – Госпожа Карина Камэй, у нас больше нет к тебе претензий. Желаю тебе приятного пребывания в Четырех Княжествах.

И он вышел вслед за криминалистом.

Карина быстро и кое-как засунула в сумку свои разбросанные по столу вещи, замкнула застежку и посмотрела на Ольгу.

– И вот так всегда, – грустно сказала она. – На ровном месте в проблемы влипаю.

– Сообщила бы о прибытии хотя бы на пятнадцать минут раньше, и я встретила бы тебя у выхода из самолета, – пожалала та плечами. – Ты меня совсем врасплох застала. Я за городом болталась. Вынужденное безделье у меня. Собрались компанией у одного парня, орка, все вдрызг, только на меня с моим гиперметаболизмом алкоголь не действует – его организм мгновенно расщепляет. Пока добудилась человека, который знал, где ключ от зажигания, двадцать минут прошло.

– Извини, я не подумала, что у тебя отдых... – растерянно сказала Карина. – Я не хотела доставлять тебе лишние неприятности.

– Да ладно, – отмахнулась та. – Я привычная. У нас авралы – обычное дело, меня чуть ли не еженедельно посреди ночи из постели вытаскивают. Кстати, я твой пелефон не вижу. Ты

его не потеряла? Как ты вообще до меня дозвонилаась?

– Страшная тайна, – вздохнула Карина. – Нет, я не потеряла свой пелефон. Мне позволили вставить свою карту в чужой. Все нормально.

– Ну, смотри. Если ничего не забыла, то поехали.

Никем более не задерживаемые, они миновали дежурного у выхода из зала выдачи багажа, прошли через зал прилета и спустились в гараж. Уже в машине, небольшой, черной и юркой, Ольга вздохнула и ощутимо расслабилась.

– С прибытием, Карина, – произнесла она, выруливая с парковочного места и осторожно маневрируя между людьми и рядами стоящих автомобилей. – Рада видеть тебя в добром здравии. Скажи, а зачем ты рейсовый самолет использовала?

– А как?

– Позвонила бы мне, я бы организовала спецрейс. Куда быстрее получилось бы, с учетом того, чтобы под расписание подстраиваться не надо.

– Но ведь спецрейс – дорого. Особенно когда... – Карина замолчала. «Особенно когда я и так в любую точку мгновенно перенестись могу» прозвучало бы не слишком хорошо – ведь Ольга о ее новой сущности не знает. – Особенно когда я и рейсовым неплохо летаю. От Грашгарада до Каменного острова меньше четырех часов лету.

– Во-первых, – наставительно заметила Ольга, – важным персонам не следует летать вместе с простыми пассажирами. Слишком много неудобств и для тех, и для других. И тамо-

женников ты в неловкое положение поставила. Во-вторых, после того, что ваш Панариши учинил с Драконом, на вас всех очень у многих ножик припрятан. Фальшивый паспорт от них не спасет. Не знаю, сумеет ли оживить тебя твой приемный папаша после крушения самолета, но других он наверняка спасать не станет. Не подставляй посторонних под удар попусту. И не стесняйся – у МВС три спецсамолета только для Граша, они все время кого-нибудь на переговоры возят, и наших, и грашских. Ты надолго к нам?

– Деликатность, с которой ты опустила «зачем?», оценена по достоинству, – слабо усмехнулась Карина. – Прости еще раз, что не предупредила заранее. Я побоялась, что начнутся сложности протокольного плана. Ни ЧК, ни Граш нас пока не признали, так что я просто не уверена в своем текущем статусе в глазах ваших официальных лиц. Я думала, что если прибуду внезапно и частным порядком, куча сложностей снимется. Ольга, мне нужно встретиться с вашим министром внешних сношений, чтобы передать ему послание. Ты можешь сказать, к кому я должна обратиться?

– Ко мне. Считай, что уже обратилась. Я ведь больше не телохранитель. Карина, меня неделю назад обрадовали, что теперь по указанию лично министра я являюсь официальным ведущим экспертом МВС по вопросам Сураграша и директором нового департамента, который выделили из состава грашского. Там, правда, народу пока с пригоршню – я в качестве директора, мой секретарь и еще трое старичков, до

пенсии доживающих. Штат обещали выделить, но где-то все завязло в согласованиях, а помещения отдельного вообще нет, пользуюсь свободными терминалами, где найду. Тыкаюсь туда-сюда, как слепой щенок, но пока все без толку. Игрища идут какие-то, мне непонятные. Все широко улыбаются, поздравляют, кланяются, обещают немедленное всестороннее содействие – и нифига не делается. Официально я вообще в отпуске, мне еще даже новое удостоверение не успели сделать, так что придется пока действовать более-менее неформальным путем.

– Ольга, поздравляю! – искренне сказала Карина. – Рада за тебя. Тогда, в Сураграше, нам с тобой так толком и не удалось пообщаться, но я еще раз хочу сказать: я очень признательна за твою помощь нашей семье. Я в долгу перед тобой.

– Если бы моя помощь вам требовалась... – поморщилась Ольга. – Читала я «Черный квадрат». Для вашего Джао совершенно без разницы, помогала я вам или нет. Все равно добрались бы с его помощью. Я же только декорацией была.

– Во-первых, я благодарю не от лица Джао, а от своего. И от лица своей семьи, – твердо сказала Карина. – Во-вторых, он нам не помогал. Скорее, наоборот. Так что ни о каких декорациях речи не идет. Хорошо, что ты серьезный пост заняла. И тебе больше уважения, и нам с ЧК проще общаться. Ольга, но я хочу встретиться не только с министром. Если возможно, я хочу увидеть еще и господина Стораса... господина Медведя. Он ведь тоже нам помогал. Я посмотрю его

сына, господина Масарика Медведя, и выясню, могу ли что-то сделать с его параличом. Можешь меня с ним свести по старому знакомству?

– Я так и думала, что ты попросишь. Когда ты связалась со мной, я позвонила ему. Так... – Она оторвала взгляд ото полупустой дороги и быстро осмотрела Карину. – Как я понимаю, кроме сумки у тебя вещей нет?

– Нет. Мне не требуется. Но у меня есть деньги, я могу купить, если нужно. А что?

– В таком виде тебя в приличное общество пускать нельзя. Шорты для дам у нас допускаются на пляжах или по сильной жаре, но на сборищах типа нынешнего... И блузка у тебя совершенно неприличная. В такой не каждая танцовщица в кабаке рискнет на сцену выйти, а уж тебя точно не поймут. Хоть бы лифчик надела, что ли. М-да. Сейчас заедем в ателье...

– погоди, Ольга! – Карина замахала руками. – Какое сборище? Какое приличное общество? Я собираюсь с министром поговорить да с господином Медведем. Ну, и по улицам погулять. Завтра вечером, максимум послезавтра – назад. У меня на полгода вперед расписание перемещений по Сураграшу расписано, я и так на две недели с возвращением затянула.

– На улице, между прочим, четырнадцать градусов, если верить градуснику, – Ольга кивнула на приборную панель. Он наконец-то вырулила со стоянок на дорогу, утопи-

ла педаль газа и лихим маневром справа обошла, подрезав, здоровый черный лимузин, неторопливо ползущий в крайнем левом ряду. Лимузин, вильнув, возмущенно просигнализировал вслед, но почти мгновенно отстал – несмотря на внешнюю неказистость, машина у Ольги оказалась на удивление мощной.

– Ненавижу аристократов... – процедила Ольга сквозь зубы. – Ведь еле же плетется, а туда же – в левый ряд! Типа, самый важный на дороге, скотина...

– А он в полицию не сообщит? – озабоченно переспросила Карина.

– С моими номерами ни один полицейский тормознуть не рискнет, – Ольга нетерпеливо мотнула головой. – Карина, господин Медведь передал, что сегодня ты официально приглашена на обед – точнее, ужин – у графини Мушиного Пlesa. Она в МВС не служит, она вообще богатенькая и нигде не работает, но с господином Медведем они старые друзья. Между прочим, сестра Верховного Князя, хотя и двоюродная. У нее частенько собираются дипломаты, кстати, и ваш... тьфу, катонийский посол тоже заглядывает. С господином Медведем ты встретишься сегодня не сможешь, его в городе нет, и когда вернется – неизвестно. Но зато там появится наш министр внешних сношений, оой-граф Крош Сноповайка, и вы пообщаетесь в приватной обстановке.

– Министр – это хорошо, – Карина задумчиво почесала нос. – Если я с ним встречусь, считай, цели своей достигла.

Слушай, а как ты думаешь, смогу я попасть на прием – или на... как ее... аудиенцию у Верховного Князя?

– Вряд ли. У него обычно расписание таких встреч на несколько периодов вперед определено. Сейчас точно ничего не получится. Карина, ты не обижайся, но формально ты пока никто. Предводительница оборванных бунтовщиков в далеких нищих джунглях, не более. Верховный Князь просто не может встретиться с тобой официально, не твой уровень.

– А неофициально?

– Неофициально тоже не выйдет. Сначала вам нужно с министром поболтать, а дальше уж он решит, стоит ли тебе с Повелителем за кулисами встречаться или нет. В общем, на сегодняшнем вечере тебе появиться просто необходимо. Скажи, кто-нибудь из ваших еще собирается сюда пробираться... вот так, без лишней огласки? Или уже пробрался?

– Нет. У всех свои дела. Мати с дядей Дором увлеченно Дракона добивают, а заодно с приграничными грашскими князьками знакомятся. Рис по всему континенту интриги крутит, одновременно в пяти местах присутствует, уж и не знаю, как ему такое удается. Цу в Масарии плотно засела, у нее там тема в разработке, обещала к осени вернуться с толпой народа и вплотную заняться народным образованием. Лика, Каси и Яни в Грашград уехали. Тоже политикой с тарсачками занимаются в извращенной форме, а заодно город толком осматривают, наверстывают упущенное. Лика носится с идеей, что государства без дорог не суще-

ствует, так что сейчас пытается понять, как хотя бы грашских дорожников в Сураграш заманить при полном отсутствии денег. О ваших с нашими строителях уже даже и не мечтает. Би тоже в Катонию уехал, подбирать системы связи для сураграшского климата, а заодно выяснять, на каких условиях их нам поставят...

Она погрустнела.

– Рис у нас самый опытный, он что-то говорил про займы под залог концессий... или о концессиях на займы... в общем, что-то, связанное с полезными ископаемыми, не помню точно, я не финансист. Он пообещал, что деньги найдем, хотя и не сразу. Но нам нужно международное признание, иначе кроме жуликов и проходимцев с нами никто дела иметь не станет. Рис пообещал, что послушает мои самые важные разговоры и подскажет в затруднительные моменты, но не более, у него у самого головной боли хватает. А как я должна в одиночку с министрами разговаривать? Я живу министра только раз в жизни видела, да и тот – здравоохранения. Вот вечно они так! – внезапно пожаловалась она. – Что папа, что Рис. Бросают в воду, и выплывай, как хочешь!

– Сочувствую, – хмыкнула Ольга. – Я ровно в том же положении, если тебя утешит. Взяли да вытащили из телохранителей в чиновники. По морде я дать могу вполне квалифицированно, клиента от снайпера прикрыть – всегда пожалуйста, даже мотострелковой ротой командовать смогу при необходимости. А вот бумажки переключивать из «Входящих» в

«Исходящие» никогда в жизни не училась. Чувствует мое сердце, хлебом мы с тобой в политике полной пастью, мало не покажется. Смотри, к городу подъезжаем. Вон там впереди макушки многоэтажек показались – видишь? Самый южный и современный район города – Златолесье. Там, кстати, и господин Медведь живет... Ну, квартира у него там.

– А почему город Каменным Островом назвали? Я по карте никаких особых островов не увидела. Речка – Сайтана, да? – там просто петляет, а островов нет.

– Вряд ли с островами связано. Я читала, что пятьсот лет назад, еще до Приморской империи, город первым в окрестностях обнесли каменной стеной. Тогда стены делали в основном из дерева, камень добывался тяжело. Вот из-за стены и назвали «островом». Каменным, само собой.

– Понятно. Скажи, а тот полицейский из аэропорта... господин Павай. Он правду рассказывал про проституток?

– Вообще-то я не слышала, что именно сказал рыцарь Лиственник, – напомнила Ольга. – Я, знаешь ли, отсутствовала. И, в отличие от некоторых, на расстоянии мысли читать не умею.

– Прости, забыла. Он сказал, что в Катонии вербовщики обманом заманивают женщин работать проститутками в Княжества. А у вас здесь проституция – уголовное преступление, и они оказываются рабынями. Их мучают, бьют и даже могут продать в Граш.

– А... – Ольга затемнила верхнюю часть лобового стекла,

чтобы клонящееся к закату солнце не так било в глаза. – Да. Слышала про такое. Не знаю насчет продажи в Граш, но катонийских проституток из страны периодически высылают. Половина как минимум утверждает, что им наплели с три короба и что били нещадно. Но я в предмете не ориентируюсь, я же просто телохранитель... была.

– Ты можешь достать материалы? На вашей территории мы вмешиваться не станем, у вас и так спецслужб хватает. Но в Катонии я знаю, кого к расследованию привлечь можно.

– Посмотрим. Нужно разыскивать, кто темой занимается, если у нас вообще есть такие. В АКР должны лучше знать. Я поищу контакты, но быстро не обещаю.

– Понятно. Скажи, а почему у вас с господином Паваем какие-то странные отношения?

– Странные?

– Ну... знаешь, вы оба как будто опасаетесь, что другой ему сейчас в физиономию плюнет.

– Что, так заметно? – Ольга дернула плечом. – Не обращай внимания. Формально СВР запрещено работать на территории Княжеств против своих граждан. Фактически же мы все время влезаем на территорию криминалистов. Обычная для спецслужб история. У вас в Катонии, как я слышала, полиция, СОБ и военная контрразведка тоже не в лучших отношениях находятся. Может, так и правильно. По крайней мере, у тех, кто решения принимает, всегда есть объективная картина событий.

– А вы очень сильно друг друга не любите? Я хочу сказать, господин Павай не откажется со мной пообщаться на тему обманутых проституток, раз я по твоему ведомству прохожу?

– Понятия не имею. От человека зависит. Знакомые рассказывали, что с некоторыми работать можно без проблем, а иных просто придушить хочется. Слушай, Карина, давай о них в другой раз, а? У нас сейчас другая головная боль. План следующий: мы заезжаем в магазин, покупаем тебе приличную одежду, потом я везу тебя в ведомственную гостиницу, там ты отдыхаешь, переодеваешься, и мы отправляемся на обед. Сейчас... – она кинула взгляд на приборный щиток, – четыре тридцать. Считаем, полпятого. Полчаса на лавирование по городу, час на магазин и парикмахерскую, час на отдых. К половине восьмого мы у графини, так что как раз укладываемся. Платье я тебе подберу, насчет стоимости не беспокойся – раз нам нужно, то я и оплачу. Потом проведем как-нибудь по внебюджету... в общем, там мои заморочки.

– Ох... Ольга, раз уж мне от вашего ужина не отделаться, у меня свои условия.

– А именно?

– Первое, – Карина показала указательный палец. – Одежду себе подбираю я. Ты оценишь, насколько она укладывается в ваши рамки приличий, но и только. Никаких шикарных вечерних платьев – я их носить не умею и сегодня вечером учиться точно не собираюсь. Не хочу выглядеть осед-

ланной коровой, да и в глаза бросаться раньше времени не следует. Второе, – она оттопырила большой палец. – Я покупаю одежду за свой счет. Сама подумай, – она растопырила пятерню, предупреждая ответную реплику. – Приезжает к вам с почти официальным визитом почти глава государства, а вы ее начинаете одевать и обувать, как нищенку. Или словно взятку даете. Ольга, спасибо за предложение, я вижу, что оно от чистого сердца, но с точки зрения протокола даже я понимаю, что плохо выходит. Найди какой-нибудь магазин готовой одежды, такой средненький, и я там себе что-нибудь подберу. Договорились?

– Ну что с тобой поделаешь, с почти главой государства, – тяжело вздохнула княженка. – Особенно когда ты права. Да, не подумала я. Что у тебя с деньгами? И, кстати, валюта какая? Если маеры или вербы, нужен обменник подыскать с хорошим курсом.

– Спасибо, меня снабдили вашими гривнами. Двенадцать тысяч бумажками. Маеров я тоже захватила десять тысяч на всякий случай, но не думаю, что мне понадобится. У вас курс сейчас какой? Три к одному?

– Примерно два и шесть к одному. Не помню точно, давно не следила. Лучше оставь кошелек в гостиничном сейфе, а то еще вытащат... о, ну разумеется. На въезде в город пробка, как всегда. Еще минут пятнадцать-двадцать как минимум потеряем. Расслабься пока и приготовься наслаждаться неторопливой ездой, а я пока расскажу тебе про город.

Ольга оказалась оптимисткой. Езда по забитым машинами городским улицам отняла, по самым скромным подсчетам, лишних часа полтора. Местные водители оказались крайне невежливыми – неожиданные обгоны, подрезания и перестроения, объезд по тротуару, проезд на желтый и даже на откровенно красный свет казались в порядке вещей. Поэтому даже агрессивная манера вождения, продемонстрированная Ольгой, не спасла от застревания в пробках, и на гостиницу и «отдых», к тайной радости Карины, времени не осталось. Скромную одежду, относящуюся по местным меркам к разряду приличных (юбку до колен и закрытую блузку с кружевами на груди и короткими рукавами) – с помощью Ольги она выбрала в магазине на одной из центральных проспектов города. Тонкие чулки и крошечные золотые сережки с синтетическими рубинами она захватила с собой, а из обуви, она решила, сойдут и ее собственные спортивные тапочки. В конце концов, они почти новые и очень ей нравятся. Ей удалось уложиться в восемь с небольшим тысяч гривен, что приятно ее удивило – дома покупка обошлась бы ей процентов на тридцать дороже. Переделалась она тут же, в магазине, в чуде природы под названием «кабинка для примерки». В здешней местности, как она совсем забыла, на людях раздеваться запрещалось даже до нижнего белья, и продавщицу, когда Карина прямо рядом с вешалками сбросила шорты, чтобы примерить юбку, чуть не хватил удар.

Свой внешний вид в зеркале ее вполне устроил. Ольга, однако, с сомнением посмотрела на ее обнову.

– Если высокородные гости тебя примут за служанку, – саркастически сказала она, – не бей их слишком сильно.

– Ну и ладно! – Карина гордо вскинула голову. – Раз я здесь как шпионка, под чужой фамилией, то и маскироваться стану до победного конца. Выведаю все ваши секреты и продам Великому Скотоводу, чтобы добиться его милости. Как у вас слуги к гостям обращаются?

– К гостям слуги обращаются «дама» и «рыцарь» независимо от наличия титулов. Только на секреты на надейся – те, кто их знает, язык за зубами держать умеют даже в лежку пьяными, а прочие только болтать и горазды. За их откровения тебе и десяти вербов не заплатят. Или вообще побьют. Пойдем, а то опоздаем. Что-то сегодня пробки совершенно невменяемые...

В парикмахерскую они за нехваткой времени не поехали. Карина погляделась в крохотное ручное зеркальце, пожалев о временах, когда мониторы в автомобиле еще не успели сменить зеркала заднего вида (Цу все еще вспоминала их с ностальгией), и решила, что и так сойдет. Ее новое – до сих пор новое до непривычности – фантомное тело умело самостоятельно изображать несколько простых причесок, и она вполне может ненадолго запереться где-нибудь в туалете, изобразив процесс приведения себя в порядок. А вот как псевдолосы отреагируют на ножницы, Карина еще не проверяла

и выяснять на глазах у посторонних не собиралась. Конечно, абсолютно достоверная имитация биоформы – вещь очень полезная, но рисковать на людях лишний раз не стоит.

К графине они добрались немного раньше намеченного срока – в семь двадцать. Огромный, на три этажа и три десятка окон по фасаду, особняк (если не сказать мини-дворец) располагался минутах в десяти езды от городской черты, посреди большого ухоженного парка. Парк окружала высокая кованая ограда, от которой к особняку тянулась широкая, в три полосы, автомобильная дорога. Пешеходные дорожки отсутствовали: то ли и дороги хватало, то ли сюда пешком вообще не приходили. Охранник, вышедший из будки у входа, провел сканером над ольгиным пелефоном, считывая приглашение, и кивнул, пропуская. Створки величаво раздвинулись, и машина Ольги лихо подкатила к особняку, на широкой парковке чуть поодаль от которого не наблюдалось ни одного автомобиля.

– Ну вот! – досадливо прищурилась Ольга. – Мы первые. Урок мне номер раз: никогда не являйся точно в срок, а тем более – на двадцать минут раньше. Все равно все опоздают, а до них станешь неприкаянной болтаться в одиночестве... Надеюсь, сама-то графиня дома? Карина, напоминаю: к лицам дворянского звания принято обращаться «рыцарь» или «дама». Эти надутые лягушки жутко любят лелеять единственное в себе заметное – свое самолюбие, так что на «господина» или «госпожу» могут и обидеться. Первой не заго-

варивай, тебя представят.

Она нервно потерла лоб.

– Впрочем, не знаю, – добавила она со вздохом. – Господин Медведь никогда светские рауты не любил, а если и посещал, то там Дворцовая охрана верховодила, я снаружи отиралась. Так что у меня у самой опыта нет. Интересно, сколько в книжках пишут правды? Большинство писателей наверняка сами ни разу на такие вечера не попадали. Ну, пойдем, что ли...

– Да не волнуйся ты так, – улыбнулась ей Карина. – Подумаешь, аристократы. Ты ведь тоже вайс-баронесса. Кстати, напомни мне, пожалуйста, у вас оой-бароны есть?

Ольга посмотрела на нее долгим задумчивым взглядом.

– Да, ты права, – наконец призналась она. – Волнуюсь. И даже боюсь. В первый раз окажусь на таком сборище в качестве самостоятельной персоны, а не тени кого-то другого. Тебе не понять, для тебя наши аристократы – персонажи из театральной пьесы. А у нас, плебеев, в подкорке перед ними преклонение сидит. И ведь нет в них ничего такого! Люди как люди. Умом все понимаю, а руки дрожат. Я же дворянка только по названию. Вайс-баронесса, промежуточница нахальная. Пустое место.

Она резко выдохнула через стиснутые зубы.

– Нет у нас оой-баронов, – натянуто сказала она. – Наследственные титулы – барон, вайс-граф, граф и оой-граф. И вайс-барон – пожизненный, выдается мещанам за особые за-

слуги или в протокольных целях, как мне. Слушай, пошли, а то я сейчас от страха машину заведу и уеду отсюда подальше.

Она распахнула дверцу и решительно полезла из автомобиля. Карина, слегка хихикнув, последовала ее примеру. Она помнила Ольгу по Сураграшу –решительную, резкую, суровую, со стальным взглядом, заставлявшим тушеваться даже самых нахальных местных мужиков. Девиант первой категории, высококлассный телохранитель, опытная хладнокровная убийца, движущаяся быстрее взгляда и видящая человека буквально насквозь – и боится оказаться в обществе аристократов? Ну и ну!

Отдав ключ пареньку в простом сером комбинезоне, чтобы тот отогнал машину на парковку, они поднялись по ступенькам широкого крыльца. Стоящий у входа лакей (лакей?) в блистающей золотыми шнурами красной одежде странного покроя почтительно распахнул перед ними дверь, согнувшись в поклоне едва ли не пополам. Сразу за дверью начался огромный, шагов в двадцать, холл, в который со второго этажа спускались две мраморных лестницы, а по бокам располагались широкие стеклянные двери в банкетные залы. С потолка свисала изящная золоченая (нет, натурально золотая, как подсказал сканер) люстра, в которой на манер свечей неярко мерцали лампы. По периметру холла располагались бархатные скамейки-банкетки.

– Ничего себе! – потрясенно проговорила Карина. – Настоящий дворец! Это что, личный дом графини? Или госу-

дарственное здание?

– Личный, – поежилась Ольга. – Один из пяти или шести сохранившихся в частной собственности родовых особняков таких размеров. Род Мушиного Плеса – один из самых древних и самых богатых. Сюда даже туристов на экскурсии возят за неплохие деньги, и отбоя, я слышала, нет, за период записываются. О, вот и сама графиня. Шикарно выглядит тетка, учись, как надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.